

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Квык Александр Валерьевич

**МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБИРАЕМЫЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Бертовский Лев Владимирович

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика альтернативных заключению под стражу мер пресечения, значение судебной инициативы при их избрании	19
§ 1. Альтернативные заключению под стражу меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве: генезис, понятие и характеристика	19
§ 2. Судебная инициатива на стадии предварительного расследования, ее значение при избрании мер пресечения	53
Глава 2. Особенности уголовно-процессуального регулирования мер пресечения, избираемых по инициативе суда на стадии предварительного расследования	72
§ 1. Основания и условия избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста	72
§ 2. Процессуальный порядок избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста по инициативе суда...	128
Глава 3. Отдельные проблемы применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста	161
§ 1. Применение меры пресечения в виде залога, проблемы повышения его эффективности	161
§ 2. Особенности применения запретов, установленных судом при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, проблемы контроля за их соблюдением	180
Заключение	212
Список литературы	223
Приложения	249

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопросы избрания мер пресечения всегда занимают особое место в науке уголовного процесса, поскольку напрямую связаны как с ограничением прав подозреваемых и обвиняемых, так и эффективностью предварительного расследования. Повышенный интерес к инициативной роли суда при избрании мер пресечения стал проявляться с принятием доктрины либерализации уголовного и уголовно-процессуального законов, которая была сформулирована Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым еще в 2009 г.¹ и выразилась в провозглашении курса экономии мер процессуального принуждения и смягчении применяемых в уголовном судопроизводстве мер пресечения. С указанного времени вопрос реализации выбранного курса неоднократно становился предметом внимания Президента Российской Федерации В.В. Путина в выступлениях перед общественными организациями, представителями силового блока и предпринимательства².

В итоге такой последовательной деятельности правоприменительные органы стали гораздо чаще ходатайствовать перед судами об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения. И если в 2010 г. российскими судами удовлетворено 668 ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (здесь и далее статистические сведения приведены по приложению 1), то в 2021 г. этот показатель составил 6828 решений (приложение 2); залог как мера пресечения был востребован в гораздо меньшей степени: в 2010 г. он избирался 629 раз, а в 2021 г. – 25 раз (приложение 3); закрепленная в уголовно-

---

¹ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2009. 13 нояб.

² Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании коллегии Генпрокуратуры России от 19.03.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998> (дата обращения: 26.03.2022); Встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с Уполномоченным по защите прав предпринимателей Борисом Титовым от 27.05.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60583> (дата обращения: 28.05.2022); Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 09.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67331> (дата обращения: 11.06.2022); Перечень поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045> (дата обращения: 26.07.2022).

процессуальном законодательстве в 2018 г. мера пресечения в виде запрета определенных действий была применена 301 раз, а в 2021 г. – 2 565 раз³ (приложение 4).

Изменился и подход судов к реализации полномочий избрания более мягких мер пресечения по собственной инициативе при отказе в удовлетворении соответствующих ходатайств органов предварительного расследования. Так, если в 2011 г. судами по собственной инициативе избраны меры пресечения в виде домашнего ареста и залога в количестве 1 345 и 447 решений, что составило 12,20 % от общего количества отказов в удовлетворении судом ходатайств следственных органов, то в 2021 г. количество решений об избрании мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий составило 3 549, 71 и 1 125 – 46,85 %⁴ (приложение 5).

Вместе с тем возрастающие абсолютные показатели применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения по-прежнему не позволяют говорить о них как о реальной альтернативе заключению под стражу, поскольку процентный показатель их доли от общего числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения остается ничтожно малым (за 2015–2017 гг. – 8,22 %⁵), следствием чего и явилось принятие 18 апреля 2018 г. Федерального закона № 72-ФЗ⁶, значительно изменившего предметную составляющую мер пресечения в виде домашнего ареста и залога и закрепившего принципиально новую для российского уголовного процесса меру пресечения в виде запрета определенных действий.

Несмотря на появление широких возможностей возложения на подозреваемых или обвиняемых иных ограничительных мер, нежели лишение их свободы, суды, как отметил Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, до настоящего времени не в полной мере их реализуют, в связи с чем призвал российских судей более ак-

---

³ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Рос. газета. 2018. 20 апр.

тивно реализовывать свои полномочия в указанной сфере по делам о ненасильственных преступлениях⁷.

Так, к примеру, исходя из статистических сведений о количестве рассмотренных судебными органами в Российской Федерации уголовных дел о преступлениях в сфере экономики (гл. 22 УК РФ) (2017 г. – 6 409 уголовных дел; 2018 г. – 8 954; 2019 – 9 745; 2020 – 9 293; 2021 г. – 10 681 уголовное дело), а также сведений о количестве удовлетворенных судами по данной категории уголовных дел ходатайств следственных органов о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (2017 г. – в 8,01 % случаев; 2018 – в 5,82; 2019 – в 6,69; 2020 – в 7,69; 2021 г. – в 5,94 % случаев⁸) следует, что за последние пять лет каждый четырнадцатый подсудимый по уголовному делу о преступлениях в сфере экономики в Российской Федерации был заключен под стражу, и при наличии целого ряда альтернативных видов мер пресечения сложившаяся ситуация является недопустимой, на что прямо обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин, указав, что «подобная практика будет прекращена»⁹.

Современные реалии, вызванные распространением в условиях переполненных следственных изоляторов коронавирусной инфекции¹⁰, как среди следственно-арестованных, так и среди лиц, осуществляющих контроль за исполнением условий применения избранной меры пресечения, также указывают на насущную практическую потребность в рассмотрении возможностей более широкого применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Сложившаяся обстановка, связанная с недостаточным использованием правоприменителями запретительных возможностей альтернативных заключению под стражу мер пресечения, в том числе и судьями при рассмотрении соответствующих ходатайств следственных органов об избрании наиболее строгой меры пресечения,

---

⁷ Глава ВС РФ призвал судей не пренебрегать возможностью смягчения мер пресечения. URL: http://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/31146 (дата обращения: 26.07.2022).

⁸ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdpr.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

⁹ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 07.12.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁰ Письмо директора ФСИН России от 07.04.2020 в адрес Председателя Верховного Суда РФ (вх. № 2846-20-4-ВС от 08.04.2020) // Архив автора.

вызвана отсутствием должных теоретических разработок в рассматриваемой сфере с учетом изменений законодательства, появлением новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, а также необходимостью совершенствования существующей нормативной базы о мерах пресечения, что обуславливает актуальность выбранной темы и необходимость комплексного исследования института мер пресечения, избираемых по инициативе суда на стадии предварительного расследования.

Степень разработанности темы исследования обусловлена наличием фундаментальных работ российских ученых-процессуалистов, подготовленных в дореволюционный период, таких как А.Ф. Кистяковский, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.И. Люблинский, работ советского периода А.Д. Бурякова, П.М. Давыдова, З.З. Зинатулина, З.Ф. Ковриги, В.М. Корнукова, Ю.Д. Лившица, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, и др., а также исследованиями современных авторов, таких как Ф.Н. Багаутдинов, А.С. Барабаш, А.И. Бастрыкин, В.П. Божьев, Б.Б. Булатов, В.М. Быков, Е.Г. Васильева, Л.А. Воскобитова, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Головкин, Е.В. Гусельникова, К.Ф. Гуценко, З.Д. Еникеев, О.В. Качалова, Ф.М. Кобзарев, Н.Н. Ковтун, Н.А. Колоколов, А.В. Кудрявцева, А.М. Ларин, Д.А. Лисков, В.З. Лукашевич, В.А. Михайлов, Т.Г. Морщакова, В.В. Николук, Ю.Г. Овчинников, И.Л. Петрухин, Н.В. Ткачева, И.Л. Трунов, Л.К. Трунова, О.И. Цоколова, А.С. Червоткин, А.Б. Чичканов, С.П. Щерба и др.

В диссертационных исследованиях данная тема получила отражение в работах, касающихся вопросов избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, таких как: Ю.Г. Овчинников «Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе» (Омск, 2006), В.А. Светочев «Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации» (Калининград, 2009), С.В. Богданчиков «Залог в уголовном судопроизводстве» (М., 2009), В.В. Климов «Законность и обоснованность применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России» (М., 2012), С.В. Колоскова «Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика» (Нижний Новгород, 2014), Ю.Ю. Ахминова «Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования» (Санкт-

Петербург, 2018), Ю.В. Царева «Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика» (Нижний Новгород, 2018), О.Д. Вастьянова «Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России» (Омск, 2022).

Кроме того, отдельные аспекты выбранной темы исследования были изучены в ряде работ других авторов: Н.А. Колоколов «Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: проблемы осуществления в условиях правовой реформы» (М., 1998), Л.К. Трунова «Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе» (М., 2002), О.И. Цоколова «Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе» (М., 2007), О.Г. Иванова «Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания» (Томск, 2019).

При несомненном достоинстве работ указанных авторов все они затрагивали выбранную тему исследования лишь частично и были выполнены, в подавляющем большинстве, до внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, существенно преобразившим и дополнившим перечень альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения. Комплексного современного исследования вопросов избрания мер пресечения по инициативе суда и особенностей их применения до настоящего времени не было.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является разработка научных положений и практических рекомендаций в области совершенствования оснований и процессуального порядка избрания и применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения по инициативе суда на стадии предварительного расследования путем комплексного, всестороннего подхода на основе действующего отечественного и зарубежного законодательства, судебно-следственной практики и имеющихся научных работ.

Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач:

– дать понятие «альтернативных видов мер пресечения», выделить их исторические и теоретические основы, провести анализ современного зарубежного законо-

дательства о мерах пресечения на предмет выявления общих черт и различий в правовом регулировании;

– исследовать категории судебной инициативы на стадии предварительного расследования и судебной ситуации при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения, выявить их сущность и значение;

– проанализировать современные законодательные положения об основаниях и условиях избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, разработать классификацию оснований для избрания мер пресечения исходя из критерия индивидуализации меры пресечения применительно к конкретной судебной ситуации;

– выделить и рассмотреть формы судебных ситуаций, складывающихся в связи и по поводу процессуального избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста по инициативе суда;

– сформулировать предложения по повышению эффективности применения меры пресечения в виде залога;

– проанализировать виды запретительных мер, возлагаемых на подозреваемого (обвиняемого) в рамках запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, определить перспективы совершенствования законодательства в указанной сфере для повышения эффективности применения указанных мер пресечения.

Объектом диссертационного исследования являются уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в связи с деятельностью участников уголовного судопроизводства по поводу избрания по инициативе суда и последующего применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения. **Предметом** настоящего исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие деятельность участников уголовного судопроизводства в связи и по поводу избрания судом по собственной инициативе мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, научные разработки в указанной области, а также материалы правоприменительной практики.

Научная новизна диссертации заключается в том, что автором, одним из первых, на монографическом уровне с учетом последних изменений уголовно-процессуального законодательства проведен комплексный и системный анализ аль-

альтернативных заключению под стражу мер пресечения с позиции инициативной роли суда при их избрании, закрепленной как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и выраженной в последовательной реализации президентской доктрины о либерализации уголовно-процессуального закона, сформулированной в 2009 г.

Кроме того, новизна научного исследования обусловлена принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, закрепившего принципиально новую меру пресечения в виде запрета определенных действий и существенно преобразившего меры пресечения в виде домашнего ареста и залога.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что результаты данной работы вносят свой вклад в развитие науки уголовного процесса, в том числе в вопросы о порядке избрания и применения мер пресечения, и могут быть использованы в учебном процессе при изучении дисциплины «Уголовный процесс», приняты во внимание в процессе совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства, а также следственной и судебной практики в части избрания альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили труды представителей науки уголовно-процессуального права по теме выбранного исследования в виде диссертаций, монографий, научных статей, докладов и тезисов, а также иных опубликованных материалов. Нормативную правовую базу составили Конституция РФ, действующее российское уголовно-процессуальное и иное законодательство, нормативные правовые акты зарубежных стран, решения Конституционного Суда РФ, постановления и определения Верховного Суда РФ, относящиеся к предмету исследования.

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения 264 уголовных дел, производство по которым осуществлялось в период 2014–2022 гг., в ходе расследования которых принимались решения об избрании и продлении срока применения домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, а также об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на указанные менее строгие. В процессе исследования проведено анкетирование 183 следователей и руководителей следственных органов (образец анкеты представлен в приложении б),

86 сотрудников ФСИН (образец анкеты представлен в приложении 7), 42 судей (образец анкеты представлен в приложении 8).

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют философский метод познания диалектического материализма, заключающийся в рассмотрении предмета познания в его непрерывном развитии, изменениях и связи с другими явлениями, а также общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический (индуктивный, дедуктивный, анализ и синтез), логико-юридический и лексического контента, используемые при написании работы для выявления сущности рассматриваемых вопросов и формирования авторских понятий, метод интерпретаций, позволивший выявить признаки фактического применения домашнего ареста еще до момента его законодательного закрепления, метод сравнительного правоведения и исторический метод, применяемые при написании первого параграфа работы, с помощью которых представилось возможным исследовать рассматриваемую тему в исторической последовательности и сравнить современную нормативную модель альтернативных заключению под стражу мер пресечения в России с аналогичными уголовно-процессуальными институтами других стран, а также социологический, статистический методы и метод обобщения практики, реализованные в виде опросов практикующих работников, обобщения имеющегося практического опыта и статистических сведений.

Научную новизну настоящего исследования определяют также нижеприведенные **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сформулировано авторское понятие «альтернативные виды мер пресечения», под которыми понимаются «предусмотренные законодательством виды мер пресечения, избрание которых допускается уголовно-процессуальным законом вместо меры пресечения, инициированной к избранию органами предварительного расследования», в связи с чем предложена следующая классификация мер пресечения:

- избранные по инициативе органов предварительного расследования;
- альтернативные виды, избранные судом по собственной инициативе при рассмотрении соответствующих ходатайств следственных органов, где законом допускается возможность применения более мягкого вида меры пресечения.

Обосновано положение, что Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ ранее существующая в Уголовно-процессуальном кодексе РФ система мер пресечения, в частности альтернативные заключению под стражу виды, потеряла прежнюю строгость своего иерархического построения ввиду трансформирования залога и появления его разновидностей в виде так называемого «чистого» залога и залога с установлением конкретных запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, изменения сущностного содержания домашнего ареста с частичной изоляции на полную изоляцию в жилом помещении, а также закрепления ранее неизвестной российскому законодателю меры пресечения в виде запрета определенных действий, конкурирующей по своему содержанию с домашним арестом, однако имеющей более лояльный по отношению к подозреваемому (обвиняемому) порядок исчисления и продления сроков применения.

Появление дополнительных видов альтернативных заключению под стражу мер пресечения, а также трансформация ранее известных видов мер пресечения связаны не столько с низким статистическим показателем их применения, но в большей степени – с вниманием законодателя к необходимости индивидуализации применяемых мер пресечения в отношении отдельных категорий подозреваемых (обвиняемых), таких как несовершеннолетние, лица престарелого возраста, представители бизнес-сообщества, лица особого правового статуса и др.

2. Сформулирован вывод, что проявление судом инициативной роли при избрании мер пресечения не свидетельствует о смещении функций участников уголовного судопроизводства. При решении данного вопроса судья находится в конкретной судебной ситуации, под которой предлагается понимать «совокупность сведений из представленных сторонами уголовного процесса материалов, при которых судьей в рамках конкретного судебного заседания подлежит разрешению вопрос об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения», а судебская инициативная деятельность является необходимым элементом в процессе разрешения заявленного ходатайства об избрании меры пресечения, позволяющим оценить и учесть мнение мнения сторон процесса.

3. Сформулирован вывод, что перечисленные в ст. 97 УПК РФ основания не позволяют в должной мере разрешить вопрос об избрании конкретного вида меры

пресечения в индивидуальной судебной ситуации, поскольку при их формулировании допущено смешение с целями их избрания, а ценность и эксклюзивность критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения», закрепленного в статьях 108, 107, 105.1 УПК РФ как условия применения данных мер пресечения, фактически нивелированы частотой его законодательного использования, что на практике приводит к непрозрачности принимаемых решений об избрании конкретного вида мер пресечения, в связи с чем предложено авторское представление трехзвенной структуры оснований избрания мер пресечения, под которыми следует понимать конкретные фактические сведения, указывающие на реальные намерения лица совершить действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, подразделив их: на связанные с событием преступления, характеризующие постпреступное поведение лица и опосредованные (непосредственно не связанные с событием преступления и постпреступной деятельностью, а характеризующие социальный статус лица, его физическое состояние и внешние факторы).

Рассмотрение указанных сведений в каждой отдельной судебной ситуации позволяет судье определить, намерен ли обвиняемый (подозреваемый) осуществить действия по воспрепятствованию производству по уголовному делу и какой из видов мер пресечения обеспечит его должное поведение. Появление возможности применения комплекса запретительных мер, собираемых как конструктор в каждой судебной ситуации, применительно к конкретному обвиняемому (подозреваемому) в рамках домашнего ареста, залога или запрета определенных действий предопределяет вектор более активного применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

4. Выделены формы судебных ситуаций проявления инициативной роли суда в процессе избрания мер пресечения, в рамках которых и реализуется функция судебного контроля за законностью и обоснованностью применяемой в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения. Возросшие с 12,20 % в 2011 г. до 46,85 % в 2021 г. показатели инициативного принятия судами решений об избрании домашнего ареста, залога или запрета определенных действий при отказе в удовлетворении ходатайств органов предварительного следствия о применении заключения под стражу, а также соотношение показателей общего количества решений об

избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения по инициативе суда и инициативе органов предварительного расследования, которое к 2021 г. составило 42,20 к 57,80 %, убедительно свидетельствуют о высокой роли суда при решении вопроса об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Вместе с тем сосредоточение сторон на доказывании суду необходимости применения конкретного вида меры пресечения приводит к тому, что вопрос о видах налагаемых запретов при избрании судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения остается без обсуждения, в связи с чем в 94,55 % случаях суды склонны устанавливать все виды запретов, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не индивидуализируя их к конкретному подозреваемому (обвиняемому), роду его занятий и потребностям.

Проведенный анализ порядка избрания мер пресечения и продления срока их применения показал несовершенство модели взаимодействия между поднадзорным (в лице следователя) и надзирающим (в лице прокурора) органами, в связи с чем, в целях недопущения различных позиций указанных органов по вопросам вида применяемой меры пресечения, что негативно влияет на эффективность всего уголовного судопроизводства, полагаем необходимым внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство об обязательности получения следователем помимо согласия руководителя следственного органа согласия прокурора для избрания в судебном порядке меры пресечения и продления срока ее применения, что должно найти отражение в виде соответствующей резолюции на постановлении следователя.

5. Доказано, что современное законодательное закрепление меры пресечения в виде залога позволило реализовать принцип «конструктора» в создании условий применения меры пресечения, а именно возможность одновременного ограничения как личных, так и имущественных прав подозреваемого или обвиняемого, что, безусловно, должно сдвинуть с «мертвой точки» статистические показатели применения данного вида меры пресечения. Вместе с тем, сформулированы перспективы развития данной меры пресечения, заключающиеся в том, чтобы изменить порядок избрания залога с судебного на внесудебный, оставив необходимость получения су-

дебной санкции только при избрании залога с установлением запретов определенных действий, закрепить на законодательном уровне возможности наложения имущественных взысканий на предмет залога, для чего потребуются разрешить допуск в качестве залогодателя только самого подозреваемого (обвиняемого), а также закрепить на законодательном уровне исключительно денежный вид залога, что упростит порядок его применения и станет стимулом для развития и становления так называемых «профессиональных залогодателей», предоставляющих подозреваемому или обвиняемому сумму займа для ее внесения в качестве залога.

6. Сформулирован вывод, что посредством применения системы запретительных мер возможно создать наиболее рациональную и оптимальную модель ограничений для подозреваемого или обвиняемого в рамках меры пресечения, при которой, с одной стороны, будет обеспечено его надлежащее поведение, с другой – не будет допущено неоправданного ограничения конституционных прав лица. При этом перечень таких мер, с целью недопущения неоправданного вмешательства в конституционные права человека на этапе правоприменения, все-таки должен оставаться закрытым и конкретно определенным, хотя с расширением практики использования альтернативных заключению под стражу мер пресечения он будет расширяться и дополняться новыми запретами путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Система контроля за соблюдением установленных подозреваемому или обвиняемому запретов, напротив, нуждается в коренном преобразовании и формировании новых, автоматизированных систем контроля, одной из которых могла бы стать система голосовой идентификации, внедрение которой позволило бы не только разгрузить сотрудников территориальных подразделений ФСИН России от несвойственной им ранее деятельности в виде личного посещения подконтрольных лиц, но и создать прочную основу для последующего развития и эффективного применения средств контроля.

7. С целью реализации основных выводов диссертационного исследования выработаны дополнительные предложения по изменению действующего законодательства в указанной сфере:

1) пандемия, вызванная распространением коронавируса Covid-19, оказывала прямое влияние на виды избираемых на практике мер пресечения, а также на решения по отдельным уголовным делам, в связи с чем предложено закрепить наличие подобных обстоятельств в ст. 99 УПК РФ применительно к обстоятельствам, учитываемым при избрании мер пресечения, и сформулировать ее следующим образом: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, **санитарно-эпидемиологическая ситуация** (выделено нами. – *Авт.*), сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства»;

2) изученные и проанализированные изменения в главе 13 УПК РФ позволили сделать вывод о необходимости изменения иерархического положения новой меры пресечения в виде запрета определенных действий в системе мер пресечения со ст. 105.1 на ст. 106.1 УПК РФ по причине ее большей строгости по отношению к залог, выраженной в превалировании ограничительных мер личных прав над ограничением прав имущественных;

3) ввиду чрезмерно активного закрепления законодателем критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» в нормах уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 УПК РФ) его значение стало нивелироваться. Учитывая, что назначение уголовного судопроизводства в виде защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод обязывает сторону обвинения избирать только такую меру пресечения, применение которой необходимо для достижения должного порядка производства по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также принцип иерархического построения системы мер пресечения в ст. 98 УПК РФ, закрепление критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» применительно к наиболее строгой мере пресечения в виде заключения под стражу допустимо и оправданно, однако дублирование данного понятия применительно к домашнему аресту и запрету определенных действий является нецелесообразным, в

связи с чем предлагается исключить его из диспозиций ч. 1 ст. 105.1 и ч. 1 ст. 107 УПК РФ;

4) поскольку применение запрета определенных действий имеет под собой целью предоставление лицу ряда свобод для осуществления профессиональной, учебной или иной деятельности при наличии ряда ограничений, тогда как итоговой целью домашнего ареста является изоляция лица от общества в жилом помещении, условия и ограничительные меры, налагаемые на лицо в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий значительно более лояльны, чем условия содержания лица под домашним арестом, в связи с чем предлагается изменить и порядок зачета срока применения запрета определенных действий с запретом покидать жилище по сравнению с порядком зачета срока применения домашнего ареста в общий срок наказания и засчитывать его из расчета не два, а три дня применения запрета определенных действий за один день содержания под стражей (лишения свободы), что потребует внесения изменений в ч. 10 ст. 109 УПК РФ и ч. 3.4 ст. 72 УК РФ;

5) объединить запретительные меры, изложенные в пунктах 3, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и изложить запрет в следующей редакции: «общаться с определенными лицами, в том числе посредством средств связи, и использовать информационно-телекоммуникационные сети»;

6) поскольку в решении суда об избрании меры пресечения с установлением запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, невозможно предусмотреть всех случаев исключений и бытовых потребностей лица при применении данной меры пресечения, предлагается изменить существующий порядок принятия решения об изменении условий применения установленных подозреваемому или обвиняемому запретов с судебного на внесудебный, наделив следователя полномочиями принимать такие решения исключительно в сторону смягчения указанных условий, при наличии обоснованного ходатайства стороны защиты либо без такового по собственному усмотрению.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного процесса Московской академии След-

ственного комитета Российской Федерации, где проведены ее обсуждение и рецензирование.

Основные результаты исследования опубликованы в двадцати пяти научных статьях общим объемом 8,22 а.л., в том числе десять – в ведущих рецензируемых изданиях, входящих в список рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, одна статья опубликована в журнале, индексируемом в Scopus. Теоретические и прикладные положения диссертационного исследования также докладывались диссертантом в рамках научно-практических конференций¹¹.

Основные положения диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, Дальневосточного юридического института Университета прокуратуры Российской Федерации и практическую деятельность следственных подразделений Следственного комитета РФ по Приморскому и Алтайскому краям, по Амурской области и г. Санкт-Петербургу, прокуроров отдела по надзору за исполнением

---

¹¹ Автором принято участие в следующих научно-представительских мероприятиях: Всероссийская научно-практическая конференция «Образование, наука и практика в деятельности по обеспечению прав граждан в борьбе с преступностью» (Владивосток, 12 ноября 2015 г.), III Криминалистические чтения (Владивосток, 20 ноября 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути их решения» (Москва, 19 февраля 2016 г.), XV Международные Конивские чтения (Владивосток, 2 марта 2016 г.), Международная научно-практическая конференция «Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Хабаровск, 22-23 сентября 2016 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации» (Владивосток, 16 ноября 2016 г.), XXII Международная научно-практическая конференция «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях» (Иркутск, 18-19 мая 2017 г.), Межвузовский круглый стол аспирантов и магистрантов «Служа закону – служим Отечеству» (Москва, 30 мая 2017 г.), Межвузовская молодежная научно-практическая конференция «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (Москва, 8 декабря 2017 г.), Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий» (Красноярск, 13-14 ноября 2020 г.), II Международная межвузовская научно-практическая конференция «Высокотехнологичное право: генезис и перспективы» (Красноярск, 26 февраля 2021 г.), Международная научно-практическая конференция «Применение в юриспруденции современных технологий: актуальные вопросы теории и практики» (Красноярск, 21 мая 2021 г.), Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход» (Красноярск, 18-19 июня 2021 г.), Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Проблемы восстановления прав потерпевших от преступлений в уголовной политике РФ» (Красноярск, 22-23 октября 2021 г.).

законов в таможенной сфере, процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Дальневосточной транспортной прокуратуры, а также судей Фрунзенского районного суда г. Владивостока и Приморского краевого суда.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ПРИ ИХ ИЗБРАНИИ

§ 1. Альтернативные заключению под стражу меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве: генезис, понятие и характеристика

Определение современного состояния уголовно-процессуального регулирования альтернативных заключению под стражу мер пресечения немислимо без анализа исторического пути их развития в целом. При этом на становление института мер пресечения, как и любого правового института, оказывает влияние целый комплекс экономических, социальных и даже внешнеполитических условий. Совершенно обоснованно по этому поводу рассуждает А.В. Величко, указывая, что эволюция мер пресечения тесно связана с развитием общества, и перерождение категории преступления из дела личного в публичное изменило виды и характер применяемых мер пресечения¹².

Казалось бы, кардинальное изменение государственного устройства, произошедшее с XIX в. по настоящее время, «камня на камне» не оставили от мер пресечения, применяемых в то время, однако при более глубоком анализе можно найти значительные элементы сходств и исторической преемственности.

При этом в значительной степени разнообразие и строгость применяемых мер пресечения обусловлены политическим устройством, существующим на конкретный период времени.

В современном понимании к альтернативным видам мер пресечения, которые, в свою очередь, являются составной частью более широкой системы мер уголовно-процессуального принуждения, относятся домашний арест и залог. С недавнего времени к указанной категории относится и новая для российского уголовного процесса мера пресечения в виде запрета определенных действий.

---

¹² Величко А.В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 15.

Законодательно закрепленной категории «альтернативные виды мер пресечения» не существует. В словаре иностранных слов понятием «альтернатива», происходящего от французского *alternative*, определяется «каждая из исключających друг друга возможностей»¹³, из чего следует, что альтернативный вариант чего-либо всегда должен рассматриваться в соотношении с другим.

Верховный Суд РФ, разъясняя особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, указывает, что «избирая меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, суду необходимо руководствоваться требованием статьи 423 УПК РФ об обязательном обсуждении возможности применения альтернативной меры пресечения в виде передачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц»¹⁴, относя, таким образом, к альтернативным мерам пресечения и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, хотя процедура ее избрания на стадии предварительного расследования по общему правилу не подразумевает судебного процесса.

Таким образом, категория «альтернативных видов мер пресечения» не является «застывшей» и включает в себя определенные виды мер пресечения, которые в данном конкретном случае можно применить к подозреваемому (обвиняемому) в качестве альтернативы мере пресечения, инициированной к избранию органами предварительного расследования. Безусловно, в рассматриваемом аспекте такие альтернативные виды мер пресечения по своему содержанию должны быть более мягкими.

Отдельные черты современных альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения можно найти в различных источниках права разных времен.

Зарождение рассматриваемого института мер пресечения в целом соотносится с периодом становления института уголовной ответственности. В.А. Светочев, к примеру, указывает на имевший место в республиканском Риме прообраз меры пре-

---

¹³ Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1954. С. 273.

¹⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

сечения в виде личного поручительства, в рамках чего на лицо, к которому оно применялось, коим мог быть и раб, допускалось наложение ряда ограничений. В императорский период предусматривался прообраз меры пресечения в виде домашнего ареста, при котором двое солдат осуществляли постоянный надзор за обвиняемым¹⁵.

А.П. Куницын, анализируя в своей работе судопроизводство Новгородской области за период до XVI в., указывает, что «обвиняемые в тяжких уголовных преступлениях содержались в порубахъ, то есть тюрьмахъ»¹⁶. Однако далее он же указывает, что «правительство тщательно разделяло преступников по роду, делу, званию и нравственному характеру каждого... . Оттого мы видим в Истории Новгородской, что для одних дом Архиепископа служил местом заключения; другие содержимы были под стражей в церквях, как это часто бывало с духовными особами; иные наконец подвергались только домовому аресту (1337 г., 1342 г.)»¹⁷.

Т.С. Исаева приводит схожие примеры во время действия Судебников 1497 и 1555 гг., согласно которым всех, кого «облихуют», т. е. не одобряют поведение, лишали свободы до суда, а поскольку пенитенциарных учреждений в то время еще не было, арестованные содержались во дворе у пристава (в сарае, подполье и т. п.), который надзирал за арестованным («отдача за пристава») ¹⁸.

Такие условия содержания имеют значительное сходство с современной мерой пресечения в виде заключения под стражу, однако нахождение лица вне специально предназначенного помещения, а также установление за ним надзора пристава, позволяют рассуждать о некотором сходстве с условиями содержания под домашним арестом.

Ю.Г. Овчинников в своей работе первое упоминание о домашнем аресте относит к XVII в.: «...когда к обвиняемым знатного происхождения приставляли пристава для надзора. Поднадзорные при этом находились у себя в жилище и не имели права покидать пределы своего дома (дьяки Александр Дуров и Дмитрий Карпов,

---

¹⁵ *Светочев В.А.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009. С. 21.

¹⁶ *Куницын А.П.* Историческое отображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. С. 96.

¹⁷ Там же. С. 96–97.

¹⁸ *Исаева Т.С.* Основные памятники русского права: учеб. пособие / под ред. *Л.Н. Хроленко*. Владивосток, 1983. С. 37, 45.

больной князь Белосельский)»¹⁹. Именно по таким признакам, как «надзор пристава» и «нахождение в жилище без права его покидания», определяет начало применения домашнего ареста и В.В. Климов²⁰.

Ко времени принятия Соборного Уложения 1649 г. наиболее часто применяемыми являлись две меры пресечения – заключение в тюрьме и поручительство. Причем, исходя из последствий несоблюдения условий применения поручительства, определить, какое из них являлось более строгим, представляется проблематичным. Так, А.Ф. Кистяковский приводит следующий порядок действий при несоблюдении поручительства: «И на нас на порутчиков иск весь сполна..., а пеня – что великий государь укажет... и наши порутческие головы вместо его головы»²¹.

Как следует из процитированного фрагмента, поручители отвечали за поведение поручаемого как материально, так и ценой собственной жизни. С.В. Богданчиков, анализируя содержательную сторону поручительства того времени, рассуждает о появлении залога именно на его основе²².

И.Д. Гайнов, анализируя содержание книги 2 тома 15 Свода законов 1832 г., указывает, что в ст. 876 раздела II впервые выделены следующие виды меры пресечения: содержание в тюрьме и при полиции, домашний арест, полицейский надзор, отдача на поруки²³.

Указанный законодательный акт явился первым кодифицированным документом, который закрепил понятие «домашний арест», а также установил конкретно-определенный перечень обстоятельств, в зависимости от которых находилось принятие решения о мере пресечения, среди которых были выделены: тяжесть преступления, причастность лица к его совершению, а также обстоятельства, свидетельствующие о его намерениях скрыться.

---

¹⁹ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 11.

²⁰ Климов В.В. Законность и обоснованность применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России. М., 2013. С. 37.

²¹ Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. С. 32.

²² Богданчиков С.В. Залог в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 27–29.

²³ Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4. С. 109.

Подобные обстоятельства, как указывает И.Д. Гайнов учитывались и при избрании меры пресечения в виде тюремного заключения, которая применялась в «случае обвинения лица в совершении преступления, которое влекло лишение всех прав состояния (гражданских прав, преимуществ, собственности, прекращение супружеских и родительских прав) или торговую казнь (публичное телесное наказание), а также обвиняемых в других, менее важных преступлениях, но не принятых на поруки. Применение домашнего ареста или полицейского надзора допускалось при обвинении в совершении менее опасных преступлений, наказанием за которые являлось тюремное заключение на конкретно-определенный срок (ст. 878)»²⁴.

В 1857 г. в связи с изданием 15 августа 1845 г. в России Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и приведением в соответствие ему иных законодательных актов в Свод законов были внесены дополнения, согласно которым: в тюрьмах предписывалось содержать во время следствия и суда всех обвиняемых в преступлениях, по которым «определялось лишение всех прав состояния или же потеря всех особых, как лично, так и по состоянию присвоенных, прав и имуществ, и ссылка на жительство в Сибирь или другие отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства или в рабочий дом, особенно когда подсудимые уже осуждены в первой степени суда», а равно тех, «кто был обвиняемым в других, менее важных, преступлениях, но не может предоставить себе поруки» (ст. 134 т. 15, изд. 1857 г.). В домашнем аресте и полицейском надзоре надлежало «содержать обвиняемых в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы заключению в крепости, в смиренных домах или тюрьме» (ст. 135)²⁵.

Значимым этапом в развитии как залога, так и домашнего ареста явилось принятие 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), включенного в 1877 г. в книгу 2 тома 15 Свода законов вместо прежнего Свода законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г., а с 1892 г. существующего в качестве тома 16, в связи с чем следует согласиться с точкой зрения Ю.Ю. Ахминовой, утверждающей о некорректности указания на то, что «впервые домашний арест был

---

²⁴ Гайнов И.Д. Указ. соч. С. 109.

²⁵ Там же. С. 110.

предусмотрен в Своде законов 1832 г., а затем в УУС»²⁶, поскольку УУС являлся такой же неотъемлемой частью Свода законов, как и другие Уставы 1864 г. (Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

В соответствие с УУС система мер пресечения состояла из следующих видов: 1) отобрание вида на жительство или подписка о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест; 6) взятие под стражу (ст. 416).

Таким образом, УУС впервые нормативно закрепил меру пресечения в виде залога в системе иных, известных законодательству ранее, мер пресечения и, по вполне обоснованному мнению П.И. Люблинского, выделил из имеющихся ранее мер, основанных на личном обеспечении участия обвиняемого в отправлении правосудия, новую – основанную на обеспечении денежном²⁷.

Статистические данные применения в то время альтернативных содержанию в тюрьме мер пресечения отсутствуют. По этому поводу весьма точно выразился А.Ф. Кистяковский, указав, что: «об этом нельзя не пожалеть, тем более что разрешение вопроса об относительной применяемости каждой из четырех мер могло бы бросить свет на всю систему мер пресечения»²⁸.

И.Я. Фойницкий, несмотря на статистический вакуум того времени, отмечал прогрессивность УУС, указывал на стремление законодателя оградить интересы гражданской и личной свободы и сужение практики применения личного задержания в угоду широкого развития других мер, предполагающих оставление обвиняемых на свободе²⁹.

Безусловно, представляется затруднительным однозначно высказаться относительно данных точек зрения, но появление законодательной возможности применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения и их первую процессуальную регламентацию следует признать позитивным явлением того времени,

---

²⁶ Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 19.

²⁷ Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры обеспечения неуклонения обвиняемого от правосудия. СПб., 1906. С. 348.

²⁸ Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 107.

²⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 54.

позволившим в итоге в нынешнем виде закрепить и использовать рассматриваемые виды мер пресечения.

УУС закреплял общие основания, учитываемые при избрании лицу меры пресечения, такие как «строгость угрожающего ему наказания, силу представляющихся против него улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе» (ст. 421), а также выделял частные условия применительно к таким мерам пресечения, как отдача на поруки (ст. 417), взятие залога (ст. 418) и содержание под стражей (ст. 419 и 420)³⁰.

Применительно к домашнему аресту дополнительных нормативных ограничений применения или порядка исполнения не предусматривалось. В связи с этим В.С. Шадрин совершенно справедливо замечает, что «авторы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. считали возможным ограничиться лишь упоминанием домашнего ареста среди мер, предпринимаемых судебным следователем. Какая-либо процессуальная регламентация применения данной меры пресечения, да и определение понятия домашнего ареста отсутствовали»³¹.

Первыми сколько-нибудь достоверными статистическими сведениями о применении альтернативных заключению под стражу мер пресечения являются данные В.Д. Караева, опубликованные в 1902 г. Так, к осужденным в 1898 г. в общих судебных установлениях под стражей содержалось 16 836 лиц, под домашним арестом – 2 лица, залог был применен в 452 случаях. В мировых судах и учреждениях, образованных по закону 12 июля 1889 г., заключение под стражу было применено в отношении 30 692 лиц, случаи применения домашнего ареста отсутствовали, залог применен в 311 случаях³².

Таким образом, залог как мера пресечения, найдя свое законодательное закрепление спустя чуть более 30 лет после нормативного закрепления домашнего ареста, в правоприменительной практике стал использоваться гораздо активнее,

---

³⁰ Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами Министра юстиции / под ред. М. Шрамченко, В. Широкова. СПб., 1899. С. 124.

³¹ Шадрин В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения // Криминалистика. 2012. № 1. С. 45.

³² Кузьмин-Караев В.Д. Пресечение способов уклонения от следствия и суда. СПб., 1902. С. 36.

нежели домашний арест, что было связано, на наш взгляд, с определенными трудностями в практическом исполнении функции надзора при домашнем аресте.

Октябрьская Революция 1917 г. не могла не повлиять на уголовно-процессуальное регулирование мер пресечения. Декрет СНК РСФСР «О суде» устанавливал возможность применения действующих до 1917 г. законов в той части, которая «не отменена революцией и не противоречит революционной совести и революционному правосознанию»³³.

Приказом Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 г. № 1596, утвердившим «Положение о военных следователях», система мер пресечения изменила свой облик и предусматривала: письменное обязательство о явке к следователю и неотлучке с места службы и жительства, отдачу на поруки, залог, отдачу под ближайший надзор начальства и арест³⁴.

Не предусмотренная в указанном перечне мера пресечения в виде домашнего ареста была вновь закреплена в ст. 147 УПК РСФСР, принятого постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 25 мая 1922 г.³⁵, где помимо нее закреплялись следующие виды: подписка о невыезде, личное и имущественное поручительство, залог и заключение под стражу.

В УПК РСФСР, принятым постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.³⁶, приведенные выше положения о мерах пресечения были продублированы.

В ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. отмечалось: «Лишение свободы в качестве меры пресечения может быть заменено поручительством профессиональных и иных рабочих, крестьянских и об-

---

³³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. документов / сост. Л.Н. Гусев, под ред. С.А. Голунского. М., 1955. С. 32.

³⁴ Положение о военных следователях от 30.09.1919 // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сб. документов. М., 1955. С. 109.

³⁵ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.12.2020).

³⁶ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 15.02.1923 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.12.2020).

ществленных организаций. Замена лишения свободы денежным и имущественным залогом не допускается»³⁷.

Видные ученые того времени резко отрицали возможность использования каких-либо альтернативных мер пресечения. Так, М.С. Строгович, рассуждая о залоге как об откупе нетрудового элемента, утверждал, что «... пользы и добра от этой меры пресечения никогда не было и не будет»³⁸. М.А. Чельцов также характеризовал ее как потерявшую всяческое практическое применение в связи с исчезновением той социальной группы, к которой она применялась³⁹.

Просуществовав более 35 лет, на смену УПК РСФСР 1923 г. был принят УПК РСФСР, утвержденный Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г., в котором в ст. 89 закреплялось, что «при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу»⁴⁰, в той же статье предусматривалась возможность применения залога как меры пресечения, а к военнослужащим – наблюдение за ними командования воинских частей, в которых они состояли на службе.

Домашний арест как самостоятельная мера пресечения предусмотрен не был. В.С. Шадрин по этому поводу писал: «Возможно, учитывая слабую востребованность при производстве по уголовным делам, проблемы обеспечения эффективности, связанные, в частности, с необходимостью разработки рациональной уголовно-процессуальной регламентации домашнего ареста, создатели УПК РСФСР 1960 г. не сочли должным предусматривать его среди других мер пресечения»⁴¹.

---

³⁷ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924. М., 1960. С. 18.

³⁸ *Строгович М.С.* Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. С. 30.

³⁹ *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 210.

⁴⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 14.12.2020).

⁴¹ *Шадрин В.С.* Указ. соч. С. 45.

К.Т. Балтабаев относит указанное решение к меняющимся политическим процессам, где «отрицалась идея политического и экономического неравенства, что однозначно исключало из правотворческой деятельности мысль об индивидуализации мер пресечения в различных формах»⁴². Полагаем возможным не согласиться с данным мнением К.Т. Балтабаева, поскольку в таком случае мера пресечения в виде залога, в которой основа для рассуждений о неравенстве подозреваемых (обвиняемых) с точки зрения экономической составляющей выражена гораздо более отчетливо, чем в домашнем аресте, также не нашла бы отражение в ст. 89 УПК РСФСР.

По всей видимости, на тот момент законодатель, с учетом слабой практической востребованности домашнего ареста, считал, что система мер пресечения не потеряет своей стройности и системности без указанного вида.

Мера пресечения в виде домашнего ареста на тот момент существовала в архаичном, зачаточном виде, что требовало от законодателя ее глубокого переосмысления, выстраивания конкретных форм ее применения и регламентации надзорных полномочий за порядком ее исполнения. Именно такие доводы приводила Е.В. Гусельникова при анализе практики применения домашнего ареста в периоды с 1864 по 1903 г. и с 1922 по 1926 г. и аргументировании своей позиции против включения домашнего ареста в систему мер пресечения в разрабатываемый УПК РФ⁴³.

Напротив, мера пресечения в виде залога получила более детальную регламентацию в ст. 89, 99 УПК РСФСР 1960 г., где предусматривалось, что залог применяется с санкции прокурора или по определению суда и состоит в деньгах или ценностях, вносимых в депозит суда обвиняемым, подозреваемым либо другим лицом или организацией в обеспечение его по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда. Сумма залога устанавливалась органом, избравшим данную меру пресечения, и подлежала обращению в доход государства в случае уклонения обвиняемого или подозреваемого от явки по вызовам.

Несмотря на достаточно конкретное законодательное закрепление залога, многие ученые-процессуалисты того времени указывали на неприемлемость исполь-

---

⁴² Балтабаев К.Т. Домашний арест в уголовном судопроизводстве республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 14.

⁴³ Гусельникова Е.В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 10.

зования данной меры пресечения. Так, В.М. Корнуков говорил, что необходимость в залоге отсутствует в связи с «достигнутыми социальными и экономическими преобразованиями»⁴⁴. З.З. Зинатулин, не отрицая необходимости законодательного закрепления залога, все же указывал, что «большая часть экономических и социальных предпосылок для применения залога отпала»⁴⁵. В практической деятельности, как указывает С.И. Вершинина, залог использовался крайне редко⁴⁶.

УПК России предусмотрел в системе мер пресечения как залог, так и возродил забытую УПК РСФСР 1960 г. меру пресечения в виде домашнего ареста.

При этом первоначальная трактовка меры пресечения в виде домашнего ареста разительно отличалась от положений УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., в которых домашний арест раскрывался как «лишение обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой», и больше напоминала институт, применяемый в странах англосаксонской правовой семьи, схожий, по справедливому замечанию Л.В. Головки, с «комендантским часом»⁴⁷.

Так, по УПК РФ в первоначальной редакции домашний арест заключался в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи.

Стоит согласиться, что определение данной меры пресечения через категорию «ограничение свободы передвижения» не было характерно для домашнего ареста советского послереволюционного периода и являлось, скорее, заимствованием из западной, англосаксонской системы права.

Однако Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ⁴⁸ домашний арест вновь определен как нахождение подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении в

---

⁴⁴ Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 52.

⁴⁵ Зинатулин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 81.

⁴⁶ Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1998. С. 66.

⁴⁷ Головки Л.В. Альтернатива лишению свободы – очередная химера? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 3. С. 10.

⁴⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Рос. газета. 2018. 20 апр.

изоляции от общества с возложением запретов и осуществлением за ним контроля, а его прежнее понимание через ограничительные меры трансформировано в новую меру пресечения в виде запрета определенных действий.

Ф.Н. Багаутдинов отмечал, что по состоянию на 2002 г. в уголовном судопроизводстве России наиболее распространены две меры пресечения: заключение под стражу, доля которой в общем объеме избираемых мер пресечения составляет порядка 38 %, и подписка о невыезде и надлежащем поведении, составляющая остальную процентную массу. Доля же иных мер пресечения изредка превышала 1–3 %⁴⁹.

В этом же аспекте Ю.Г. Овчинников отмечает, что режим содержания в следственных изоляторах в 1997–2000 гг., при котором на одного человека приходилось менее одного квадратного метра, а 33,5 % содержащихся лиц не имели индивидуальных спальных мест⁵⁰, не отвечал предъявляемым законом требованиям, что, по справедливому замечанию А. Зубкова и Н. Крючкова, создавало основания инспекторам Совета Европы приравнивать их к местам пыток⁵¹.

В связи с подобными статистическими данными вполне обоснованным и предсказуемым явилось проявление внимания к альтернативным заключению под стражу мерам пресечения и последующее объявление в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. курса на либерализацию уголовно-правовой системы России⁵².

В законотворческой деятельности все это нашло отражение в развитии процессуальной регламентации меры пресечения в виде домашнего ареста, прошедшей с момента начала действия УПК РФ путь с «сырой» нормы из трех частей до ныне действующей нормы, состоящей из четырнадцати частей, развитии правовой регламентации с 5 до 10 частей и появлении новой меры пресечения в виде запрета определенных действий.

---

⁴⁹ Багаутдинов Ф.Н. Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест // Законность. 2002. № 10. С. 14.

⁵⁰ Овчинников Ю.Г. Понятие, цели и сущность домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России // Следователь. 2003. № 5. С. 31.

⁵¹ Зубков А., Крючкова Н. Кто и за что попадает в СИЗО // Преступление и наказание. 2000. № 9. С. 42.

⁵² Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2009. 13 нояб.

Вместе с тем, статистические данные свидетельствуют об осторожном подходе правоприменителей к использованию данных мер пресечения. И если абсолютные показатели применения домашнего ареста продемонстрировали действительно хороший прирост, то мера пресечения в виде залога по настоящее время остается слабо востребованной. Так, за июль-декабрь 2002 г. российскими судами удовлетворено 17 ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в 2003 г. этот показатель составил 129 решений; в 2004 – 838; в 2005 – 518; в 2006 – 829; в 2007 – 205; в 2008 – 88; в 2009 – 146; в 2010 – 668; в 2011 – 1346; в 2012 – 2714; в 2013 – 3086; в 2014 – 3333; в 2015 – 4676; в 2016 – 6056; в 2017 – 6442; в 2018 – 6329; в 2019 – 6037; в 2020 – 6948; в 2021 г. – 6828 решений⁵³ (приложение 2).

Залог в качестве меры пресечения в 2010 г. избирался 629 раз; в 2011 – 438; в 2012 – 275; в 2013 – 198; в 2014 – 225; в 2015 – 189; в 2016 – 229; в 2017 – 133; в 2018 – 108; в 2019 – 77; в 2020 – 244; в 2021 г. – 25 раз⁵⁴ (приложение 3).

Закрепленная в УПК РФ мера пресечения в виде запрета определенных действий в 2018 г. была применена 301 раз; в 2019 – уже 1246; в 2020 – 1849; в 2021 г. – 2565 раз⁵⁵ (приложение 4).

Статистические данные о реализации судами собственных полномочий избрания по своей инициативе более мягкой меры пресечения при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования демонстрируют гораздо более высокие результаты.

Так, судами по собственной инициативе избраны меры пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий в следующих пропорциях: в 2011 г. – 1345/447; в 2012 – 1508/347; в 2013 – 2366/303; в 2014 – 2632/327; в 2015 – 3133/199; в 2016 – 3611/189; в 2017 – 4176/163; в 2018 – 3918/138; в 2019 – 3504/86; в

---

⁵³ Статистические данные удовлетворения судом домашнего ареста в период 2002-2009 гг. приведены по данным Ю.Г. Овчинникова. См.: Овчинников Ю.Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Российский следователь. – 2014. – № 16. – С. 51. Данные за период 2010-2021 гг. см.: сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

⁵⁴ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

⁵⁵ Там же.

2020 – 3564/54/788; в 2021 г. – 3549/71/1125⁵⁶ (приложение 5), что, с одной стороны, указывает на увеличивающиеся показатели применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, а с другой – на низкий прирост абсолютных показателей.

Для примера, с ходатайством следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 2010 г. суды согласились в 148 689 случаях, в 2011 – в 135 850; в 2012 – в 132 923; в 2013 – в 133 311; в 2014 – в 133 755; в 2015 – в 140 457; в 2016 – в 121 796; в 2017 – в 113 260; в 2018 – в 102 165; в 2019 – в 94 633; в 2020 – в 84 917; в 2021 г. – в 87 905 случаях⁵⁷ (приложение 9).

И хотя количество случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу за последние три года значительно снизилось, тогда как суммарные показатели применения домашнего ареста и запрета определенных действий показывали постоянный прирост, доля домашнего ареста, залога и запрета определенных действий от общего числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения за 2020–2021 гг. составила 10,61 %; 0,20 и 3,21 % соответственно.

Безусловно, указанные показатели не позволяют признать домашний арест, залог и запрет определенных действий в качестве альтернативы мере пресечения в виде заключения под стражу, что дает нам основание не согласиться с Ю.Ю. Ахминовой, утверждающей обратное⁵⁸.

Схожую позицию занимает и А.Р. Белкин, утверждающий, что домашний арест был введен в уголовное судопроизводство как альтернатива заключению под стражу, однако «за все минувшие с тех пор годы опыт применения этой меры пресечения минимален»⁵⁹, и К.Б. Калиновский, утверждающий о наличии дефицита в практике избрания альтернативных мер пресечения⁶⁰, и ряд других авторов⁶¹.

---

⁵⁶ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Ахминова Ю.Ю. Указ. соч. С. 4.

⁵⁹ Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2018. С. 240.

⁶⁰ Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.

⁶¹ См., напр.: Цоколова О.И. Современные тенденции развития института мер процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 42–43.

Указанными доводами, согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста», руководствовались депутаты Государственной Думы Российской Федерации И.Е. Костунов и Л.К. Шойгу при вынесении законопроекта на обсуждение⁶².

При этом, если ранее указанные меры пресечения (домашний арест, залог), относясь к одной группе – альтернативных заключению под стражу, имели под собой индивидуальное содержательное значение, то с принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ и законодательным закреплением запрета определенных действий как самостоятельной меры пресечения индивидуальный характер всех вышеуказанных альтернативных заключению под стражу мер пресечения стал значительно менее выраженным.

Так, В.А. Михайлов, рассматривая ранее данный вопрос, разделил меры пресечения на следующие группы:

- имеющие своим содержанием личное обеспечение (физическое ограничение свободы);
- основанные на имущественном обеспечении;
- в основе которых лежит морально-нравственный обеспечительный аспект;
- основанные на административно-властном обеспечении⁶³.

Значительная часть научного сообщества в целом согласна с подобным разделением мер пресечений⁶⁴, однако поскольку каждая мера пресечения синтезирует в себе несколько обеспечительных аспектов, один из которых, по сравнению с остальными, выражен более ярко, такое разграничение является достаточно условным.

---

⁶² Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста» // URL: <http://www.sozd.parlament.gov.ru/bill/900722-6> (дата обращения: 10.04.2022).

⁶³ Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 54.

⁶⁴ См., напр.: Капинус Н.И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. 1998. № 8. С. 28; Овчинников Ю.Г. Домашний арест в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Следователь. 2003. № 4. С. 4.

Безусловно, существуют и другие классификации мер пресечения, в основе которых лежат иные основания. Так, Н.В. Ткачева подразделяет меры пресечения на следующие: связанные и не связанные с содержанием под стражей⁶⁵. И.Л. Трунов и Л.К. Трунова классифицируют меры пресечения: по кругу лиц, к которым они могут применяться; по целям применения; по срокам, на которых они могут быть избраны; по порядку применения; по органам, уполномоченным избирать меры пресечения, и характеру ограничений прав лиц⁶⁶, – последнее из которых аналогично рассмотренному выше основанию, выделенному В.А. Михайловым. Однако, как указывалось выше, все приведенные классификации носят достаточно условный характер, подтверждением чего служит значительное изменение принятым Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ содержательного значения залога и домашнего ареста, а также появление новой меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Применительно к теме настоящей работы предлагается классифицировать меры пресечения по инициатору их избрания следующим образом:

1. *Избранные по инициативе органов предварительного расследования.* Данная категория является самой распространенной, и в нее включается весь перечень мер пресечения, избираемых как на основании постановления следователя (дознавателя), так и по результату удовлетворения судом соответствующего ходатайства, в случае судебного порядка избрания меры пресечения.

2. *Избранные судом по собственной инициативе.* К данной категории относятся альтернативные виды мер пресечения, избираемые судом по собственной инициативе при отказе в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования об избрании более строгих видов мер пресечения и продлении сроков их применения. Такой порядок предусмотрен ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ применительно к мере пресечения в виде заключения под стражу, где судья по собственной инициативе вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста; ч. 5 ст. 107 УПК РФ, предусматривающей аналогичные полномочия суда при рассмотрении хо-

---

⁶⁵ Ткачева Н.В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 43.

⁶⁶ Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 52–61.

датайства об избрании домашнего ареста, где допускается избрание запрета определенных действий или залога, а также п. 2 ч. 8 ст. 109 УПК РФ, позволяющим принимать решения о применении более мягких мер пресечения при отказе в удовлетворении ходатайств о продлении сроков применения заключения под стражу и домашнего ареста.

В рамках предложенной классификации возникает вопрос о выделении третьей группы мер пресечения – *избираемых по инициативе стороны защиты*. На обоснованность выделения такой категории частично указывает ч. 2 ст. 106 УПК РФ, согласно которой «ходатайствовать о применении залога перед судом вправе подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо. Ходатайство о применении залога подается в суд по месту производства предварительного расследования и обязательно для рассмотрения судом наряду с ходатайством следователя, дознавателя об избрании в отношении того же подозреваемого либо обвиняемого иной меры пресечения, если последнее поступит».

Однако, по нашему мнению, сторона защиты не может в полном значении этого слова признаваться инициатором избрания меры пресечения, а соответствующее ходатайство является не столько инициативой, сколько процессуальной позицией по существу решения вопроса об избрании меры пресечения.

Таким образом, в системе альтернативных заключению под стражу мер пресечения, избираемых по инициативе суда (в порядке возрастания их строгости), УПК РФ предусматривает: запрет определенных действий, залог и домашний арест.

Запрет определенных действий явился восьмой, предусмотренной ст. 98 УПК РФ, мерой пресечения, и структурно расположился между мерами пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним обвиняемым и залогом, что определило соответствующий характер ее строгости.

Следует отметить, что проектом Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста» изначально предлагалось разместить запрет определенных действий в системе мер пресечения выше залога, но изменение условий применения залога в части появления процессуальной возможности установления в его рамках запрети-

тельных мер в комплексе, по всей видимости, предопределило более строгий характер залога по отношению к новой мере пресечения.

Однако, сравнивая ограничительные условия залога, выраженные в имущественном характере обеспечения исполнения данной меры пресечения, с условиями запретительных мер, которые своим содержанием имеют, в том числе, запрет на свободу передвижения, следует согласиться, что они несопоставимы по своей тяжести и характеру.

Несмотря на то, что залог, по своей иерархической строгости в настоящее время превалирует над запретом определенных действий, законодателем все же не предусмотрено право судьи при рассмотрении ходатайства об избрании залога применить в отношении обвиняемого более мягкую меру пресечения в виде запрета определенных действий.

И если представить возможность инициативного решения судьи избрать залог при рассмотрении ходатайства следователя о применении запрета определенных действий вполне возможно, то допустить обратный вариант представляется сложным, поскольку в данном случае судья по собственной инициативе изберет более строгие условия содержания обвиняемого под мерой пресечения.

Именно этим и объясняется формулирование ст. 106 УПК РФ и ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ таким образом, что при рассмотрении соответствующего ходатайства органов предварительного расследования об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде залога судья не вправе избрать более мягкую меру пресечения в виде запрета определенных действий.

Таким образом, совершенно очевидно, что мера пресечения в виде запрета определенных действий в системе мер пресечения по своей иерархической строгости должна располагаться выше залога.

Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ значительной трансформации подверглась и содержательная составляющая залога как меры пресечения. Теперь, помимо законодательно установленных видов залога, исходя из предметного принципа, по которому он подразделялся на залог недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Рос-

сийской Федерации акций и облигаций, ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ позволяет выделить залог без дополнительных запретов и залог с установлением следующих запретов:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Несколько по-иному, в связи с принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, сформулировано содержание меры пресечения в виде домашнего ареста. Если ранее под домашним арестом в соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ понималась «полная либо частичная изоляция от общества», то согласно нынешней редакции домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества.

Ч. 7 ст. 107 УПК РФ предусматривает возможность установления подозреваемому или обвиняемому в рамках домашнего ареста запретов, перечисленных в п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Отсутствие в указанном перечне положений п. 1, 2, 6 той же части указанной статьи в виде запретов на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, нахождения в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещение определенных мероприятий и участие в них, а также в виде управления автомобилем или иным транспортным средством, объясняется принципиально новым пониманием домашнего ареста – нахождением подозреваемого или обвиняемого в полной изоляции от общества, что само по себе уже подразумевает наличие вышеприведенных запретов.

В этой связи возникает вопрос о принципиальной возможности полной изоляции лица от общества в рамках указанной меры пресечения.

Ряд авторов в своих работах не только допускают, но и видят сущность домашнего ареста в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в изоляции от общества в жилом помещении без предоставления права выходить за его пределы⁶⁷. Противниками данной точки зрения выступают Ф.Н. Багаутдинов, В.М. Быков, Д.А. Лисков, С.В. Руденко⁶⁸.

Из проанализированных материалов судебной практики мы видим, что при избрании домашнего ареста суды неоднократно устанавливали подозреваемому (обвиняемому) ежедневное время для прогулки в течение одного часа⁶⁹, а также двух часов⁷⁰.

Ряд судебных решений допускал выход из места содержания под домашним арестом в связи с иной необходимостью. Так, постановлением Кировского районного суда Приморского края от 12.02.2015 *подозреваемой Б. разрешен ежедневный выход «в период с 12 до 14 часов из своего жилого помещения в магазин для приобретения продуктов питания и посещение один раз в неделю по пятницам в период с 06 часов до 19 часов ее больной матери П.»*, постановлением того же суда от 18.11.2015 *подозреваемому К. разрешено посещение «два раза в неделю по вторникам и пятни-*

---

⁶⁷ См., напр.: *Воронов Д.А.* Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21–25; *Булатов Б.Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 98; *Цоколова О.И.* Заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. М., 2002. С. 46.

⁶⁸ *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 14; *Быков В.М., Лисков Д.А.* Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. 2004. № 4. С. 12; *Руденко С.В.* Домашний арест введен – что дальше? // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3–4. С. 249.

⁶⁹ Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2014 г. (уголовное дело № 463912), за 2015 г. (уголовное дело № 315329); Архив Первомайского районного суда г. Владивостока за 2015 г. (уголовное дело № 712321); Архив Первореченского районного суда г. Владивостока за 2015 г. (уголовное дело № 350422); Архив Шкотовского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 766637); Архив Партизанского городского суда Приморского края за 2017 г. (уголовное дело № 11702050018000029).

⁷⁰ Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2014 г. (уголовное дело № 531712), за 2015 г. (уголовное дело № 315329); Архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока за 2016 г. (уголовное дело № 131631); Архив Уссурийского городского суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 931329); Архив Лазовского районного суда Приморского края за 2017 г. (уголовное дело № 11702050018000004); Архив Яковлевского районного суда Приморского края за 2017 г. (уголовное дело № 11702050011000081).

цам в период с 11 часов до 13 часов его больного брата К.»⁷¹. Постановлением Михайловского районного суда Приморского края от 26.01.2015 подозреваемому С. разрешено «ежедневно посещать магазины в пределах пгт. Новошахтинский Михайловского района Приморского края для приобретения продуктов питания и средств личной гигиены», постановлением того же суда от 12.01.2016 подозреваемой Б. разрешено «ежедневно посещать магазины в пределах с. Ширяевка Михайловского района Приморского края для приобретения продуктов питания и средств личной гигиены»⁷². Постановлением Уссурийского городского суда Приморского края от 04.01.2014 подозреваемому Д. запрещено покидать жилище за исключением случаев «посещения учебного заведения МБОУ "Средняя общеобразовательная школа № 8" г. Уссурийска в будние дни с 08 часов 30 минут до 13 часов 50 минут, в субботу – с 08 часов 30 минут до 13 часов 25 минут»⁷³. Постановлением Бийского городского суда Алтайского края от 22.03.2017 обвиняемому К. запрещено покидать жилище за исключением случаев «посещения МБОУ СОШ № 5 г. Бийска во время учебных занятий»⁷⁴. Постановлением Лазовского районного суда Приморского края от 09.09.2017 подозреваемой Г. разрешено «осуществлять уход за больной матерью М., проживающей "...", ежедневно в период времени с 11 час. 00 мин. до 12 час. 00 мин. и с 17 час. 00 мин. до 18 час. 00 мин., а также посещение ближайшего к месту содержания под домашним арестом торгового магазина, расположенного по адресу: с. Лазо, ул. Некрасовская, д. 19, аптечного пункта, расположенного по адресу: с. Лазо, ул. Некрасовская, д. 16, и аптеки, расположенной по адресу: с. Лазо, ул. Некрасовская, 18, в случае необходимости ежедневно, по согласованию времени посещения с органом, исполняющим настоящее постановление, в том числе, с использованием для этих целей личного автомобиля»⁷⁵. Постановлением Кавалеровского районного суда Приморского края от 29.03.2017 подозреваемой Ш. разрешено поки-

---

⁷¹ Архив Кировского районного суда Приморского края за 2015 г. (уголовные дела № 549507, 580807).

⁷² Архив Михайловского районного суда Приморского края за 2015 г. (уголовное дело № 753714), за 2016 г. (уголовное дело № 848814).

⁷³ Архив Уссурийского городского суда Приморского края за 2014 г. (уголовное дело № 826529).

⁷⁴ Архив Бийского городского суда Алтайского края за 2017 г. (уголовное дело № 666295).

⁷⁵ Архив Лазовского районного суда Приморского края за 2017 г. (уголовное дело № 11702050018000094).

дать место содержания под домашним арестом «для приобретения, продуктов питания и средств личной гигиены каждые вторник и пятницу с 14 часов 00 минут до 15 часов 30 минут»⁷⁶.

Как видно из вышеизложенного, на практике вопросы о необходимости выхода из жилого помещения для удовлетворения потребностей, связанных с правом человека на жизнь и здоровье, а также на образование, достаточно часто рассматриваются при принятии решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, и суды совершенно обоснованно допускают в своих решениях подобные дозволения.

При таких обстоятельствах применение домашнего ареста в нынешнем понимании законодателя (с изоляцией от общества) представляется практически невозможным, а в случае допущения подобных дозволений условия домашнего ареста конкурируют с мерой пресечения в виде запрета определенных действий с запретом на выход за пределы жилого помещения в определенные периоды времени.

Так, к примеру, запрет на выход за пределы жилого помещения в период времени с 09 час. до 20 час. и с 22 час. до 09 час. в сутки также будет запретом на определенный период времени, и его условия будут идентичны домашнему аресту.

Вместе с тем, условия применения запрета определенных действий с запретом выходить из жилого помещения в ночное время совершенно не идентичны условиям применения домашнего ареста, с возможностью прогулки один раз в день или даже реже.

В связи с этим, порядок зачета срока применения данных видов мер пресечения в срок содержания под стражей и срок наказания должен быть различным.

В настоящее время в соответствии с положениями п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ срок применения запрета определенных действий с запретом на выход из жилого помещения (запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) по общему правилу засчитывается в срок содержания под стражей и, соответственно, в общий срок наказания из расчета два дня применения запрета определенных действий за один день содержания под стражей (лишения свободы). Срок применения домашнего ареста

---

⁷⁶ Архив Кавалеровского районного суда Приморского края за 2017 г. (уголовное дело № 117020500017000029).

ста из совокупности положений, предусмотренных п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, ч. 3.4 ст. 72 УК РФ, и позицией Верховного Суда РФ⁷⁷ засчитывается в той же пропорции.

Полагаем, что для обеспечения справедливости в вопросе правил зачета срока применения запрета определенных действий с запретом выходить из жилого помещения по отношению к правилам зачета срока применения домашнего ареста в общий срок наказания, достаточно проблематичным будет исходить из установленного судом суточного времени, в течение которого подозреваемому (обвиняемому) запрещено покидать жилое помещение. И учитывая, что поскольку применение запрета определенных действий имеет под собой целью предоставление лицу ряда свобод для осуществления профессиональной, учебной или иной деятельности при наличии ряда ограничений, тогда как итоговой целью домашнего ареста является изоляция лица от общества в жилом помещении, условия и ограничительные меры, налагаемые на лицо в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий значительно более лояльны, чем условия содержания лица под домашним арестом. При таких условиях, полагаем, что срок применения меры пресечения в виде запрета определенных действий с запретом покидать жилище, следует засчитывать в срок содержания под стражей и в общий срок наказания из расчета три дня запрета определенных действий за один день лишения свободы.

В этом же вопросе конкуренции мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста достаточно некорректными являются положения, регулирующие необходимость установления срока применения к одним запретам и отсутствия таковых к другим.

Так, срок применения запрета в виде выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, согласно ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ, устанавливается и продлевается судом по правилам ст. 109 УПК РФ, иные запреты не требуют установления сроков их применения и продления.

Такая позиция также представляется весьма спорной, поскольку запрет, предусмотренный п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, фактически может создать условия,

---

⁷⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) (п. 47) // URL: <http://www.vsrp.ru> (дата обращения: 08.09.2022).

равнозначные п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В качестве примера приведем такую трактовку запрета: «посещение общественных мест, а также территорий и помещений, занимаемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности». Как указывалось в работах, «по смыслу частей 9, 10 ст. 109 УПК РФ при избрании такого рода запрета не требуется установление и продление срока его применения, поскольку он прямо не связан с запретом на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения. Однако фактически такая трактовка будет лишать подозреваемого (обвиняемого) возможности посещения любого рода мест, за исключением своего жилища»⁷⁸.

В связи с этим, положения УПК РФ необходимо изменить в части необходимости установления сроков применения при установлении запретов, предусмотренных п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, либо скорректировать формулировку «находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них», не допускающую возможности создания фактических условий п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Обращаясь к зарубежному опыту применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, стоит отметить тенденцию законодательства зарубежных стран на использование комплексных ограничительных и запретительных мер как альтернативы содержания под стражей.

Одной из стран с достаточно успешной практикой использования ограничительных мер является США, где они применяются в рамках домашнего ареста и не только к подсудимым, но и, в большей степени, к осужденным лицам.

Так, В.В. Климов, выделив несколько программ домашнего ареста, применяемых в США, описывает наложение ограничительных мер как условие условно-досрочного освобождения, а также как программ, реализуемых исправительными

---

⁷⁸ См., напр.: *Квык А.В.* Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 39.

учреждениями⁷⁹. Такая сфера применения позволяет говорить о домашнем аресте как о программе коррекции, являющейся альтернативой тюремному содержанию.

Условия применения домашнего ареста также несколько отличаются от российских. Так, для применения к лицу программы домашнего ареста оно не должно представлять опасность ни для общества в целом, ни для своей семьи. Кроме того, данное лицо должно выразить согласие на применение данной программы и согласиться с правилами пребывания под домашним арестом, поскольку устанавливаемые ограничения и запреты достаточно многообразны и требуют значительного внимания к их соблюдению. В числе прочих из них можно выделить: отказ от потребления и хранения алкогольных напитков в доме и использования спиртосодержащих препаратов, в том числе жидкости для ополаскивания полости рта, сиропа от кашля и др.; предоставление доступа к месту жительства любому сотруднику правоохранительных органов в любой час дня и ночи; обязанность держать на привязи всех животных в доме и т. д.⁸⁰.

Залог в США, в отличие от домашнего ареста, является мерой пресечения в классическом для российской правовой системы понимании. Под залог лицо может быть выпущено уже после произведенного ареста по уголовным делам о менее опасных преступлениях. При этом в правоприменительной деятельности достаточно широко применяется практика получения не только суммы залога, но и гарантии его перечисления в виде определенного платежного документа, приобретенного у так называемого «профессионального залогодателя», обеспечивающего выполнение денежных обязательств выпускаемого под залог лица⁸¹.

Во Франции существуют две применяемые меры пресечения – временное заключение под стражу и судебный контроль, являющийся, своего рода, целым комплексом мер. Так, в рамках судебного контроля ст. 138 УПК Франции предусматривается возможность установления ограничений на покидание определенной территории, запретов на посещение конкретных мест и на занятие отдельными видами де-

---

⁷⁹ Климов В.В. Указ. соч. С. 59.

⁸⁰ House arrest Handbook by Community Corrections Centers Bucks County Department of Corrections. Pennsylvania, 2003 // URL: <http://www.buckscounty.org> (дата обращения: 23.05.2022).

⁸¹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 227, 248.

тельности, обязанности пройти курс лечения, воздержаться от контактов с определенными лицами и др. Внесение залога также выделено среди мер судебного контроля (п. 11 ст. 138), однако дополнительно регулируется ст. 142–142-3⁸².

Уголовно-процессуальное законодательство Китайской Народной Республики (далее – КНР) в части регламентации видов и порядка применения мер уголовно-процессуального принуждения имеет большее сходство с российским аналогом, нежели американским или французским.

В качестве мер процессуального принуждения УПК КНР определяет: задержание подозреваемого, заключение под стражу, привод, поручительство до судебного разбирательства и наблюдение по месту жительства.

При этом в соответствии со ст. 53, 56 УПК КНР поручительство до судебного разбирательства применяется с обязательным внесением залога⁸³, а на находящихся под данной мерой пресечения подозреваемых и обвиняемых могут быть наложены обязательства: не покидать без разрешения населенный пункт, в котором лицо постоянно проживает, своевременно являться по вызовам, не оказывать давление на свидетелей, не уничтожать и не фальсифицировать доказательства, а также не вступать в сговор в даче показаний.

В случае нарушения вышеуказанных положений внесенный залог обращается в доход государства, а в отношении подозреваемого (обвиняемого) повторно избирается данная мера пресечения с внесением залога, где поручителем выступает новое лицо, либо в отношении подозреваемого (обвиняемого) избирается мера пресечения в виде наблюдения по месту жительства или заключения под стражу.

Мера пресечения в виде наблюдения по месту жительства является прообразом российской меры пресечения в виде домашнего ареста и заключается в содержании лица по месту своего жительства с установлением запретов, схожих с запретами, устанавливаемыми при избрании поручительства до судебного разбирательства, но является более строгой мерой пресечения, поскольку в случае «серьезности обстоятельств» нарушения подозреваемым (обвиняемым) условий нахождения под наблю-

---

⁸² Уголовно-процессуальный кодекс (Code de procédure pénale) Французской Республики 1808 года // URL: <http://www.wipo.int> (дата обращения: 22.06.2021).

⁸³ Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики от 01.07.1979 // URL: <http://www.chinalawinfo.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

дением указанные лица подлежат заключению под стражу в безальтернативном порядке.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Южная Корея выделяет две основные меры пресечения: заключение под стражу и залог с возложением на обвиняемого одного или несколько условий:

- представить письменную расписку, что обвиняемый не уничтожит доказательства и будет являться по вызовам;
  - представить письменную гарантию о внесении суммы залога;
  - находиться по месту жительства и не посещать места, запрещенные судом;
  - не совершать действий, направленных на причинение вреда жизни и здоровью потерпевшего, свидетелю или их родственникам;
  - представить письменное поручительство от любого лица с заверением надлежащего поведения обвиняемого;
  - не выезжать за границу без получения разрешения от суда;
  - внести денежные средства, требуемые для восстановления прав жертвы, или предоставить имущество, эквивалентное сумме залога, в порядке, установленном судом;
  - иные условия, в зависимости от обстоятельств уголовного дела⁸⁴,
- что позволяет говорить о данной мере пресечения как собирательном образе мер пресечения в виде залога, домашнего ареста, запрета определенных действий и личного поручительства в понимании российского законодательства.

Уголовно-процессуальное законодательство Японии в ст. 88 также предусматривает среди альтернативных заключению под стражу мер пресечения залог, не выделяя отдельно прообраза домашнего ареста⁸⁵, определяя в ст. 93, что при принятии решения о применении залога суд может указать место жительства обвиняемого или установить другие условия для освобождения под залог, что прямо указывает на использование в рамках меры пресечения в виде залога ограничительных мер.

---

⁸⁴ Уголовно-процессуальный кодекс (Criminal Procedure Act) Республики Южная Корея от 30.05.1954 // <http://www.law.go> (дата обращения: 22.06.2021).

⁸⁵ Уголовно-процессуальный кодекс (Code of Criminal Procedure) Японии от 10.07.1948 // <http://www.wipo.int> (дата обращения: 22.06.2021).

В законодательстве постсоветских республик запрет определенных действий не закреплен в качестве самостоятельной меры пресечения, а применяется при избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения в виде домашнего ареста и залога либо в дополнение к ним.

Так, ч. 3 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) от 4 июля 2014 г.⁸⁶ устанавливается возможность возложения на подозреваемого (обвиняемого) в случае избрания ему меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, одной или нескольких обязанностей:

- 1) являться к лицу, осуществляющему досудебное расследование, прокурору либо в суд в установленное ими время;
- 2) не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения органа, ведущего уголовный процесс;
- 3) уведомлять лицо, ведущее уголовный процесс, прокурора об изменении места жительства, места работы;
- 4) не общаться с определенными лицами и посещать определенные места;
- 5) пройти курс лечения от наркотической или алкогольной зависимости;
- 6) носить электронные средства слежения.

Домашний арест в ст. 146 УПК РК раскрывается как изоляция подозреваемого, обвиняемого от общества без содержания под стражей, но с применением одного или нескольких ограничений, среди которых возможны: 1) запрет выхода из жилища полностью или в определенное время; 2) запрет на ведение телефонных переговоров, отправку корреспонденции и использование средств связи; 3) запрет на общение с определенными лицами и принятие кого бы то ни было у себя; 4) применение электронных средств контроля и возложение обязанности носить при себе эти средства; 5) возложение обязанностей отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля, звонить по телефону или лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за поведением подозреваемого, обвиняемого или подсудимого; 6) установление наблюдения за подозреваемым, обвиняемым или их жилищем, а также охрана их жилища или отве-

---

⁸⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // <http://kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

денного им помещения в качестве жилища; 7) другие меры, обеспечивающие надлежащее поведение и изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества.

Как видно из указанного перечня ограничений и запретов, он является открытым и позволяет при необходимости применить дополнительные меры для обеспечения надлежащего поведения и изоляции содержащегося под домашним арестом лица от общества.

С одной стороны, такая возможность способствует более гибкому и индивидуальному подходу суда при определении конкретного перечня запретительных мер для обеспечения должного поведения лица при расследовании уголовного дела, с другой – возникает вопрос о допустимых пределах формулирования таких запретов и возможности проявления различного рода злоупотреблений путем чрезмерного и неоправданного вмешательства в частную жизнь лица.

Залог в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РК состоит во внесении самим подозреваемым, обвиняемым либо другим лицом на депозит суда денег или других ценностей в обеспечение выполнения подозреваемым, обвиняемым обязанностей по явке к лицу, осуществляющему досудебное расследование, прокурору или в суд по их вызову и, как указано выше, может быть избран с возложением отдельных или всего объема дополнительных обязанностей.

Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (далее – УПК РА) от 14 июля 2000 г.⁸⁷ предусматривает такие меры пресечения, как домашний арест и залог, как альтернативу содержания под стражей, однако устанавливает возможность возложения на подозреваемого или обвиняемого ограничений и запретов исключительно в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста.

В ст. 163 УПК РА, регламентирующей порядок избрания и применения домашнего ареста, выделяются схожие с УПК РК ограничения и запреты, перечень которых также является открытым. При этом одно из ограничений сформулировано следующим образом: «взятие под наблюдение обвиняемого или места его жительства, а также охрана полицией его дома, квартиры или иного отведенного ему для

---

⁸⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ // URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 22.06.2021).

проживания места»⁸⁸, что позволяет говорить о возможности содержать лицо под домашним арестом не только по месту его жительства, но и в иных местах, которыми, исходя из законодательной трактовки, могут быть даже помещения, не являющиеся жилыми и не принадлежащими обвиняемому на праве собственности или хозяйственного ведения.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК РБ) от 16 июля 1999 г.⁸⁹ (ст. 125), Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) от 3 декабря 2009 г.⁹⁰ (ст. 110), так же, как и УПК РА, предусматривают установление ограничительных и запретительных мер исключительно в рамках домашнего ареста, а перечень запретительных мер таким же образом сконструирован по открытому типу.

Несколько иными, в отличие от законодательства вышеуказанных постсоветских республик, закреплены основания применения домашнего ареста в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдовы (далее – УПК РМ) от 14 марта 2003 г., где в ст. 188 отражено, что рассматриваемая мера пресечения избирается в порядке, предусмотренном для ареста, когда полная изоляция лица нецелесообразна в силу возраста, состояния здоровья, семейного положения или других обстоятельств⁹¹. Ограничения, налагаемые на содержащееся под домашним арестом лицо, возможны в виде: запрета выхода из жилища, ограничения телефонных и иных переговоров и отправок, запрета на общение с определенными лицами.

Такая законодательная конструкция в виде перечня установленных ограничений и запретов является весьма близкой к российской модели. В обоих законодательных актах он сформулирован достаточно узко, не подлежит расширительному толкованию и является закрытым, не позволяющим устанавливать с учетом обстоятельств уголовного дела дополнительные ограничительные меры.

---

⁸⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ // URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 22.06.2021).

⁸⁹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 // URL: <http://www.kodeksy.by> (дата обращения: 22.06.2021).

⁹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

⁹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14.03.2003 № 122-XV // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

Кроме того, указанные выше ограничения могут быть возложены в дополнение при избрании залога как меры пресечения.

Весьма интересным представляется законодательное закрепление меры пресечения в виде домашнего ареста в Уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики (далее – УПЗ ЛР) от 21 апреля 2005 г., где ст. 282 домашним арестом признает «лишение лица свободы по конкретному уголовному процессу, если имеется основание для применения заключения под стражу, однако вследствие особых обстоятельств содержать лицо под стражей нежелательно или невозможно»⁹².

При этом УПЗ ЛР отдельно не предусматривает перечня ограничительных к содержащемуся под домашним арестом мер, указывая на возможность применения ограничительных условий, относящихся к условиям заключения под стражу:

- 1) содержать лицо в следственной тюрьме или специально оборудованных помещениях полиции;
- 2) перемещать лицо под надзором охраны в необходимые для хода процесса время и место;
- 3) ограничивать встречи и общение заключенного под стражу лица, за исключением встреч с защитником;
- 4) контролировать корреспонденцию и разговоры заключенного под стражу лица;
- 5) устанавливать внутренний порядок и режим в месте содержания;
- 6) ограничивать круг вещей, находящихся в индивидуальном пользовании.

Несмотря на отсутствие отдельной регламентации и использование отсылочной нормы, нормативное закрепление домашнего ареста нельзя признать ущербным, поскольку по своей сути все указанные положения соотносятся с запретительными мерами, отдельно выделяемыми в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста в процессуальном законодательстве рассмотренных выше стран.

В целом, анализируя законодательство зарубежных стран, в том числе стран постсоветских республик, можно наблюдать тенденцию к развитию системы ограничительных мер как альтернативы заключения под стражу.

---

⁹² Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 21.04.2005 // URL: <http://www.pravo.lv> (дата обращения: 22.06.2021).

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в российском судопроизводстве в широком понимании следует выделить два этапа развития альтернативных заключению под стражу мер пресечения: *этап доправового регулирования*, в рамках которого выделены случаи применения мер пресечения в виде личного поручительства и домашнего ареста, завершающийся кодификацией российского законодательства в виде принятия в 1832 г. Свода законов Российской Империи, и *этап правового регулирования* альтернативных заключению под стражу мер пресечения, который для домашнего ареста обусловлен принятием в 1832 г. Свода законов Российской Империи, для залога – принятием 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, а для запрета определенных действий – Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ.

Понятия «альтернативные виды мер пресечения» законодательство не содержит, однако, исходя из его семантического толкования и использования на стадии предварительного расследования, его можно определить как «предусмотренные законодательством виды мер пресечения, избрание которых допускается уголовно-процессуальным законом вместо меры пресечения инициированной к избранию органами предварительного расследования».

В этой связи предлагается классифицировать меры пресечения на следующие:

- 1) избранные по инициативе органов предварительного расследования;
- 2) альтернативные виды, избранные судом по собственной инициативе при рассмотрении соответствующих ходатайств следственных органов, где законом допускается возможность применения более мягкого вида меры пресечения.

Среди выделяемых альтернативных видов мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий от общего числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения за 2020–2021 гг. их доля составила 10,61; 0,20 и 3,21 % соответственно, что пока не позволяет признать применение данных мер пресечения в качестве действенной альтернативы заключению под стражу.

Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, трансформировали меру пресечения в виде залога на залог без возложения на подозреваемого или обвиняемого дополнительных запретов и залог с возложением

таковых, закрепили совершенно новую меру пресечения в виде запрета определенных действий, конкурирующую по своему содержанию с домашним арестом, и поменяли сущностное содержание домашнего ареста с частичной изоляции на полную изоляцию в жилом помещении, в результате чего индивидуальный характер альтернативных заключению под стражу мер пресечения стал значительно менее выраженным, а система мер пресечения в российском уголовном процессе потеряла свою стройность и однозначное иерархическое построение, что обусловило наличие обоснованных сомнений относительно правильности определенного законодателем места запрета определенных действий в системе мер пресечения, расположенного по своей строгости ниже залога, и необходимости расположения данного вида меры пресечения, учитывая характер запретительных мер, выраженный в возможности ограничения времени и места передвижения подозреваемого (обвиняемого), непосредственно после домашнего ареста.

Появившаяся конкуренция применения запрета определенных действий и домашнего ареста, выраженная в фактической невозможности полной изоляции лица от общества в рамках домашнего ареста, и схожесть остальных содержательных составляющих данных видов мер пресечения на практике создают реальную возможность замещения одной меры пресечения на другую, что при наличии различного порядка продления сроков применения данных видов мер пресечения является недопустимым.

Появление дополнительных видов альтернативных заключению под стражу мер пресечения, а также трансформацию домашнего ареста и залога следует связать не только с низким статистическим показателем их применения, но и в большей степени с вниманием законодателя к необходимости индивидуализации применяемых мер пресечения в отношении отдельных категорий подозреваемых (обвиняемых), однако при этом, учитывая, что поскольку применение запрета определенных действий имеет под собой целью предоставление лицу ряда свобод для осуществления профессиональной, учебной или иной деятельности при наличии ряда ограничений, тогда как итоговой целью домашнего ареста является изоляция лица от общества в жилом помещении, условия и ограничительные меры, налагаемые на лицо в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий значительно более лояльны,

чем условия содержания лица под домашним арестом, в связи с чем и порядок зачета срока применения запрета определенных действий с запретом покидать жилище по сравнению с порядком зачета срока применения домашнего ареста в общий срок наказания должен быть изменен и составлять три дня применения запрета определенных действий за один день лишения свободы по сравнению с пропорцией два дня к одному, соответственно, применительно к домашнему аресту.

Анализ законодательства о мерах пресечения зарубежных стран позволяет утверждать, что в качестве альтернативы заключению под стражу используется комплекс ограничительных мер, сходных по своему содержанию с элементами российских мер пресечения в виде домашнего ареста, залога, запрета определенных действий и поручительства. Во Франции содержательная составляющая залога, запрета определенных действий и домашнего ареста скомпилированы воедино в мере пресечения в виде судебного контроля; в Республике Южная Корея и Японии при избрании залога допускается установление ограничений и запретов, при этом в качестве отдельной меры пресечения домашний арест не выделен; в законодательстве КНР залог является неотъемлемым элементом поручительства, а домашний арест реализован в виде меры наблюдения по месту жительства; в США же основной альтернативой содержанию под стражей является залог, а домашний арест представлен в виде определенных программ как условий условно-досрочного освобождения или запретительных ограничений, возложенных исправительными учреждениями в качестве альтернативы отбыванию наказания в местах лишения свободы.

Уголовно-процессуальное законодательство стран постсоветского пространства также в подавляющем большинстве характеризуется направленностью на использование комплексных ограничительных и запретительных мер при применении домашнего ареста или залога как альтернативы содержанию под стражей. В законодательстве Республик Казахстан, Азербайджан, Беларусь и Таджикистан перечень таких мер является открытым, позволяя налагать ограничения и обязанности, прямо не закрепленные в законодательстве, что, по нашему мнению, создает возможность неоправданного вмешательства в права и свободы подозреваемого или обвиняемого.

§ 2. Судебная инициатива на стадии предварительного расследования, ее значение при избрании мер пресечения

И.Я. Фойницкий писал, что «активность суда есть следствие публичности, которая по определению свойственна состязательному типу уголовного процесса»⁹³. Он также отмечал, что уголовный суд обязан «давать ответ, соответствующий объективной, действительной и материальной истине, и отнюдь не требует, чтобы он довольствовался истиною формальной, как ее понимают и устанавливают стороны»⁹⁴.

Из вышеуказанных умозаключений видно, что вопросу активности суда И.Я. Фойницкий отводит значительную роль при реализации его полномочий по осуществлению правосудия. Такая активность не только не ущемляет принцип состязательности сторон, закрепленный в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, но и является его необходимым элементом.

Состязательность сторон по-разному понимается исследователями в области уголовно-процессуального права – от полного непринятия ввиду фактической нереализуемости до мнения о существовании и построении на ее основе всех стадий уголовного судопроизводства.

Даже в настоящее время при рассмотрении вопросов о внесении изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство возникает немало правовых взглядов на соотношение того или иного нового правомочия с принципом состязательности.

Так, к примеру, вопрос о возможности расширения полномочий Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей на истребование любого дела и внесение его в Президиум Верховного Суда РФ с представлением о пересмотре дела в порядке надзора, если это не повлечет ухудшения положения осужденного (оправданно-

---

⁹³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 64.

⁹⁴ Там же. С. 61.

го)⁹⁵, нашел свою поддержку в Верховном Суде РФ, однако не встретил понимания в Правительстве РФ⁹⁶.

До революции 1917 г. ученые считали необходимым выделить следующие признаки состязательности в уголовном процессе: 1) наличие в процессе сторон с противоположными материально-правовыми интересами, стоящих отдельно от суда; 2) процессуальное равноправие сторон, участвующих в деле; 3) освобождение суда от тех процессуальных функций, которые выполняются в процессе сторонами⁹⁷.

Исследовавший вопросы состязательности С.А. Тумашов указал, что «принцип состязательности сторон действует как на судебных, так и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и служит гарантией соблюдения и обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений»⁹⁸.

С данной позицией согласен и А.М. Наумов, полагающий, что УПК РФ 2001 г. провозгласил принцип состязательности как в судебных, так и досудебных стадиях. В своей работе он пишет: «Основными характерными чертами данного процесса явилось распространение принципа состязательности и равноправия сторон помимо судебной стадии уголовного судопроизводства (что имело место с 1864 по 2001 г.) также и на досудебную стадию, включающую в себя стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования»⁹⁹.

Ряд других авторов склоняется к иной точке зрения, согласно которой состязательность сторон отсутствует в досудебных стадиях. Так, В.И. Зажицкий полагает, что даже «попытки обосновать состязательный характер досудебного производства

---

⁹⁵ О внесении изменений в статью 412-5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части расширения полномочий Председателя Верховного Суда Российской Федерации и его заместителя в суде надзорной инстанции): законопроект № 1103087-6 // URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2018).

⁹⁶ Состязательность или справедливость // Уголовный процесс. 2017. № 3. С. 6.

⁹⁷ См., напр.: *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. М., 1905. С. 45; *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 63.

⁹⁸ *Тумашов С.А.* Состязательность в досудебном производстве: декларация о намерениях или реальность // Закон и право. 2003. № 9. С. 41.

⁹⁹ *Наумов А.М.* Развитие принципа состязательности в УПК РФ // Право и политика. 2005. № 8. С. 88.

на научном уровне обречены на неудачу»¹⁰⁰. В.М. Мешков и А.Н. Соколов утверждают, что доводы «о существовании какой-либо состязательности на досудебной стадии уголовного процесса – не более чем миф»¹⁰¹.

О.В. Гладышева не столь категорична, но также не поддерживает идею о наличии состязательности на стадии предварительного расследования, указывая, что «специфика досудебного производства такова, что существование в основе этого этапа уголовно-процессуальной деятельности состязательности в ее современном понимании весьма проблематично»¹⁰².

В.Т. Томин, напротив, резко отрицая такую возможность в своей монографии, утверждает: «я категорически возражаю против вызванных разными причинами попыток определенной группы активно пишущих и громко говорящих людей и прикнувших к ним путаников втиснуть элементы состязательности в досудебное производство. Это затрудняет достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу, препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства, делает невозможной реализацию тех задач, для разрешения которых уголовный процесс существует от века и создан во всех странах мира»¹⁰³.

Отрицают действие принципа состязательности на предварительном следствии и некоторые другие авторы¹⁰⁴.

Помимо изложенных точек зрения в науке уголовного процесса выработана и получила достаточное обоснование и третья позиция, согласно которой на стадии предварительного расследования состязательность реализуется лишь частично. К примеру, А. Соловьев и М. Токарева считают, что на предварительном следствии присутствуют лишь элементы состязательности¹⁰⁵. В.З. Лукашевич и А.Б. Чичканов

---

¹⁰⁰ *Зажичкий В.И.* Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право. 2009. № 7. С. 42.

¹⁰¹ *Мешков В.М., Соколов А.Н.* О состязательности уголовного процесса через призму времени // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 35.

¹⁰² *Гладышева О.В.* Значение состязательности для справедливого уголовного судопроизводства // Право и политика. 2008. № 1. С. 147.

¹⁰³ *Томин В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 262.

¹⁰⁴ *Костанов Ю.А.* Состязательность по УПК: принцип правосудия или камуфляж произвола // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 89–90; *Резепкин А.М.* Элементы состязательности в российском досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 8.

¹⁰⁵ *Соловьев А., Токарев М.* Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ // Уголовное право. 2003. № 9. С. 97.

полагают, что «элементы состязательности как принципа уголовного судопроизводства, в полной мере действующего в судебном разбирательстве, присутствуют и на предварительном следствии»¹⁰⁶. В.П. Божьев сделал вывод, что «в стадии предварительного следствия можно (с определенными оговорками) констатировать наличие некоторых «элементов состязательности»¹⁰⁷. Аналогичную позицию занимает и Ю.В. Деришев¹⁰⁸.

Основными причинами непризнания принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства ученые-процессуалисты называют следующие:

- недостаточно регламентированное право стороны защиты на самостоятельное собирание доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса;
- отсутствие института параллельного расследования;
- отсутствие независимого арбитра, который смог бы следить за состязанием сторон.

Так, Н.А. Колоколов указывает, что «выбор соотношения возможностей обвинения и защиты – вот важнейшая из проблем в области организации состязательного уголовного судопроизводства»¹⁰⁹.

И.Л. Трунов и Л.К. Трунова отстаивают позицию о необходимости наделения защитника полномочиями по проведению самостоятельного расследования, по итогам которого он должен иметь право составить свое «защитительное заключение» и представлять его в суд наравне с обвинительным заключением следователя, которое должно вручаться сторонам и оглашаться в суде в начале судебного следствия¹¹⁰.

С. Погодин и Р. Тугушев в поддержку своей позиции указывают, что «стремление законодателя искусственно создать состязательность на досудебных стадиях

---

¹⁰⁶ Лукашевич В.З., Чичканов А.Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 104.

¹⁰⁷ Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 4–5.

¹⁰⁸ Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 269.

¹⁰⁹ Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов – иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 20.

¹¹⁰ Трунов И.Л., Трунова Л.К. Перспективы расширения состязательности процесса на стадии предварительного расследования // Адвокатские вести. 2001. № 12. С. 18.

привело к тому, что, предоставив стороне защиты право собирания доказательств, не был разработан реальный механизм его реализации»¹¹¹.

Такого же мнения придерживается и Е.Г. Мартынчик, который считает, что «определенные законом пути собирания доказательств защитником по своей природе и сущности являются процессуальными. Как знаковые, они требуют адекватного правового обеспечения возможностей процесса собирания и особенно фиксации собранной доказательственной информации»¹¹².

Отдельные авторы выдвигают идею о предоставлении стороне защиты совершенно равных правовых возможностей по проведению расследования. Так, к примеру, Н.А. Моряшова указывает, что на досудебных стадиях производства сторона защиты в целях возможности оспаривания обвинительного направления уголовного дела должна располагать правами по сбору и проверке доказательств, присущими органам предварительного расследования, иметь свой оперативный аппарат, а также соответствующие технические и материальные возможности¹¹³.

Е.В. Кронов указывает, что «состязательность на стадии предварительного расследования отсутствует не потому, что нет равных процессуальных прав сторон обвинения и защиты, а потому, что независимого арбитра, который смог бы следить за состязанием сторон, нет как такового»¹¹⁴.

Не вдаваясь в споры о наличии принципа состязательности на досудебной стадии судопроизводства в целом, рассмотрим его реализацию применительно к настоящей теме диссертационного исследования. В частности, в судебном заседании при решении вопроса об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения.

Для этого, на наш взгляд, следует определиться с содержанием процессуальных функций стороны защиты и обвинения.

---

¹¹¹ *Погодин С., Тугушев Р.* Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях? // Законность. 2005. № 5. С. 45.

¹¹² *Мартынчик Е.Г.* Акты адвокатского расследования: виды, форма, структура и значение // Рос. юстиция. 2009. № 9. С. 53.

¹¹³ *Моряшова Н.А.* Проблемы криминалистической тактики в условиях состязательности сторон: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 53.

¹¹⁴ *Кронов Е.В.* О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 22.

Часть 2 ст. 21 УПК РФ обязывает следователя в каждом случае обнаружения преступления принимать предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступлений. В своей деятельности следователь осуществляет полномочия, предусмотренные ст. 38 УПК РФ, исходя из права самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий и осуществлять иные полномочия.

Следует согласиться с В.А. Азаровым, Н.И. Ревенко и М.М. Кузембаевой, которые указывают, что «процессуальной функцией следователя является расследование преступлений... В обсуждаемом контексте уголовно-процессуальная функция – это основное направление в процессуальной деятельности субъекта уголовного судопроизводства, которое обусловлено поставленной перед ним задачей»¹¹⁵.

Функция же защиты, как полагает С.В. Бородин, состоит «в реализации возложенной на защитника, заданной в определенных параметрах процессуальной деятельности по собиранию, исследованию и представлению сведений доказательственного, криминалистического или процессуального характера, а также иных, востребованных целями защиты лица от уголовного преследования»¹¹⁶.

Данная характеристика функции защиты представляется весьма «узкой», поскольку сводит деятельность защитника исключительно к собиранию и предоставлению доказательств.

А.В. Кудрявцева и Ю.И. Великосельский, определяя функцию защиты, указывают: «Функция защиты в уголовном процессе представляет собой определенную совокупность последовательных, взаимодополняемых действий субъектов уголовного процесса со стороны защиты, которые предопределяются защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»¹¹⁷.

---

¹¹⁵ Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006. С. 172.

¹¹⁶ Бородин С.В. Профессиональная защита в системе уголовно-процессуального исследования преступлений (методологические, процессуальные и криминалистические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Бородин. – Воронеж, 2009. С. 8.

¹¹⁷ Кудрявцева А.В., Великосельский Ю.И. Функция защиты на стадии предварительного расследования. Челябинск, 2006. С. 25.

Думается, что данное понятие имеет определенные недостатки, выраженные в указании на защиту именно от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, тогда как право на защиту возникает у подозреваемого (обвиняемого) в любом случае, в том числе от совершенно обоснованных и доказанных подозрений и обвинений.

В.М. Быков определяет функцию защиты в «постоянном оппонировании стороне обвинения, в отстаивании своих законных прав и интересов, в критике необоснованных решений и действий следователя и дознавателя»¹¹⁸.

Стороне защиты для отстаивания своих позиций при решении вопроса об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения уголовно-процессуальным законом предоставлены достаточно широкие права. Приведем некоторые из них:

– право на участие при рассмотрении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения (ч. 4 ст. 108 УПК РФ);

– право выразить процессуальную позицию по заявленному ходатайству (ч. 6 ст. 108 УПК РФ);

– право собирать и представлять доказательства обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ);

– право заявлять ходатайства и отводы (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), в том числе ходатайство об отложении судебного заседания для представления доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41);

– право на ознакомление с материалами, на основании которых принимается решение об избрании меры пресечения или продлении срока ее действия (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41);

– право на использование иных, не запрещенных УПК РФ средств и способов защиты.

Указанные права позволяют защитнику отстаивать свою позицию по заявленному стороной обвинения ходатайству. В состязательном процессе сторонам обви-

---

¹¹⁸ *Быков В.М.* Состязательность и равноправие сторон на досудебных стадиях уголовного процесса // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 130.

нения и защиты должны быть предоставлены равные возможности в изложении и отстаивании своей процессуальной позиции по уголовному делу, а задача суда – предоставить условия для свободного состязания.

Характер состязания задает сторона обвинения, именно она первая озвучивает заявленное ходатайство, излагает причины, по которым не может быть избрана другая, более мягкая мера пресечения, представляет суду материалы в обоснование поданного ходатайства. Таким образом, главной движущей силой состязательного процесса является не инициатива суда, а спор сторон по существу поданного ходатайства.

Разграничение функций, лежащее в основе состязательности, «единственность процессуальной функции» участников процесса являются, на наш взгляд, условием объективного судебного разбирательства, а также «свободного (и ответственного) процессуального поведения участника, не стесняемого мотивами поддержания конкурирующего интереса другого субъекта»¹¹⁹.

Следует согласиться с И.Л. Петрухиным, который утверждал, что «правосудие является состязательным, когда стороны (участники) судебного разбирательства могут активно и в равных условиях спорить, доказывать свою правоту, излагать свои доводы, давать свое толкование фактов и событий, доказательств по делу и, тем самым, способствовать поиску истины»¹²⁰. Спор, состязание двух равноправных сторон перед независимым судом позволяет создать объективные условия для вынесения справедливого решения.

Таким образом, понятие «состязательность» нельзя приравнивать к понятию «равенства сторон», которое как таковое на досудебных стадиях уголовного судопроизводства не достижимо. Следователь и защитник выполняют свои определенные уголовно-процессуальным законом функции, и учитывая, что следователь отнесен законом к стороне обвинения и выполняет функцию расследования уголовного дела, защитнику подобные права предоставлены быть не могут, поскольку это будет противоречить сущности его процессуального статуса.

---

¹¹⁹ Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2004. С. 51–52.

¹²⁰ Состязательность и равноправие сторон // Уголовный процесс / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2001. С. 81.

Состязательностью на стадии предварительного расследования и при рассмотрении в суде вопроса об избрании меры пресечения следует признать деятельность стороны обвинения и защиты по выполнению возложенных на них законом обязанностей и реализации их прав и законных интересов. При этом, как совершенно справедливо еще в 2000 г. указал Конституционный Суд РФ: «Принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного судопроизводства»¹²¹.

Разобравшись, таким образом, с вопросом состязательности сторон при рассмотрении в суде вопроса об избрании меры пресечения, рассмотрим роль суда в указанном процессе.

М.С. Строгович указывал, что суть состязательности процесса состоит не только в разделении функций обвинения, защиты, но и необходимостью решения между ними судом¹²².

А.М. Ларин указывает, что поиск судом объективной истины заложен в самом понятии правосудия, как суда правового, стремящегося к правде, к соответствию суждения действительности¹²³.

По мнению некоторых современных ученых-процессуалистов, роль суда в состязательном процессе должна сводиться к формальному выслушиванию аргументов сторон и вынесению на основе их оценки окончательного решения¹²⁴.

Трудно согласиться с последней точкой зрения, поскольку состязательность, построенная по принципу «активные стороны и пассивный суд», в так называемом «чистом виде» не реализуется ни в одном национальном уголовном процессе. Тем более, как правильно отмечает О.В. Кузьмина, «в таком виде он не характерен для

---

¹²¹ По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло: постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 № 2-П // Рос. газета. 2000. 23 февр.

¹²² *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 151.

¹²³ *Ларин А.М.* О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: мат-лы конф. М., 1997. С. 77.

¹²⁴ *Бозров В.* «Тактика судьи» в прошлом и настоящем уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 31–32.

континентального европейского процесса, общепризнанные принципы которого отражены в Европейской Конвенции»¹²⁵.

В своем понимании сущности состязательности Европейский суд по правам человека исходит из необходимости предоставления сторонам возможностей для реализации своих прав¹²⁶, посредством реализации которых стороны и имеют возможность собрать и представить суду доказательства в обоснование своей позиции и своих доводов¹²⁷. Вследствие этого суд освобождается от не свойственной ему деятельности. В первую очередь от деятельности по первичному собиранию доказательств, а не с целью проверки уже собранных, поскольку суд, как правильно отмечает Д.А. Мезинов, «по исходной природе своей организации приспособлен главным образом к деятельности по проверке доказательств, а не их поиску»¹²⁸.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ нормы, аналогичной ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., положения ст. 6 УПК РФ все-таки позволяют сделать вывод о наличии у суда обязанности стремиться к установлению действительных обстоятельств уголовного дела на основе имеющихся доказательств, поскольку в противном случае назначение уголовного судопроизводства не может быть реализовано.

Как справедливо указывает Н.А. Колоколов, состязательность является хорошей идеей, но требует высокой квалификации от следователей и прокуроров, в том числе в вопросе сбора всего объема доказательств и правильной квалификации действий обвиняемого¹²⁹.

Однако такая активность должна иметь определенные границы, чтобы «внешне состязательное правосудие не демонстрировало обвинительный уклон, а

---

¹²⁵ Кузьмина О.В. Состязательность как гарантия объективности уголовного судопроизводства // Научный поиск. 2015. № 1.4. С. 31.

¹²⁶ Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Томск, 2011. С. 118–130.

¹²⁷ Плашевская А.А. Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России. Томск, 2006. С. 18; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб., 2005. С. 502.

¹²⁸ Мезинов Д.А. Разумна ли состязательность судебного следствия по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 63.

¹²⁹ Колоколов Н.А. Вправе ли суд обвинять? // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 78–79.

организационно-управленческая позиция суда не формировала в итоге психологическую установку судей на всемерное спасение обвинения»¹³⁰.

Современное уголовно-процессуальное законодательство, да и судебная практика до настоящего времени не определили границ возможного проявления судебной активности.

Более того, УПК РФ, закрепляя обязанность председательствующего исключительно по руководству судебным заседанием и обеспечению состязательности и равноправия сторон, фактически освобождает суд от непосредственного участия в процессе доказывания. Но разве может пассивный суд, не стремящийся к установлению истины и не предпринимающий действий к разрешению имеющихся вопросов, в полной мере защитить права человека и обеспечить соблюдение интересов общества и государства? Представляется, что нет. И если количество представленных сторонами процесса доказательств не позволяет суду прийти к однозначному и категоричному убеждению относительно рассматриваемых вопросов, суд может, да и обязан проявить собственную инициативу, выраженную, к примеру, в принятии решения, предусмотренного п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ о продлении срока задержания для представления стороной дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Либо, поскольку остальные альтернативные заключению под стражу меры пресечения избираются в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, аналогичное решение о продлении срока задержания может быть принято и при рассмотрении ходатайств следственных органов об их избрании.

Стоит отметить, что исходя из диспозиции указанной статьи, а также разъяснения, содержащегося в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, данное решение суд принимает в связи с заявленным ходатайством одной из сторон.

Так, Черниговским районным судом Приморского края *при рассмотрении ходатайства следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении четырех задержанных в порядке статей 91–92 УПК РФ лиц,*

---

¹³⁰ Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2 (26). С. 68.

подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ, принято решение о продлении срока задержания с целью предоставления дополнительных доказательств обоснованности избрания данной меры пресечения. В данном случае соответствующее ходатайство о продлении срока задержания заявлено прокурором¹³¹.

Уссурийским городским судом Приморского края удовлетворено ходатайство прокурора о продлении срока задержания в связи с необходимостью получения сведений «о мнении потерпевшей и законного представителя потерпевшей о целесообразности применения к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу»¹³².

Подобное указание на обязательность поступления соответствующего ходатайства от одной из сторон, по нашему мнению, не умаляет инициативную роль суда в решении вопроса об избрании меры пресечения, поскольку возлагать на одну из сторон обязанность предоставления дополнительных доказательств без соответствующего намерения стороны собирать их означало бы неоправданно затягивать срок рассмотрения поступившего ходатайства, а также свидетельствовало бы о реализации судебной инициативы не на этапе оценки доказательств, а на этапе их собирания для достижения принятия желаемого решения.

Таким образом, сохранение компромисса между обязанностью суда выносить законные и обоснованные решения, с одной стороны, и необходимостью проводить четкую границу, отделяющую функцию правосудия от функции обвинения, – с другой, является важной составляющей состязательного процесса. Данное стремление суд может реализовывать лишь в дополнение к активности сторон.

Именно поэтому вопрос места и объема инициативы суда при решении вопроса об избрании меры пресечения стоит в настоящее время достаточно остро и неоднозначно.

Для наиболее полного рассмотрения института судебной инициативы в уголовном процессе определимся с толкованием понятия «инициатива». В словаре ино-

---

¹³¹ Архив Черниговского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 945435).

¹³² Архив Уссурийского городского суда Приморского края за 2015 г. (уголовное дело № 678329).

странных слов инициатива (фр. *initiative* от лат. *initiare* – начинать) рассматривается как «почин, первый шаг в каком-либо деле; предприимчивость»¹³³. Энциклопедический словарь определяет данное понятие как «почин, первый шаг в каком-либо деле; внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость; руководящая роль в каких-либо действиях»¹³⁴, словарь С.И. Ожегова определяет его аналогичным образом¹³⁵.

Таким образом, на основании приведенных толкований понятие «инициатива» следует понимать как внутреннее побуждение, активность и предприимчивость, способность к тем действиям, которые необходимо совершить суду для получения соответствующей информации и создания необходимых условий в целях исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, с помощью чего суд создает необходимые условия для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения.

В уголовно-процессуальном законодательстве категория «инициативы» применительно к судебной деятельности используется достаточно часто (приложение 10). Помимо ее прямого использования в уголовно-процессуальном законодательстве можно найти и косвенные указания на таковую. Так, ст. 25 УПК РФ закрепляет: «суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора **вправе** (выделено нами. – *Авт.*) на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред». Схожие полномочия суда содержатся и в ч. 3 ст. 50 УПК РФ: «В случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд **вправе** (выделено нами. – *Авт.*) предложить подозреваемому, обвиняемому пригла-

¹³³ Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1954. С. 273.

¹³⁴ Большой энциклопедический словарь // URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/23912/> (дата обращения: 24.07.2021).

¹³⁵ Толковый словарь С.И. Ожегова // URL: <http://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9922> (дата обращения: 24.07.2020).

силь другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника», – и в ч. 3 ст. 282 УПК РФ: «При необходимости суд **вправе** (выделено нами. – *Авт.*) предоставить эксперту время, необходимое для подготовки ответов на вопросы суда и сторон». Аналогичные формулировки можно обнаружить и в других частях, разделах и главах УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законодательстве встречаются и другие формулировки, относящиеся к вопросу деятельности суда. Так, в ч. 7 ст. 107 УПК РФ отражено: «суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить запреты...».оборот «суд может» встречается и в ч. 8 ст. 132 УПК РФ: «По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, суд **может** (выделено нами. – *Авт.*) возложить обязанность возместить процессуальные издержки на законных представителей несовершеннолетних».

Вместе с тем понятия «вправе» и «может» диспозиций вышеприведенных статей указывают на правомочие суда в решении того или иного вопроса и не включают в себя обязательного наличия таких составляющих, как активность и предприимчивость, которые являются основой понятия «инициатива».

Рассматривая стадии уголовного судопроизводства, применительно к которым законодатель употребляет понятие «инициатива суда», можно сделать вывод, что большинство случаев его использования связано с судебной стадией производства, когда уголовное дело находится непосредственно на рассмотрении судьи и инициатива суда, как указывалось выше, связана с его стремлением к установлению действительных обстоятельств уголовного дела и обоснованием полученных выводов доказательствами в целях реализации назначений уголовного судопроизводства.

Исключая главы УПК РФ, относящиеся к принципам уголовного судопроизводства, критериям оценки доказательств и судебным стадиям, понятие «инициатива суда» в стадии предварительного расследования используется законодателем дважды, и оно напрямую связано с рассмотрением ходатайства следственных органов об избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения.

Первый случай предусмотрен ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, закрепляющей право суди по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого (обвиняемого) меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста. Аналогичное положение, предусматривающее возможность избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий и залога, содержится в ч. 5 ст. 107 УПК РФ применительно к порядку рассмотрения ходатайства следственных органов об избрании домашнего ареста.

По мнению Н.А. Колоколова, положения ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ представляются весьма спорными, поскольку в стадии предварительного расследования определение вида меры пресечения и ее изменение функцией суда не является¹³⁶.

Указанная позиция представляется не совсем оправданной, поскольку, как правильно указано в ч. 3.1 постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П, «ставя и решая по собственной инициативе вопрос об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, суд, по смыслу статьи 108 УПК Российской Федерации, не освобождается от обязанности выслушать мнения сторон, а стороны не могут быть лишены возможности привести свои доводы. Это не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой, а тем более признанием в качестве обоснованного выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу»¹³⁷.

В п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 23.06.2000 № 175-О также подчеркнуто, что «меры пресечения могут применяться лишь при наличии основа-

---

¹³⁶ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие: в 2 ч. Ч. 2 / В.А. Давыдов [и др.]; под ред. В.М. Лебедева. Изд. 7-е, перераб. и доп. М., 2016. С. 23.

¹³⁷ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // Рос. газета. 2005. 1 апр.

ний, соответствующих указанным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям»¹³⁸. При этом ст. 55 Конституции РФ указывает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В этом аспекте интересным представляется мнение А.А. Корчагина, который, рассматривая вопросы следственных ситуаций по делам об убийствах, указывает, что реализация закрепленного в ст. 15 УПК РФ принципа состязательности невозможна «без использования государственным обвинителем и судом криминалистических рекомендаций, позволяющих правильно оценить складывающиеся следственные ситуации на предварительном следствии и в суде и выбирать наиболее оптимальные алгоритмы их разрешения»¹³⁹.

Подобные ситуации складываются и в судебном заседании при рассмотрении ходатайства органов предварительного следствия об избрании меры пресечения. Проявление или непроявление судом рассмотренной выше инициативной возможности избрания более мягкой меры пресечения, нежели заявлено органами предварительного следствия, позволяет говорить о судебных ситуациях, складывающихся при избрании меры пресечения и необходимости выработке определенных алгоритмов их разрешения.

При разрешении указанных судебных ситуаций наподобие разрешения ситуаций следственных, подлежащих разрешению следователем, судья руководствуется не только положениями законодательства, позволяющими ему избрать более мягкую меру пресечения, нежели заявлено органами следствия, но и обязан обосновать свое

---

¹³⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан В.А. Жеребенкова и Е.С. Жигарева на нарушение их конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, касающихся применения в качестве меры пресечения заключения под стражу: определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2000 № 175-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

¹³⁹ Корчагин А.А. Следственные ситуации и алгоритмы в деятельности по предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел об убийствах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. № 20. С. 114–115.

решение¹⁴⁰, используя логические приемы рассуждения, прийти к выводу, по какой причине конкретный вид меры пресечения позволит обеспечить надлежащее поведение лица на стадии предварительного следствия без излишнего ограничения его прав и свобод.

Давая определение судебной ситуации при избрании меры пресечения, предлагаем обратиться к определению Н.А. Селиванова «следственной ситуации», под которой в самом общем виде понимается «обстановка, картина расследования, сложившаяся к определенному моменту»¹⁴¹.

В данном определении автором конкретно указывается на два обязательных признака «следственной ситуации»:

- фактический признак, выраженный в наличии конкретной обстановки (картины) расследования;
- временной признак, то есть указание на наличие такой обстановки на конкретный период времени, по прошествии которого обстановка претерпит изменения.

Учитывая изложенное, для целей уголовного процесса взяв за основу широкое понимание понятия «следственная ситуация», судебную ситуацию при рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения можно определить как «совокупность сведений из представленных сторонами уголовного процесса материалов, при которых судьей в рамках конкретного судебного заседания подлежит разрешению вопрос об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения».

Разрешая ту или иную судебную ситуацию в данном контексте, судья и реализует свои полномочия, предусмотренные ч. 7 ст. 108 УПК РФ, в том числе и по избранию по собственной инициативе более мягкого вида меры пресечения при отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства, заявленного органом предварительного следствия.

И как указано выше, такое инициативное принятие судом решения об избрании менее строгой меры пресечения, нежели заявлено в ходатайстве органов предва-

---

¹⁴⁰ Эйсман А.А. Логика доказывания. М., 1971. С. 9.

¹⁴¹ Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 58.

рительного расследования, не только согласуется с положениями Конституции РФ, действующего законодательства и судебным толкованием, но и является необходимым этапом в процессе принятия решения по заявленному ходатайству с учетом мнения сторон обвинения и защиты и позволяет действительно дифференцированно подойти к решению вопроса об избрании конкретной меры пресечения.

Результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета РФ показали, что на вопрос «По чьей инициативе в Вашем регионе наиболее часто избирается мера пресечения в виде домашнего ареста?» 58,01% респондентов ответили, что по инициативе суда при рассмотрении ходатайства следственных органов об избрании более строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. Остальные 41,99% указали, что инициатива избрания домашнего ареста исходит от органов следствия. Применительно к залогоу анкетирование показало еще более выразительные результаты: 65,43% респондентов указали на инициативную роль суда в указанном вопросе.

На вопрос «По чьей инициативе мера пресечения в виде заключения под стражу наиболее часто изменяется на домашний арест?» 65,64% респондентов указали, что по инициативе суда при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей.

Как видно из результатов проведенных опросов, сотрудники следственных подразделений Следственного комитета РФ не только допускают проявление судебной инициативы при решении вопросов об избрании (изменении) мер пресечения, но и отводят ей более весомую роль в практическом выражении, чем роль органов следствия.

Результаты анкетирования по указанным трем вопросам судей демонстрируют схожую позицию. Инициативная роль суда в вопросе избрания домашнего ареста, залога и изменения меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест превалирует над инициативой следственных органов по мнению 58,82; 52,94 и 70,59 % опрошенных респондентов (приложение 11).

Сделанный вывод подтверждается руководящими указаниями Пленума Верховного Суда РФ, в п. 3 Постановления от 19.12.2013 № 41 которого указано на обязанность суда при рассмотрении вопросов об избрании и продлении срока содержа-

ния под стражей обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой, меры пресечения независимо от наличия ходатайства об этом сторон¹⁴². Безусловно, принять такое решение без активности, предприимчивости в действиях и проявления инициативы – совершенно невозможно, что не свидетельствует о взятии на себя судом функций сторон обвинения или защиты.

Таким образом, при избрании в судебном порядке меры пресечения судья находится в конкретной судебной ситуации, под которой следует понимать «совокупность сведений из представленных сторонами уголовного процесса материалов, при которых судьей в рамках конкретного судебного заседания подлежит разрешению вопрос об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения», а проявление судебной инициативы в данном вопросе, выраженной в принятии судом решения об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения, не свидетельствует о взятии на себя судом функций сторон обвинения или защиты и является одним из решений, принимаемых в конкретной судебной ситуации, складывающейся по поводу избрания меры пресечения.

---

¹⁴² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБИРАЕМЫХ ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Основания и условия избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста

Часть 2 ст. 22 Конституции РФ устанавливает, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Корреспондирующее положение уголовно-процессуального законодательства содержится в п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, прямо указывающей, что только суд правомочен принимать решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий.

Такое повышенное внимание законодателя к порядку избрания именно этих мер пресечения не случайно. При их применении в значительной степени ограничиваются личные конституционные права и свободы лиц, в отношении которых они избираются, что всегда таит в себе возможность их неоправданного ущемления. Необходимость обеспечения равновесия между публичными интересами в беспрепятственном расследовании уголовного дела и недопустимостью излишнего ущемления прав и свобод подозреваемых (обвиняемых) во многом достигается закрепленными в уголовно-процессуальном законодательстве основаниями и условиями избрания мер пресечения.

Основания для избрания мер пресечения перечислены в ст. 97 УПК РФ, а именно – достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый совершит одно или несколько следующих деяний:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- продолжит заниматься преступной деятельностью;
- будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства,
- уничтожит доказательства;
- иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу,

а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

Указанные основания являются общими для всех применяемых мер пресечения, и их отсутствие влечет невозможность избрания любой из них – будь то заключение под стражу или подписка о невыезде и надлежащем поведении.

В юридической литературе достаточно подробно рассмотрен вопрос относительно корректности использования понятия «основания» применения мер пресечения. Ряд авторов, например О.И. Цоколова, утверждают, что указанные в ст. 97 УПК РФ обстоятельства являются не чем иным, как целями применения мер пресечения, основания же необходимо закрепить отдельно и более конкретно¹⁴³.

Г.П. Ивлев и Н.И. Капинус, не соглашаясь с данной точкой зрения, говорят о прямом соотношении целей мер пресечения с их основаниями¹⁴⁴.

Разделяя точку зрения О.И. Цоколовой, считаем, что в ст. 97 УПК РФ произошло смешение целей применения мер пресечения с их основаниями, в связи с чем полагаем возможным согласиться с мнением А.С. Барабаша, предложившего иную редакцию ст. 97 УПК РФ, сформулированную через призму целевой направленности, а именно: «Статья 97. Цели избрания мер пресечения.

Меры пресечения избираются в отношении обвиняемого, в отдельных случаях подозреваемого, в целях предотвращения с их стороны возможности:

- 1) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) продолжить заниматься преступной деятельностью;
- 3) угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, иного воспрепятствования производству по уголовному делу»¹⁴⁵.

Определение вида избранной меры пресечения не через основания для ее избрания, которые являются общими, а через конкретную цель, позволит, на наш

---

¹⁴³ Цоколова О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 7–8.

¹⁴⁴ Ивлев Г.П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения // Государство и право. 1995. № 11. С. 77; Капинус Н.И. Указ. соч. С. 26.

¹⁴⁵ Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 185.

взгляд, более последовательно и убедительно обосновать принятое органами предварительного следствия решение об избрании конкретного вида меры пресечения и доказать невозможность избрания другой, более мягкой.

В свою очередь, основаниями для избрания мер пресечения следовало бы признать наличие достаточных данных, указывающих на реальную возможность совершения подозреваемым (обвиняемым) действий, направленных на воспрепятствование производству предварительного расследования.

Фактически Верховный Суд РФ в своем постановлении также разделил данный подход, указав в п. 5, что основаниями для избрания заключения под стражу следует признавать фактические обстоятельства, свидетельствующие о реальной возможности лица совершить действия, указанные в ст. 97 УПК РФ, при невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения иной меры пресечения¹⁴⁶. Данным разъяснением Верховный Суд РФ четко определил основания для избрания как конкретные фактические, полученные в ходе расследования уголовного дела обстоятельства, свидетельствующие о намерениях лица совершить действия в целях воспрепятствования производству уголовному делу. Именно эти обстоятельства и должны лечь в основу выбора той или иной меры пресечения в целях недопущения совершения действий, указанных в ст. 97 УПК РФ.

Таким образом, любая из применяемых мер пресечений служит вполне определенной цели – недопущению совершения подозреваемым (обвиняемым) действий по воспрепятствованию производству по уголовному делу и должна быть действенным инструментом в реализации этой цели.

Указанный вывод подкрепляется и новой редакцией диспозиции ч. 1 ст. 106 УПК РФ, где цель применения залога определена как «обеспечение явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждение совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу». В предыдущей редакции указанной статьи цели применения

---

¹⁴⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

залога были ограничены необходимостью «обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого и предупреждения совершения им новых преступлений», что совершенно обоснованно вызывало критику со стороны ученых процессуалистов¹⁴⁷.

Верховный Суд РФ занял аналогичную позицию в данном вопросе, указав в п. 50 постановления, что нарушением условий применения меры пресечения в виде залога, помимо уклонения от явки по вызовам и совершения нового преступления, признается любой другой способ воспрепятствования производству по уголовному делу¹⁴⁸, и изменение редакции ч. 1 ст. 106 УПК РФ в части указания дополнительной цели в виде «предупреждения действий, препятствующих производству по уголовному делу», явилось совершенно обоснованной реакцией законодателя на устранение очевидного пробела в указанной норме.

Полагаем, что цели применения залога в виде обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу, к которым возможно отнести любые действия, направленные на совершение действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, являются целями применения любой меры пресечения, и их указание исключительно в ст. 106 УПК РФ применительно к залогу при отсутствии в диспозициях, посвященных иным мерам пресечения, является несколько непоследовательным.

Некорректность понятия «основания» для избрания мер пресечения порождает и ошибки судебной практики. Так, из проанализированных судебных решений об отказе в удовлетворении ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды в 60% в обоснование принятого решения указывали на отсутствие доказательств того, что подозреваемый (обвиняемый) скроется от предварительного следствия или суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизвод-

---

¹⁴⁷ См., напр.: *Барабаш А.С.* Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // *Российский юридический журнал.* 2016. № 4. С. 117–131; *Лившиц Ю., Зуев С.* Залог в качестве меры пресечения // *Законность.* 2003. № 5. С. 11–13.

¹⁴⁸ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

ства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Несмотря на указание данного вывода в описательной части постановления, что должно влечь отказ в удовлетворении заявленного ходатайства и невозможность применения любой из предусмотренных ст. 98 УПК РФ мер пресечения, ввиду отсутствия оснований, суды избирали в отношении подозреваемых (обвиняемых) альтернативные виды мер пресечения.

В связи с совершенно обоснованной критикой законодательного определения оснований избрания мер пресечения в юридической литературе приводятся различные предложения того, что следует понимать под ними.

Так, Ю.Г. Овчинников рассматривает основания как «совокупность сведений, указывающих: на причастность лица к совершению преступления, его возможное противоправное поведение (ст. 97 УПК РФ) и на обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ)»¹⁴⁹.

Стоит согласиться с мнением об обязательности установления причастности лица к совершению преступления для избрания в его отношении меры пресечения. Часть 1 ст. 97 УПК РФ прямо указывает, что мера пресечения может избираться только в отношении подозреваемого или обвиняемого. Верховный Суд РФ в п. 2 Постановления от 19.12.2013 № 41 дополнительно указал на необходимость проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, которая не может сводиться к формальной ссылке на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению, а подлежит установлению путем изучения приобщенных органами предварительного расследования материалов.

Обоснованное подозрение, исходя из диспозиции ст. 91 УПК РФ состоит в том, что лицо могло совершить преступление, то есть было застигнуто при его совершении или сразу после этого, когда на него указали очевидцы, либо на нем (при нем) или в его жилище обнаружены явные следы преступления. При этом, как справедливо указывают Н.А. Колоколов и ряд других авторов, обоснованное подозрение

---

¹⁴⁹ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 59.

не следует путать с виновностью, которая устанавливается судом уже при рассмотрении уголовного дела по существу¹⁵⁰.

Данная концепция обоснованности подозрения в практике Европейского суда по правам человека впервые была сформулирована в деле *Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom*, где было указано на обязанность государства предоставить конкретные материалы дела, позволяющие стороннему наблюдателю сделать вывод о том, что лицо могло совершить преступление¹⁵¹. Данный стандарт неоднократно применялся даже по делам *O'Hara v. the United Kingdom* и *Murray v. the United Kingdom*, связанным с терроризмом, где суд пришел к выводу, что сложности борьбы с терроризмом не могут сводить на нет гарантии ст. 5 § 1 о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность¹⁵².

При этом не следует абсолютизировать факт установления причастности лица к совершению преступления как безусловное основание для применения меры пресечения, поскольку в таком случае ее избрание являлось бы обязательным этапом при расследовании уголовного дела, лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого по которому, установлено.

Совершенно справедливо в этом аспекте утверждение Ю.Д. Лившица, что «предъявление лицу обвинения... само по себе еще не является основанием для принятия меры пресечения»¹⁵³. Аналогичной позиции придерживается и А.Д. Бирюков, отражая в своем исследовании, что факт привлечения лица в качестве обвиняемого не влечет необходимости избрания меры пресечения, а обязывает орган

---

¹⁵⁰ Колоколов Н.А. Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования: в 2 ч. Ч. 1. М., 2015. С. 125–126; Агальцова М.В. Обоснованность подозрения как условие заключения под стражу: толкование в российской и зарубежной практике // Уголовный процесс. 2016. № 4. С. 26–27.

¹⁵¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 30.08.1990 (жалобы № 12244/86, 12245/86, 12383/86) // URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 22.06.2021).

¹⁵² Постановление Европейского суда по правам человека от 16.10.2001 (жалоба № 37555/97) // URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 22.06.2021); постановление Европейского суда по правам человека от 28.10.1994 (жалоба № 14310/88) // URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 22.06.2021).

¹⁵³ Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 16.

предварительного расследования обсудить и разрешить вопрос о необходимости ее применения¹⁵⁴.

Установление возможного противоправного поведения подозреваемого (обвиняемого), виды которого перечислены в ст. 97 УПК РФ, является обязательным при принятии решения об избрании меры пресечения.

В теории уголовного процесса существуют две противоположные точки зрения относительно уровня достоверности таких обстоятельств.

Согласно первой из них вывод о возможности совершения подозреваемым (обвиняемым) действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должен быть вероятным и приблизительным, но достаточным для принятия решения об избрании меры пресечения¹⁵⁵.

Сторонники второй точки зрения доказывают необходимость установления достоверных данных о возможности воспрепятствования производству по уголовному делу, которые основываются на установленных в ходе расследования уголовного дела обстоятельствах, таких как: образ жизни подозреваемого (обвиняемого), социальные связи и др.¹⁵⁶

Нам представляется более правильной вторая точка зрения, поскольку принятие решения о перспективе поведения лица в любом случае основано на вероятностном подходе, однако при этом, по справедливому замечанию М.А. Чельцова, «если в основу такого решения будут положены достоверные фактические данные ненадлежащего поведения обвиняемого, а не субъективное мнение о его вероятностном поведении, то и само решение будет достоверным»¹⁵⁷.

При этом неизменным условием для избрания меры пресечения является установление именно ненадлежащего, противоправного поведения подозреваемого (обвиняемого). Поскольку воспрепятствование производству по уголовному делу в

---

¹⁵⁴ Буряков А.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 9.

¹⁵⁵ См., напр.: Лившиц Ю.Д. Указ. соч. С. 24–25; Щерба С.П., Цоколова О.И. Заключение и содержание под стражей на предварительном следствии. М., 1996. С. 8–9.

¹⁵⁶ См., напр.: Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 57–58; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 281.

¹⁵⁷ Чельцов М.А. Указ. соч. С. 222.

ином смысле означало бы отнесение к таким действиям и отрицание своей причастности и отказ от дачи показаний по существу уголовного дела, что, в свою очередь, входило бы в противоречие с правом лица на защиту.

В этой связи Артемовский городской суд Приморского края *при рассмотрении ходатайства об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу совершенно обоснованно не принял во внимание доводы следствия о том, что обвиняемый не сообщил никому из родственников о факте совершения преступления, «занял позицию противодействия следствию», избрав в данном случае меру пресечения в виде домашнего ареста*¹⁵⁸.

Аналогичное решение принято Уссурийским городским судом Приморского края в связи с несогласием с доводами следователя о возможном воспрепятствовании обвиняемым производству предварительного следствия по уголовному делу по причине того, что последний «вину в совершении инкриминируемого преступления не признал, в содеянном не раскаялся»¹⁵⁹; Кировским районным судом Приморского края, не согласившегося с доводами следствия о том, что подозреваемый «после совершения преступления не явился в правоохранительные органы, не заявил о совершенном им преступлении»¹⁶⁰.

Сомнительной представляется точка зрения Ю.Г. Овчинникова об отнесении к основаниям для избрания меры пресечения сведений, указывающих на обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ)¹⁶¹, поскольку наличие или отсутствие указанных обстоятельств никак не влияет на принятие решения об избрании или отказе в избрании меры пресечения, а лишь учитывается при определении ее вида.

Но в то же время в некоторых случаях эти обстоятельства могут служить теми фактическими данными, на основе которых следователь (дознатель) сделает вывод о намерении лица совершить действия, направленные на воспрепятствование произ-

---

¹⁵⁸ Архив Артемовского городского суда Приморского края за 2015 г. (уголовное дело № 967003).

¹⁵⁹ Архив Уссурийского городского суда Приморского края за 2015 г. (уголовное дело № 541229).

¹⁶⁰ Архив Кировского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 637507).

¹⁶¹ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 59.

водству по уголовному делу. То есть вторая категория, выделяемая Ю.Г. Овчинниковым, с неизбежностью раскрывается через указанные обстоятельства, которые служат своего рода «сигналами» – то есть теми фактическими данными, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения подозреваемым (обвиняемым) действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. В связи с этим полагаем, что данная категория не может рассматриваться в качестве отдельной наряду с иными, выделенными указанным автором.

Несмотря на выход Российской Федерации из Совета Европы и завершении процесса участия нашей страны в качестве стороны Европейской конвенции по правам человека, полагаем возможным учитывать накопленный до этого времени опыт.

Так, по рассматриваемому вопросу Европейский суд по правам человека занимает схожую позицию, указывая, что приходя к выводу о возможности лица скрыться, следует учитывать данные о его личности, имущественное положение, уровень связи с государством – местом проживания, международные контакты, состояние здоровья, семейные связи и место жительства¹⁶².

В других решениях, рассматривая вопрос о допустимости заключения лица под стражу, Европейский суд по правам человека указал, что совершенные лицом ранее ненасильственные преступления, несравнимые по своей тяжести и характеру с инкриминируемым обвиняемому по новому делу, не могут служить в качестве оснований для избрания данной меры пресечения, и, напротив, наличие судимостей за аналогичные преступления, признавались допустимым основанием при избрании меры пресечения¹⁶³.

Существуют и иные классификации оснований применения мер пресечения. Так, В.А. Михайлов выделяет трехуровневую систему, состоящую из общих, осо-

---

¹⁶² См., напр.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Миминошвили против России» от 28.06.2011 (жалоба № 20197/03) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.06.2021); Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Мельникова против России» от 21.06.2007 (жалоба № 24552/02) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.06.2021).

¹⁶³ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Колев (Kolev) против Болгарии» от 28.04.2005 (жалоба № 50326/99) // URL: <http://www.echr.ru/documents> (дата обращения: 22.06.2021).

бенных и единичных оснований¹⁶⁴, Е.А. Доля рассматривает материально-правовые и процессуально-правовые основания¹⁶⁵.

Не оспаривая точку зрения указанных авторов, предложим свое видение оснований избрания мер пресечения. Исходя из сформированной выше позиции, что основаниями для избрания мер пресечения следует признать конкретные фактические сведения, которые указывают на реальные намерения лица совершить действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, предлагаем подразделить указанные сведения:

1) на связанные с событием преступления (при подготовке, во время совершения преступления и непосредственно после его совершения), к которым следует отнести следующее: причастность лица к совершенному преступлению; тяжесть преступления; сфера уголовно-правовой охраны, на которую совершено преступное посягательство; количественный состав участников преступления; принятие мер к уничтожению следов сразу после совершения преступления и др.;

2) характеризующие постпреступное поведение лица, в числе которых возможны выбытие с постоянного места жительства, неявка или несвоевременная явка по повесткам для проведения следственных действий, высказывание угроз или намерений передать денежное вознаграждение для дачи конкретных показаний по уголовному делу и др.;

3) опосредованные (непосредственно не связанные с событием преступления и постпреступной деятельностью и характеризующие социальный статус лица и его физическое состояние), к которым следует отнести возраст, состояние здоровья, состав семьи, род занятий и другие сведения (в том числе внешние факторы).

Рассматривая указанные сведения, которые в каждом отдельном случае составляют судебную ситуацию, судья сможет определить, намерено ли лицо осуществить действия по воспрепятствованию производству по уголовному делу и какой из видов мер пресечения обеспечит его должное поведение.

Рассмотрим указанные сведения.

---

¹⁶⁴ Михайлов В.А. Указ. соч. С. 32.

¹⁶⁵ Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. В.П. Божьева. Изд. 3-е. М., 2006. С. 224.

Первая группа сведений, на наш взгляд, является чрезвычайно информативной для прогнозирования дальнейшего поведения лица в ходе предварительного следствия. Без анализа способа совершения преступления, обстановки, при которой оно было совершено, и постпреступного поведения лица представляется затруднительным сделать вывод о намерениях лица препятствовать производству по уголовному делу или оказывать содействие предварительному следствию.

Выше рассмотрен вопрос о необходимости установления причастности лица к совершенному преступлению при принятии решения об избрании меры пресечения.

Немаловажным является и вопрос о тяжести совершенного деяния. Об этом в п. 3 своего определения указывает и Конституционный Суд Российской Федерации, отражая, что «обвинение в совершении преступлений небольшой или средней тяжести (за которые уголовный закон предусматривает более мягкие наказания, чем за тяжкие и особо тяжкие преступления) создает «достаточно сильную презумпцию» добросовестного поведения подсудимого...»¹⁶⁶.

По всей видимости, именно об этом говорит Ю.Б. Плоткина, указывая «тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья ... составляют те фактические данные, на основании которых следователь, дознаватель, суд может сделать вывод о надлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого, то есть о наличии основания для применения меры пресечения»¹⁶⁷.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 19.12.2013 № 41 в п. 5 раскрывает, что тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок на первоначальных этапах производства по уголовному делу свидетельствуют о реальной возможности лица скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, однако далее о тяжести говорится уже как об основании для избрания меры пресечения. Так, в п. 21 того же постановления закреплено, что на первоначальном этапе расследования тяжесть

---

¹⁶⁶ По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁶⁷ Плоткина Ю.Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу, что лишний раз подтверждает некоторую путанность и непоследовательность законодательного закрепления оснований для избрания меры пресечения и обстоятельств, учитываемых при их избрании.

По всей видимости, такая непоследовательность влияет и на подход практических работников при избрании мер пресечения.

Результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета РФ показали, что на вопрос «Рассматриваете ли Вы тяжесть расследуемого преступления как одно из оснований для избрания меры пресечения?» 79,17% респондентов ответили утвердительно, остальные 20,83%, ответив отрицательно, указали, что учитывают тяжесть преступления при избрании меры пресечения.

Схожую позицию занимают и судьи. Так, 61,54% опрошенных также заявили, что тяжесть расследуемого преступления является основанием для избрания меры пресечения, 38,46% учитывают ее при избрании меры пресечения (приложение 12).

Как видно, 100% опрошенных так или иначе не оставляют без внимания тяжесть расследуемого преступления при решении вопроса об избрании меры пресечения, что совершенно оправданно, однако не совсем удачное определение законодателя оснований для избрания мер пресечения в ст. 97 УПК РФ, о чем указывалось ранее, и непоследовательные разъяснения Верховного Суда РФ по указанному вопросу формируют весьма разнообразную практику.

Проанализировав статистические данные, можно сделать вывод, что суды охотней удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования об избрании мер пресечения по уголовным делам о наиболее тяжких преступлениях.

Так, применительно к самой строгой мере пресечения в виде заключения под стражу статистические показатели выглядят следующим образом. В 2019 г. судами рассмотрено 29 125 ходатайств о заключении под стражу по делам об особо тяжких преступлениях, из которых удовлетворено 27 550, что составляет 94,59%; по делам о тяжких преступлениях рассмотрено 46 825 ходатайств и удовлетворено 41 835, что составляет 89,34%; по делам о преступлениях средней тяжести эти показатели со-

ставили 24 390 и 21 362 соответственно, что составляет 87,59%; по делам о преступлениях небольшой тяжести – 4 524 и 3 886 соответственно, что составляет 85,90%.

В 2020 г. процент удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам об особо тяжких преступлениях составил 93,91%; о тяжких преступлениях – 87,38; по делам о преступлениях средней тяжести – 85,87; по делам о преступлениях небольшой тяжести – 84,84%. В 2021 г. эти показатели составили 94,42; 87,94; 86,80 и 85,58% соответственно¹⁶⁸.

Основной объем ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу заявлялся по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – 75 952 из 104 866 в 2019 г., что составило 72,43% от общего количества заявленных ходатайств об избрании заключения под стражу по всем категориям преступлений, в 2020 г. их доля составила 74,69%, в 2021 г. – 75,25%.

Количество отказов судов в удовлетворении ходатайств об избрании данной меры пресечения по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в 2019 г. составило 6 568 случая, в 2 746 из которых суд по собственной инициативе избрал альтернативные меры пресечения, что составило 41,81%. По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести количество таких отказов составило 3 665 при 844 случаях инициативного избрания судом домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, что составило 23,03%. В 2020 г. по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, количество отказов в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу составило 7 049, суд в 3 403 случаях по собственной инициативе избрал альтернативные меры пресечения, что составило 48,28%. По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести количество таких отказов составило 3 454 при 1 003 случаях инициативного избрания судом домашнего ареста или залога, что составило 29,04%. В 2021 г. по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях количество отказов в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу составило 6 875, суд в 3 668 случаях по собственной инициативе избрал альтернативные меры пресечения, что составило 53,35%. По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести количе-

---

¹⁶⁸ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

ство таких отказов составило 3 254 при 1 077 случаях инициативного избрания судом домашнего ареста или залога, что составило 33,10%¹⁶⁹.

Приведенные данные свидетельствуют, что суды более охотно применяют альтернативные меры пресечения по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом нельзя не заметить, что в значительной части принимаемых решений об отказе в применении заключения под стражу, суды не применяли альтернативные меры пресечения, что указывает на отсутствие в этих случаях оснований для применения какой-либо меры пресечения вовсе.

Следует, на наш взгляд, остановиться и на положениях законодательства, прямо запрещающих применение конкретных мер пресечения по отдельным категориям уголовных дел.

В этом аспекте А.О. Зайцев справедливо указывает, что национальная система применения правовых стандартов в сфере применения мер пресечения в отношении предпринимателей не ниже, а иногда и выше, чем в европейских странах¹⁷⁰.

Первым нормативным правовым актом, запретившим невозможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, при отсутствии исключительных обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, является Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁷¹, который ввел в действие ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Как указывает Л.В. Головкин, такое решение «выглядело как незамедлительная реакция законодателя на знаменитое и наделавшее немало шума в СМИ дело С. Магнитского, обвиненного в соучастии в налоговом преступлении и скончавше-

---

¹⁶⁹ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

¹⁷⁰ Зайцев А.О. Реализация международно-правовых стандартов при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2016. № 3. С. 25.

¹⁷¹ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ // Рос. газета. 2009. 31 дек.

гося в СИЗО в ноябре 2009 г.»¹⁷². Несмотря на это, после 2009 г. в следственных изоляторах России еще не единожды фиксировались факты смерти обвиняемых. Так, 12.05.2017 в Городской инфекционной больнице № 30 им. С.П. Боткина г. Санкт-Петербурга скончался содержащийся в СИЗО-4 г. Москвы страдающий гепатитом С и туберкулезом экс-глава банка «Огни Москвы» Денис Морозов.

Через непродолжительное время после 2009 г. перечень категорий преступлений, по подозрению (обвинению) в совершении которых запрещалось заключать под стражу, был расширен со ст. 198–199.2 УК РФ до ст. 159 (ч. 5–7), 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ, кроме того, был введен запрет на избрание указанной меры пресечения за совершение преступлений, предусмотренных ст. 159 (ч. 1–4), 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности. Категория «в сфере предпринимательской деятельности» впоследствии была уточнена как «совершенные индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности»¹⁷³.

---

¹⁷² Головки Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business // Закон. 2015. № 8. С. 36.

¹⁷³ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ // Рос. газета. 2009. 31 дек.; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ // Рос. газета. 2010. 9 апр.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Рос. газета. 2012. 3 дек.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ // Рос. газета. 2016. 8 июля; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: федер. закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ // Рос. газета. 2017. 4 авг.; О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ // Рос. газета. 2019. 7 авг.

Пленум Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 разъяснил, что при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, следует проверять, приведены ли в постановлении о возбуждении ходатайства и содержатся ли в приложенных к постановлению материалах конкретные сведения, подтверждающие вывод о том, что инкриминируемое ему преступление совершено не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо не в связи с осуществлением полномочий по управлению организацией или не в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, при отсутствии чего такое ходатайство удовлетворению не подлежит¹⁷⁴.

Несколько ранее обзором практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей за 2015–2016 гг. в п. 1.5 обращено внимание, что «в ряде случаев органы предварительного расследования при заявлении ходатайства в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении указанных преступлений о заключении их под стражу не обосновывали вывод о том, что эти преступления не относятся к сфере предпринимательской деятельности, а судами указанный вопрос не изучался даже при наличии доводов, приведенных стороной защиты. По отдельным делам это влекло не только необоснованное заключение под стражу лица, в отношении которого не может быть применена такая мера пресечения, но и продление срока содержания его под стражей»¹⁷⁵.

---

¹⁷⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁷⁵ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // URL: <http://www.vsrf.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

Эти вопросы являются предметом ежегодного обсуждения на встречах главой государства с представителями общественных организаций, силового блока и предпринимательства.

Так, в докладе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации Б.Ю. Титова от 27.05.2019 отмечены негативные последствия на развитие бизнеса в случаях применения к руководителям организаций наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку зачастую это влекло невозможность осуществления деятельности и последующую ликвидацию предприятия¹⁷⁶ и было решено принять дополнительные меры для выработки действенных инструментов эффективного расследования уголовного дела, с одной стороны, и недопущения прекращения деятельности предприятия – с другой, а также продолжить работу, направленную на развитие практики применения по таким уголовным делам меры пресечения в виде залога, с установлением соразмерного соотношения между суммой залога и размером причиненного по уголовному делу материального ущерба¹⁷⁷.

В этом аспекте зарубежные авторы предлагают даже свои формулы в определении размера залога в зависимости от возраста, расовой и половой принадлежности, попытке сокрытия при задержании и других¹⁷⁸.

На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 09.12.2021 также указывалось, что зачастую механизм заключения под стражу используется следователем с целью оказания давления для получения необходимых показаний¹⁷⁹.

Полагаем, что такие ограничительные барьеры о запрете избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по отдельным составам преступлений, свя-

---

¹⁷⁶ Бертовский Л.В., Квык А.В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 251.

¹⁷⁷ Встреча с Уполномоченным по защите прав предпринимателей Борисом Титовым // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60583> (дата обращения: 20.09.2019).

¹⁷⁸ Arpit Gupta, Christopher Hansman, Ethan French. The Heavy Costs of High Bail: Evidence from Judge Randomization // The Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 45. No 2 // URL: <http://www.columbia.edu/~cjh2182/GuptaHansmanFrenchman.pdf>. P. 10–14. (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁷⁹ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 09.12.2021 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67331> (дата обращения: 11.01.2022).

занным с предпринимательской и иной экономической деятельностью, является совершенно верным курсом законодателя в вопросе дифференциации применяемых в России видов мер пресечения, позволяющим не допустить коррупционных, рейдерских проявлений со стороны правоохранительных органов, обеспечить дальнейшее функционирование экономической отрасли – с одной стороны, а с другой – обеспечить надлежащее поведение подозреваемого (обвиняемого) в ходе предварительного следствия.

При этом наличие возможности изменения избранной меры пресечения на более строгую, в том числе на заключение под стражу, при условии нарушения лицом ранее избранной меры пресечения, является сильным превентивным фактором обеспечения должного поведения лица.

Стоит в данном аспекте упомянуть и о наличии психологической составляющей, выражающейся в склонности суда соглашаться с ходатайством органов предварительного расследования об избрании наиболее строгой меры пресечения по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также по делам о коррупционных преступлениях. В основе такой склонности, по мнению Ю.А. Цветкова, лежит некоторая боязнь самих судей быть уличенными в коррупции, в борьбе против которой высокая степень контроля за их решениями в настоящее время как раз ослабляет их независимость¹⁸⁰.

Хотя даже такой последовательный критик судебной системы, как экс-президент Адвокатской палаты г. Москвы Г.М. Резник, впоследствии указывал, что слухи о коррумпированности судов, особенно уголовных, сильно преувеличены¹⁸¹.

Вторая группа сведений, характеризующих поведение лица после совершения преступления с целью воспрепятствования производству уголовному делу, достаточно подробно освещена в юридической литературе и не является предметом настоящего диссертационного исследования.

---

¹⁸⁰ Цветков Ю.А. Независимость судей в механизме управления судебной системой // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 74.

¹⁸¹ Заслуженный юрист РФ Резник Генри Маркович // URL: <http://www.dol-dshi.ru/social-studies/zasluzhennyi-yurist-rf-reznik-genri-markovich-biografiya-i-foto-biografiya-genri> (дата обращения: 22.06.2021).

К такому поведению относятся действия, направленные на достижение противоправных целей, перечисленных в п. 1–3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, установление наличия которых является обязательным и необходимым при избрании любой меры пресечения.

Третья группа, названная как «опосредованная», связана с иными характеристиками личности лица и внешними факторами, она прямо не соотносится ни с фактом совершения преступления, ни с поведением лица после этого, но при этом является не менее важной при принятии решения.

Уголовно-процессуальное законодательство относит указанные сведения к обстоятельствам, учитываемым при избрании меры пресечения, предусматривая их в ст. 99 УПК РФ.

Некоторые авторы критически относятся к используемому в ст. 99 УПК РФ понятию «обстоятельства», указывая в том числе на формулирование посредством него ст. 73 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие доказыванию), и предлагают использовать понятия «условие»¹⁸². Соглашаясь с некоторой некорректностью используемого в ст. 99 УПК РФ понятия, предлагаем заменить его понятием «сведения», которое и используется законодателем в диспозиции указанной статьи.

Словарь С.И. Ожегова определяет понятие «условие» как «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит»¹⁸³, в связи с чем оно больше пригодно для характеристики прямой зависимости результата от каких-либо обстоятельств. В рассматриваемом случае, когда речь идет в большей степени об оценке и учете конкретных данных, более правильным, на наш взгляд, является использование понятия «сведения», которое трактуется как «познания в какой-либо области»¹⁸⁴.

В настоящее время данные сведения, поступая в распоряжение следователя, подлежат обязательной проверке и оценке, однако влияют на решение вопроса об избрании меры пресечения весьма опосредованно (за исключением сведений о состоянии здоровья). Так, если мера пресечения, не связанная с лишением свободы, не

---

¹⁸² См., напр.: *Барабаш А.С.* Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 188.

¹⁸³ Толковый словарь С.И. Ожегова // URL: <http://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33352> (дата обращения: 17.05.2020).

¹⁸⁴ Там же.

способна обеспечить надлежащее поведение лица и предотвратить действия, перечисленные в ст. 97 УПК РФ, никакие данные о личности подозреваемого (обвиняемого), его возрасте и семейном положении не должны и не смогут повлиять на решение об избрании такого вида меры пресечения.

Анализ перечисленных в ст. 99 УПК РФ сведений наряду с остальными сведениями позволяет лицу, осуществляющему производство по уголовному делу, прийти к выводу о наличии намерений у лица совершать действия по воспрепятствованию производству по уголовному делу либо о значительной вероятности совершения подобных действий. Так, не трудоустроенное, не имеющее постоянного места жительства лицо при отсутствии устойчивых социальных связей, совершая тяжкое преступление, за которое может быть назначено наказание в виде длительного лишения свободы, в большей степени склонно скрыться от органов предварительного следствия и суда, нежели лицо, характеризующееся противоположным образом.

Именно поэтому указанные сведения, наряду с иными, предлагается рассматривать в качестве оснований для избрания меры пресечения.

В этом аспекте следует согласиться с О.В. Качаловой, что в качестве критериев разграничения оснований избрания конкретного вида мер пресечения, следует рассматривать степень риска наступления неблагоприятных последствий в виде побега, продолжения занятия преступной деятельностью, совершения действий по воспрепятствованию расследованию и др.¹⁸⁵ Она же, рассматривая воспрепятствование производству по уголовному делу как основание для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, указывает, что вывод о наличии такого основания может быть сделан из наличия реальной возможности воздействовать на участников уголовного судопроизводства, признания вины, характера инкриминируемого преступления (в составе организованной группы, сопряженного с применением насилия и т. д.)¹⁸⁶.

Весьма важными в числе указанных являются сведения о состоянии здоровья лица, которые могут носить как оценочный характер, оставляя возможность приня-

---

¹⁸⁵ Качалова О.В. Как разграничить основания для применения заключения под стражу и домашнего ареста // Уголовный процесс. 2017. № 5. С. 9.

¹⁸⁶ Качалова О.В. Когда нельзя сослаться на риск воспрепятствования расследованию для заключения под стражу // Уголовный процесс. 2017. № 9. С. 8.

тия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на усмотрение следователя, дознавателя, суда, так и конкретно-обязательный, обязывающий указанных должностных лиц рассмотреть вопрос об избрании иной меры пресечения.

Постановлением Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»¹⁸⁷ утвержден Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. В их число входят заболевания следующих групп: некоторые инфекционные и паразитарные болезни, новообразования, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, болезни нервной системы, глаза и его придаточного аппарата, системы кровообращения, органов дыхания, органов пищеварения, болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, мочеполовой системы, травмы, отравления и некоторые другие последствия от воздействия внешних причин.

Указанное выше постановление устанавливает порядок медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых уже избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а также закрепляет соответствующую форму медицинского заключения, составленного врачебной комиссией, о наличии или об отсутствии тяжелого заболевания, включенного в перечень.

По нашему мнению, наличие у подозреваемого (обвиняемого) такого заболевания на этапе избрания меры пресечения в виде заключения под стражу также должно исключать возможность принятия такого решения, и отсутствие соответствующего заключения по форме, закрепленной указанными правилами, не может являться единственным основанием для отказа в принятии доводов стороны защиты о наличии соответствующего заболевания.

К такому выводу приводит анализ решения Верховного Суда РФ от 25.05.2016 № АКПИ16-307 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично не-

---

¹⁸⁷ О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2021).

действующим постановления Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», в котором Верховный Суд РФ указал, что действующее правовое регулирование в указанной сфере «направлено на охрану жизни и здоровья этих участников уголовного судопроизводства и обеспечивает защиту их прав и законных интересов»¹⁸⁸. В связи с этим, по смыслу закона, жизнь и здоровье участников уголовного судопроизводства не может зависеть от формы документа, удостоверяющего наличие у лица заболевания, препятствующего содержанию под стражей, при достоверно установленном факте наличия такого заболевания.

Безусловно, сведения о наличии указанного выше заболевания должны быть проверены судом с целью исключения возможности использования сомнительных документов в подтверждение указанных доводов, в связи с этим полагаем необходимым дополнить постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» положениями, регулирующими порядок оценки состояния здоровья подозреваемого (обвиняемого) при наличии соответствующих оснований на этапе рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения виде заключения под стражу.

Одним из вариантов решения такого вопроса могло бы явиться право судьи, предусмотренное п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ о продлении срока задержания для проведения обследования лица врачебной комиссией с принятием решения консилиумом врачей в порядке ст. 48 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁸⁹. Такое полномочие целиком и полностью соотносится с инициативной ролью суда, на необходимость наличия которой указывалось ранее.

Кроме того, следует предусмотреть отдельный перечень документов, подтверждающий соответствующее заболевание лица, при предъявлении которого суд мог бы принять их во внимание без назначения вышеуказанного обследования.

---

¹⁸⁸ Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим Постановления Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»: решение Верховного Суда РФ от 25.05.2016 № АКПИ16-307 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁸⁹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.05.2022).

Одним из таких документов следует признать соответствующую справку, подтверждающую факт установления инвалидности, форма и вид которой определены постановлением Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом»¹⁹⁰, а также Приказом Минздравсоцразвития России от 24.11.2010 № 1031н «О формах справки, подтверждающей факт установления инвалидности, и выписки из акта освидетельствования гражданина, признанного инвалидом, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и порядке их составления»¹⁹¹.

Устранение указанного пробела позволило бы, на наш взгляд, исключить судебные ошибки в виде заключения под стражу лиц, страдающих указанными выше заболеваниями, исключаящими избрание данной меры пресечения.

На это, в частности, обратил внимание Верховный Суд РФ, указав в Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей о выявлении случаев принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, страдающего заболеванием, входящим в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей.

Так, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Коми от 13.11.2015 отменено постановление Сосногорского городского суда от 14.10.2015 о заключении под стражу подозреваемого К. с избранием в отношении него меры пресечения в виде домашнего ареста, поскольку установлено, что *К. имеет ряд хронических заболеваний, является инвалидом III группы, состоит на диспансерном медицинском учете, в том числе в связи с заболеванием, которое, согласно Перечню тяжелых заболеваний, относится к препятствующим содержанию под стражей*¹⁹²;

---

¹⁹⁰ О порядке и условиях признания лица инвалидом: постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁹¹ О формах справки, подтверждающей факт установления инвалидности, и выписки из акта освидетельствования гражданина, признанного инвалидом, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и порядке их составления: приказ Минздравсоцразвития России от 24.11.2010 № 1031н // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁹² Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // URL: <http://www.vsrf.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

апелляционным постановлением Кемеровского областного суда от 09.04.2015 приняты доводы стороны защиты *о наличии у подсудимого соответствующего заболевания, требующего проведения интенсивной терапии, в связи с чем отменено постановление нижестоящего суда о продлении срока содержания под стражей, а мера пресечения изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении*¹⁹³.

Возрастная категория лица при избрании меры пресечения имеет не менее существенное значение. Частью 2 ст. 108 УПК РФ прямо установлено, что к несовершеннолетнему лицу заключение под стражу может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и только в исключительных случаях – в совершении преступления средней тяжести.

Статистические данные свидетельствуют, что на территории РФ в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) мера пресечения в виде заключения под стражу в 2012 г. избиралась в 1 921 случаях; в 2013 – в 1 849; в 2014 – 1 712; в 2015 – в 1 559; в 2016 – в 1 258; в 2017 – в 945; в 2018 – в 841; в 2019 – в 833; в 2020 – в 751 и в 2021 г. в 661 случае. Домашний арест как мера пресечения применялся в 2012 г. – в 134 случаях; в 2013 – в 107; в 2014 – в 106; в 2015 – в 223; в 2016 – в 224; в 2017 – в 255; в 2018 – в 176; в 2019 – в 237; в 2020 – в 198 и в 2021 г. – в 208 случаях. Запрет определенных действий применялся в отношении несовершеннолетних лиц в 2018 г. – 6 раз; в 2019 – 34; в 2020 – 39; в 2021 – 44 раза¹⁹⁴.

Исходя из приведенных данных мера пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий от общего количества применяемых судом мер пресечения в отношении несовершеннолетних применялась в 2017 г. в 21,25% случаев; в 2018 – в 17,79; в 2019 – в 24,55; в 2020 – в 23,99; в 2021 г. – в 27,60% (в 2012 г. указанный показатель составлял 6,52%).

Несмотря на сравнительно невысокий процент, отраженные сведения свидетельствуют о значительном снижении абсолютных показателей фактов избрания в

---

¹⁹³ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 09.04.2015 № 22-1806/2015 // URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/hJRh5gvc2dYJ> (дата обращения: 22.06.2021).

¹⁹⁴ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

отношении рассматриваемой категории лиц меры пресечения в виде заключения под стражу и использовании альтернативных видов мер пресечения.

Современными исследователями в целом положительно оценивается возможность применения домашнего ареста вместо заключения под стражу. Так, Ю.Г. Овчинников предлагает применять в отношении несовершеннолетних домашний арест вместо заключения под стражу по всем категориям уголовных дел за исключением особо тяжких¹⁹⁵. И.Л. Трунов и Л.К. Трунова полагают, что применение домашнего ареста позволит эффективно осуществлять «процесс воспитания несовершеннолетнего уже со стадии предварительного следствия»¹⁹⁶.

Полагаем возможным согласиться с указанными авторами о необходимости более активного применения к несовершеннолетним альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Однако в связи с изменившимися условиями применения домашнего ареста как меры пресечения, связанной с полной изоляцией лица от общества, большую практическую востребованность, на наш взгляд, будет иметь мера пресечения в виде запрета определенных действий.

Данная мера пресечения могла бы стать своего рода «базой» для осуществления развивающейся в настоящее время процедуры медиации в уголовном судопроизводстве, являющейся частью восстановительного правосудия, заключающегося в достижении между обвиняемым и потерпевшим компромисса, при котором обвиняемый компенсирует причиненный преступлением вред и стороны соглашаются об исчерпании конфликта между их интересами.

В этом аспекте В.В. Николюк и Е.В. Марковичева отмечают, что «до настоящего времени сохраняется потребность в обеспечении процессуальной экономии, оптимизации сроков производства по уголовным делам и ориентации на новые процедуры разрешения уголовно-правового конфликта»¹⁹⁷. В настоящее время конкретного механизма реализации процедуры медиации не разработано, как не существует и нормативного правового акта, позволяющего оценить результат такой работы для

---

¹⁹⁵ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 66–67.

¹⁹⁶ Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 60.

¹⁹⁷ Николюк В.В., Марковичева Е.В. Трансформация производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в современном российском уголовном процессе: к двадцатилетию принятия УПК РФ // Правосудие. 2021. Т. 3, № 3. С. 153.

принятия решения по существу уголовного дела о его прекращении в связи с достижением между обвиняемым и потерпевшим примирения (за исключением ст. 25 УПК РФ, что относимо только к преступлениям небольшой и средней тяжести), однако уже существует практика создания центров медиаций и медиационных объединений¹⁹⁸, ставящих перед собой цель в виде психологической работы с несовершеннолетними преступниками на стадии предварительного следствия.

В данном аспекте полагаем уместным использовать опыт Республики Казахстан, в ч. 3 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса которого в случае избрания меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, предусмотрена возможность возложения на подозреваемого (обвиняемого) одной или нескольких дополнительных обязанностей, в том числе – пройти курс лечения от наркотической или алкогольной зависимости¹⁹⁹.

Применительно к российской системе мер пресечения было уместным рассмотреть возможность возложения обязанности на несовершеннолетнего обвиняемого в ходе производства предварительного расследования пройти курс психологической реабилитации, в рамках которого достигать целей процедуры медиации в виде осознания своего антисоциального поведения и совершения действий, направленных на компенсацию причиненного преступлением вреда для примирения с потерпевшей стороной, что в совокупности с иными ограничительными мерами в рамках избранной меры пресечения позволило бы, на наш взгляд, сделать первые шаги в вопросе ресоциализации несовершеннолетних лиц, совершивших преступления.

Возложение подобных обязанностей было бы возможным предусмотреть в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий наряду с установлением соответствующих запретов, что потребует соответствующей законодательной инициативы по указанному вопросу.

Мера пресечения в виде залога, на наш взгляд, не будет являться эффективным инструментом достижения должного поведения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), поскольку основной превентивной составляющей залога яв-

---

¹⁹⁸ Ковязин А.В. Проблемы правоприменительной практики процедуры медиации в российском уголовном судопроизводстве // Сб. науч.-практ. тр. 2017. № 1. С. 81–86.

¹⁹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // <http://kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

ляется возможность обращения предмета залога в доход государства. Залогодателем по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в подавляющем большинстве являются либо родители, либо лица, на чьем попечении несовершеннолетние находятся, в связи с чем последние в должной степени не осознают тех негативных последствий, которые могут последовать за нарушение ими условий ранее избранной меры пресечения.

В то же время применение залога с возложением на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, может положительно сказаться на должном поведении несовершеннолетнего лица, поскольку, с одной стороны, ввиду опасений потерять сумму залога, контроль за надлежащим поведением будут осуществлять родители (опекуны), а с другой – соблюдение наложенных запретов будут контролировать должностные лица уполномоченного на то органа.

Неподдельный интерес вызывает вопрос применения мер пресечения к лицам, обладающим определенным социальным статусом. При этом данные лица не всегда занимают должности при производстве предварительного следствия, в отношении которых гл. 52 УПК РФ предусмотрены дополнительные гарантии.

Достаточно лояльные условия пребывания таких лиц под домашним арестом зачастую вызывают возмущение общественности, особенно в аспекте последующего зачета срока содержания под домашним арестом в срок назначенного по приговору суда наказания.

Так, постановлением судьи Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 16.07.2010 обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 2 и 3 ст. 210 УК РФ, изменена мера пресечения с заключения под стражу на домашний арест с возложением следующих ограничений: *«покидать место домашнего ареста исключительно в целях приобретения продуктов питания, предметов личной гигиены и иных предметов первой необходимости, посещения учреждений здравоохранения для получения медицинской помощи, с разрешения лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, учреждений связи для получения почтовой корреспонденции, а также по вызовам должностных лиц, осуществляю-*

щих производство по уголовному делу; не покидать место домашнего ареста с 22.00 часов до 06.00 часов ...»²⁰⁰.

Определением Верховного Суда РФ от 15.05.2014 по делу № 1-129/11 мера пресечения в отношении обвиняемого изменена на домашний арест с *«постоянным нахождением по месту его регистрации» и запретом «покидать и менять без письменного разрешения суда место проживания, кроме прогулки с 10 до 12 часов и с 16 до 18 часов...»²⁰¹.*

Можно привести и иные условия пребывания под домашним арестом, которые являются несопоставимыми по сравнению с условиями содержания под стражей.

Так, по широко освещаемому в средствах массовой информации уголовному делу «Оборонсервиса» по обвинению Е.Н. Васильевой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ, судом в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста установлена возможность прогулки Е.Н. Васильевой вне места исполнения домашнего ареста не более трех часов в сутки²⁰².

Несмотря на изменение с 29.04.2018 в ст. 107 УПК РФ условий применения домашнего ареста с «полной либо частичной изоляцией лица от общества» на «изоляцию», подразумевающую постоянное нахождение лица в месте исполнения меры пресечения, полагаем, что в практическом плане таковая является невозможной по причине необходимости хотя бы краткосрочного выхода лица из жилого помещения для удовлетворения потребностей, связанных с правом человека на жизнь и здоровье.

В связи с этим положительным шагом следует признать изменение законодателем правил зачета сроков содержания лиц под домашним арестом в общий срок наказания.

Если ранее совокупность положений ч. 3 ст. 72 УК РФ и ч. 10 ст. 109 УПК РФ предусматривала правило о полном зачете времени содержания под домашним арестом в срок содержания под стражей и срок наказания, что фактически приравнива-

---

²⁰⁰ Постановление Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 04.04.2012 № 21-П12 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁰¹ Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2014 № 1-129/11 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁰² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.06.2013 № 3/12-50/13 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

ло условия содержания под стражей с условиями содержания под домашним арестом и, по нашему мнению, являлось необоснованным ввиду несоответствия принципу справедливости наказания, предусмотренному ч. 2 ст. 6 УПК РФ, то ст. 72 УК РФ в новой редакции²⁰³ установлено правило зачета двух дней нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

Подобная позиция представляется совершенно оправданной, соответствует принципу справедливости наказания, согласовывается с позицией Конституционного Суда РФ о необходимости принятия во внимание периода предварительного заключения подозреваемого (обвиняемого) при постановлении приговора с целью сокращения срока его наказания²⁰⁴, а также соответствует опыту законодателей Республик Беларусь и Казахстана, которые засчитывают день содержания под домашним арестом в срок наказания в определенной пропорции.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УК Республики Беларусь срок содержания под стражей и срок домашнего ареста засчитываются судом в срок наказания. При этом п. 1 той же статьи установлено, что два дня домашнего ареста соответствуют одному дню ареста или лишения свободы, тогда как один день ареста соответствует одному дню лишения свободы²⁰⁵.

Согласно ч. 4 ст. 62 УК Республики Казахстан время содержания под домашним арестом до вступления приговора в законную силу засчитывается в срок наказания в виде лишения свободы, ареста, ограничения свободы из расчета два дня за один день²⁰⁶.

В этом аспекте предлагаем обратить внимание на п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, согласно которому в срок содержания под стражей включается время действия меры пресечения в виде запрета определенных действий, связанных с правом выхода в

---

²⁰³ О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 03.07.2018 № 186-ФЗ // Рос. газета. 2018. 5 июля.

²⁰⁴ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Голышева и К.П. Данилова: постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П (п. 3) // Рос. газета. 2003. 15 марта.

²⁰⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁰⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V // URL: <http://www.online.zakon.kz> (дата обращения: 22.06.2021).

определенные периоды времени за пределы жилого помещения, из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей.

А поскольку применение запрета определенных действий имеет под собой целью предоставление лицу ряда свобод для осуществления профессиональной, учебной или иной деятельности при наличии ряда ограничений, тогда как итоговой целью домашнего ареста является изоляция лица от общества в жилом помещении, условия и ограничительные меры, налагаемые на лицо в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий значительно более лояльны, чем условия содержания лица под домашним арестом, в связи с чем предлагается изменить и порядок зачета срока применения запрета определенных действий с запретом покидать жилище по сравнению с порядком зачета срока применения домашнего ареста в общий срок наказания и засчитывать его из расчета не два, а три дня применения запрета определенных действий за один день содержания под стражей (лишения свободы).

В связи с изложенным, предлагается внести соответствующие изменения в п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, а также дополнить ст. 72 УК РФ частью 3.5, касающуюся правил зачета времени применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, связанных с правом выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета три дня к одному, соответственно.

Результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета РФ показали, что 16,67% опрошенных считают правило зачета 2 дней содержания под домашним арестом за 1 день содержания под стражей не справедливым и предлагают изменить его из расчета 3 дня к 1, еще 14,74% полагают, что зачет срока должен производиться по правилам 4–10 дней к 1 дню содержания под стражей, 4,49% считают, что срок содержания под домашним арестом и вовсе не должен учитываться.

Результаты опроса судей показали, что 84,62% респондентов полагают справедливым закрепленное законодателем правило зачета 2 дней содержания под домашним арестом за 1 день содержания под стражей.

Обращаясь к внешним факторам, как к основаниям для избрания мер пресечения или обстоятельствам, учитываемых при их избрании, следует отметить, что таковые ранее не относились ни к одной из двух указанных категорий.

Вместе с тем полагаем, что признание 11.03.2020 Всемирной организацией здравоохранения нового коронавируса COVID-19 пандемией, в условиях борьбы с которой нам предстоит жить и работать ближайшее время, а также принимаемые меры борьбы с указанным вирусом не могут не сказаться на уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов, в том числе на особенностях избрания и применения мер пресечения.

В практической деятельности отмечены случаи использования эпидемиологической ситуации, связанной с COVID-19, как основания для принятия процессуальных решений.

Так, 02.04.2020 482-м военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации приостановлено производство предварительного следствия по уголовному делу по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, *в обоснование чего указано что привлечение обвиняемого и его защитника к проведению следственных и процессуальных действий не входит в перечень случаев, при которых лицу разрешено покидать место своего проживания согласно распорядительным документам Президента Российской Федерации и губернатора Оренбургской области, а также может создать непосредственную угрозу распространения коронавирусной инфекции и подвергнуть жизнь и здоровье граждан реальной опасности*²⁰⁷.

Аналогичные решения приняты 19.03.2020 в Главном следственном отделе по Москве Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области по уголовному делу, возбужденному по признакам преступ-

---

²⁰⁷ Постановление 482-го военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации от 02.04.2020 о приостановлении предварительного следствия в связи с п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ по уголовному делу № 11902002420000095 // Архив 482-го военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации за 2020 г.

ления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ²⁰⁸, а также 23.03.2020 Октябрьским районным судом Приморского края по уголовному делу № 1-6/2020, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ²⁰⁹.

Прокуратурой Калужской области 02.04.2020 распространено информационное письмо № 15-3-2020 «Об организации надзора за предварительным расследованием в режиме самоизоляции», которым предписано *приостанавливать предварительное следствие по уголовным делам по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции, а также неоправданного продления сроков предварительного следствия, а по уголовным делам, по которым в отношении подозреваемых (обвиняемых) избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, – принять действенные меры по окончании расследования*²¹⁰.

Полагаем, что меры, принимаемые в условиях недопущения распространения коронавирусной инфекции, могут являться основаниями не только для принятия процессуальных решений о приостановлении производства по уголовным делам, но и для решений об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

На этом, в частности, прямо указывает письмо директора ФСИН России в адрес Председателя Верховного Суда РФ, в котором выражена обеспокоенность переполненности по состоянию на 01.04.2020 двадцати двух следственных изоляторов на территории страны, наиболее сложная ситуация из которых наблюдается в учреждениях г. Москвы, Московской области и Республики Крым. В частности отмечено, что общая численность лиц, содержащихся в следственных изоляторах Москвы, за

---

²⁰⁸ Постановление Главного следственного отдела по г. Москва следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области от 19.03.2020 о приостановлении предварительного следствия, в связи с коронавирусом (Covid-19) в Российской Федерации по уголовному делу № 1120145048000123 // Архив Главного следственного отдела по г. Москва следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области за 2020 г.

²⁰⁹ Постановление Октябрьского районного суда Приморского края от 23.03.2020 о приостановлении производства по уголовному № 1-6/2020 // Архив Октябрьского районного суда Приморского края за 2020 г.

²¹⁰ Об организации надзора за расследованием в режиме самоизоляции: информационное письмо прокуратуры РФ по Калужской области от 02.04.2020 № 15-3-2020 // Архив прокуратуры РФ по Калужской области за 2020 г.

март 2020 г. увеличилась на 52 человека, а из 18 338 человек, заключенных под стражу в марте 2020 г. в целом по России, 20,6% (3 777 человек) составляют лица, привлекаемые к уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести, и 23,1% (4241 человек) – за преступления средней тяжести²¹¹, в связи с чем директором ФСИН России обоснованно поставлен вопрос о расширении практики применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Переуполненность пенитенциарных учреждений при наличии комплекса иных проблем, о которых справедливо в своих работах и выступлениях указывает Т.Н. Москалькова²¹², создает реальную опасность распространения инфекции как у лиц, содержащихся в следственных изоляторах, так и у осуществляющих контроль за исполнением условий применения избранной меры пресечения, что прямо запрещено уголовно-процессуальным законом (ст. 9 УПК РФ).

Полагаем, что поскольку состояние санитарно-эпидемиологической ситуации уже фактически показало свое влияние на виды избираемых на практике мер пресечения, а также на решения по отдельным уголовным делам, данное понятие следует закрепить в ст. 99 УПК РФ применительно к обстоятельствам, учитываемым при избрании мер пресечения и сформулировать ее следующим образом: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, **санитарно-эпидемиологическая ситуация** (выделено нами. – *Авт.*), сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Ряд сведений, учитываемых при избрании меры пресечения, носит конкретно-определенный характер, не позволяя применять наиболее строгую меру пресечения. К числу таких сведений следует отнести наличие у лица соответствующего заболе-

---

²¹¹ Письмо директора ФСИН России от 07.04.2020 в адрес Председателя Верховного Суда РФ (вх. № 2846-20-4-ВС от 08.04.2020) // Архив автора.

²¹² См., напр.: *Москалькова Т.Н.* Обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как актуальная задача современности // Преступление, наказание, исправление: сб. тез. выступлений и докл. участников IV междунар. пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России). Рязань, 2019. С. 136–144.

вания, категорию и вид совершенного преступления, а также возраст лица. Остальные сведения являются оценочными, и от тех выводов, к которым придет следователь, дознаватель или суд при их анализе, напрямую зависит вид избранной меры пресечения.

Безусловно, наличие одного из указанных оценочных обстоятельств еще не свидетельствует о намерениях лица совершать действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, однако совокупность указанных сведений, оценка которым будет дана в соответствующем постановлении следователя, способна создать основу убежденности в необходимости применения к лицу конкретной меры пресечения.

В данном аспекте весьма важным правовым регулятором при избрании конкретного вида меры пресечения является категория «невозможности» избрания иной меры.

Часть ст. 108 УПК РФ, устанавливая конкретные требования к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу, дополнительно закрепляет обязанность установления факта «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» как гарантию подозреваемых (обвиняемых) от применения неоправданно суровой меры пресечения.

Категория «невозможности» избрания иной меры пресечения является оценочной и не раскрывается в уголовно-процессуальном законодательстве. Пленум Верховного Суда РФ также не разъясняет, в чем именно выражается эта категория, указывая применительно к заключению под стражей, что «в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения»²¹³.

---

²¹³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 5) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

Не секрет, что сложившаяся система стандартов при принятии решений о заключении под стражу во многом сложилась на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод²¹⁴ и выработанной практики Европейского суда по правам человека.

В ст. 5 вышеупомянутой Конвенции в качестве допустимых оснований заключения лица под стражу перечислены необходимость предотвращения совершения правонарушения и сокрытия лица после его совершения²¹⁵.

Об этом прямо говорит Европейский суд по правам человека, указывая в рамках рассмотрения одного из дел, на обязательность рассмотрения «возможности применения альтернативных мер обеспечения явки заявителя в суд»²¹⁶. При этом, признавая нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, судом указано на то, что для формулирования вывода о возможности лица скрыться от органов государственной власти необходимо оценивать наличие судимости, постоянного места жительства и учебы, характеристики, состояние здоровья. В рассматриваемом деле, в частности, данные сведения *«хотя и были перечислены национальными судами в судебных решениях, и их точность никем не оспаривалась, но были признаны несущественными по сравнению с тяжестью обвинений»*²¹⁷.

Будучи напрямую связанной как с основаниями для избрания меры пресечения, так и с конкретным видом последней, категория «невозможности» выступает как оценочный критерий, позволяющий судить о потенциальной способности или неспособности конкретной меры пресечения обеспечить должное поведение подозреваемого (обвиняемого) в ходе производства по уголовному делу, в частности не дать возможности скрыться, заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, совершать иные действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу.

---

²¹⁴ Морщакова Т.Г. Конституционная и судебная имплементация Европейской Конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2. С. 182–189.

²¹⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022).

²¹⁶ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Долгова (Dolgova) против Российской Федерации» от 02.03.2006 (жалоба № 11886/05) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022).

²¹⁷ Там же.

Как указывалось в работах, только если «никакая из семи мер пресечения не способна обеспечить должное поведение подозреваемого (обвиняемого), то есть наличествует признак «невозможности применения более мягкой меры пресечения», правоприменитель уполномочен, да и обязан, при наличии иных законодательно установленных требований избрать меру пресечения в виде заключения под стражу»²¹⁸.

В противном случае при отсутствии указанного критерия органы предварительного расследования или суд обязаны применять более мягкую меру пресечения.

Как справедливо указывают Н.В. Азаренок и А.А. Давлетов, следователь обязан убедить суд не только в наличии формальных оснований применения заключения под стражу, но и в нецелесообразности применения более мягких мер пресечения. Адвокат же, напротив, – прилагает усилия на доказывание обратного²¹⁹. При таких обстоятельствах суд, рассматривая заявленное перед ним ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, решает проблему конкуренции и выбора из четырех мер пресечения: заключения под стражу и трех альтернативных ей мер пресечения (домашнего ареста, залога и запрета определенных действий).

В настоящее время правоприменители зачастую пренебрегают необходимостью должного обоснования при избрании конкретной меры пресечения и не раскрывают в заявленном перед судом ходатайстве невозможность обеспечения должного поведения лица путем применения более мягкой меры пресечения, что приводит к обоснованным отказам судов в заявленном ходатайстве.

Данный вывод подтверждает Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, согласно которому в 2015–2016 гг. суды обоснованно отказывали в удовлетворении таких ходатайств в отношении подозреваемых, обвиняемых в том числе в совершении тяжких преступлений, если приходили к выво-

---

²¹⁸ См., напр.: *Квык А.В.* Критерий невозможности применения более мягкой меры пресечения при избрании заключения под стражу: теоретический и практический аспекты // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 181.

²¹⁹ *Азаренок Н.В., Давлетов А.А.* Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2016. № 15. С. 9.

ду о том, что не исключается возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Например, Устиновский районный суд г. Ижевска Удмуртской Республики 02.03.2015 отказал в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу А., обвиняемого в совершении тяжкого преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, обосновав свое решение отсутствием доказательств того, что в отношении А. не может быть избрана иная, более мягкая, мера пресечения. Учитывая данные о личности обвиняемого, который имел постоянное место жительства и работы, его положительные характеристики и факт отсутствия судимости, суд инициативно избрал в отношении А. меру пресечения в виде домашнего ареста²²⁰.

Нижегородский районный суд г. Н. Новгорода 08.02.2018 принял аналогичное решение по уголовному делу по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, не согласившись с доводами следователя о невозможности избрания обвиняемому Б. меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, опираясь на отсутствие у обвиняемого судимости, наличие положительных характеристик, факта брачных отношений и нахождение на иждивении малолетнего ребенка²²¹.

Аналогичные примеры встречаются и по иным уголовным делам по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111, ч. 2 ст. 132, п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «а» ч. 3 ст. 286, п. «б» ч. 5 ст. 290, и иным составам о тяжких и особо тяжких преступлениях²²².

---

²²⁰ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // URL: <http://www.vsrfg.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

²²¹ Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода за 2018 г. Уголовное дело № 11701220001000270.

²²² Архив Артемовского городского суда Приморского края за 2016 г. Уголовное дело № 316403; Архив Михайловского районного суда Приморского края за 2014 г. Уголовное дело № 686714; Архив Первомайского районного суда г. Владивостока за 2016 г. Уголовное дело № 966921; Архив Хасанского районного суда Приморского края за 2017 г. Уголовное дело № 11702050022000031; Архив Артемовского городского суда Приморского края за 2015 г. Уголовное дело № 967003; Архив Первомайского районного суда г. Владивостока за 2017 г. Уголовное дело № 11702050004000045; Архив Советского районного суда г. Владивостока за 2014 г. Уголовное дело № 507545; Архив Шкотовского районного суда Приморского края за 2015 г. Уголовное дело № 413146; Архив Советского районного суда г. Владивостока за 2016 г. Уголовное дело № 212825.

Между тем на обязанность суда рассматривать возможность применения альтернативных мер пресечения, которые помимо заключения под стражу способны обеспечить надлежащее поведение обвиняемого, нередко указывалось Европейским судом по правам человека²²³, и, как совершенно справедливо указывает О.В. Качалова, «ссылка суда на основания применения заключения под стражу не объясняет невозможность применения альтернативных мер»²²⁴.

Еще в 2007 г. В.В. Конин, рассматривая данный вопрос, указал, что «практически во всех изученных материалах полностью отсутствовали сведения, подтверждающие доводы стороны обвинения в обоснование заявленного ходатайства, а именно, что в отношении лица невозможно применить менее строгую меру пресечения...»²²⁵.

Несмотря на это, статистические данные и сейчас свидетельствуют о невысоком абсолютном и процентном показателях отказов судов в заявленных ходатайствах об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, в 2010 г. суды согласились с заявленными органами предварительного следствия ходатайствами об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 89,93% случаях; в 2011 – в 89,35; в 2012 – в 89,94; в 2013 – в 90,69; в 2014 – в 90,72; в 2015 – в 91,05; в 2016 – в 90,21; в 2017 – в 89,68; в 2018 – в 89,42; в 2019 – в 89,23; в 2020 – в 87,85; в 2021 г. – в 88,53%, а абсолютное количество отказов судов в удовлетворении таких ходатайств за последние годы являлось практически неизменным: 1 1824 – в 2016 г.;

---

²²³ См., напр.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Чумаков (Chumakov) против Российской Федерации» от 24.04.2012 (жалоба № 41794/04) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022); Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Идалов (Idalov) против Российской Федерации» от 22.05.2012 (жалоба № 5826/03) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022); Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Бузаджи (Buzadji) против Республики Молдова» от 05.07.2016 (жалоба № 23755/07) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022)

²²⁴ Качалова О.В. Как рассматривать альтернативы заключению под стражу // Уголовный процесс. 2017. № 12. С. 8.

²²⁵ Конин В.В. Проблемные вопросы предмета доказывания при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практика применения (к пятилетию УПК РФ): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 270–275.

11 860 – в 2017; 10 976 – в 2018; 10 233 – в 2019; 10 503 – в 2020; 10 129 – в 2021 г.²²⁶ (приложения 13, 14).

Полагаем, что указание на невозможность избрания более мягкой меры пресечения является весьма важным элементом, который должен присутствовать в соответствующем постановлении органа расследования и быть подтвержденным соответствующими материалами уголовного дела. Часть 1 ст. 108 УПК РФ прямо закрепляет, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, в связи с чем полагаем, что в соответствующем решении суда вывод об этом должен найти обязательное отражение.

Н.В. Азаренок и А.А. Давлетов пишут, что «в своем постановлении судья должен мотивировать, по каким причинам он счел необходимым избрать именно данную меру пресечения, и, соответственно, почему иная мера пресечения не подлежит применению»²²⁷.

Думается, что требование, предусмотренное в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, по своей смысловой нагрузке к содержательной составляющей ничем не уступает, к примеру, требованиям, предъявляемым к протоколу следственного действия, перечисленным в ч. 3 ст. 166 УПК РФ, нарушение которых приводит к признанию соответствующего доказательства недопустимым. Аналогично этому смыслу и отсутствие в постановлении суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обоснования невозможности избрания более мягкой меры пресечения должно влечь отмену такого решения вышестоящей судебной инстанцией.

На обязательную необходимость отражения указанных сведений нас ориентирует и Верховный Суд РФ, закрепляя, что в «решениях об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока содержания под стражей должно быть указано, почему в отношении лица не может быть применена более мягкая мера пресечения»²²⁸.

---

²²⁶ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

²²⁷ Азаренок Н.В., Давлетов А.А. Указ. соч. С. 9.

²²⁸ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума

Проанализированные материалы судебной практики по данному вопросу свидетельствуют, что в ходатайствах следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в удовлетворении которых суды отказали и избрали альтернативные виды мер пресечения, следователи только в 38,18% случаев указывали на невозможность избрания иной, кроме заключения под стражу, меры пресечения. Суды же, избирая альтернативный вид меры пресечения в виде домашнего ареста, также только в 9,09% случаев отразили и обосновали факт невозможности применения более мягкой меры пресечения, чем домашний арест.

Полагаем, что если с мерой пресечения в виде заключения под стражу подобный критерий обязательности отражения факта «невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения» выглядит совершенно оправданным, то аналогичное требование, сформулированное в ч. 1 ст. 105.1 и ч. 1 ст. 107 УПК РФ применительно к запрету определенных действий и домашнему аресту, представляется сомнительным.

Примечательно, что среди всех мер пресечения, избираемых в судебном порядке, указанный критерий не предусмотрен только для залога, хотя, исходя из положений ст. 98 УПК РФ, залог является более строгой мерой пресечения, нежели запрет определенных действий. Кроме того, в соответствии с ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ при избрании залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, однако необходимость доказывания критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» у органов предварительного следствия, как следует из буквального толкования положений ст. 106 УПК РФ, в данном случае также отсутствует.

Полагаем, что указанный пробел стал возможным ввиду чрезмерно активного употребления данного критерия в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Система мер пресечения, закрепленная в ст. 98 УПК РФ, и так построена в иерархическом порядке от наиболее мягкой к более строгой мере, что на основе

принципа, закрепленного в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства в виде защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, обязывает сторону обвинения избирать только такую меру пресечения, применение которой необходимо для достижения должного порядка уголовного судопроизводства и недопустимости воспрепятствования производству по уголовному делу.

В связи с этим закрепление необходимости наличия критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» применительно к наиболее строгой мере пресечения в виде заключения под стражу допустимо и оправданно, однако дублирование данного критерия применительно к домашнему аресту, запрету определенных действий и, исходя из иерархической структуры мер пресечения, возможности его закрепления в будущем применительно к залогоу нивелируют его ценность и как следствие – исключительность. В связи с изложенным полагаем необходимым исключить данный критерий из диспозиций ст. 105.1, 107 УПК РФ.

Наряду с многочисленными дискуссионными вопросами об основаниях для избрания мер пресечения достаточно сложным и не менее важным является вопрос и об их условиях. Разные авторы по-своему характеризуют данное понятие. Так, Е.В. Салтыков относит условия к специальным основаниям для избрания мер пресечения²²⁹, Е.А. Жога формулирует данное понятие как фактически установленные обстоятельства, без которых невозможно избрание конкретной меры пресечения²³⁰. П.М. Давыдов во многом отождествляет условия с категорией обстоятельств, учитываемых при избрании мер пресечения (ст. 99 УПК РФ), характеризуя их как «личные и общественные свойства обвиняемого»²³¹.

По нашему мнению, наиболее удачную формулировку категории «условия избрания меры пресечения» предложил М.В. Смирнов, отграничивающий понятия

---

²²⁹ Салтыков Е.В. Домашний арест в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 94.

²³⁰ Жога Е.Ю. Арест как мера пресечения в уголовном процессе и судебная проверка его законности и обоснованности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 11.

²³¹ Давыдов П.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953. С. 11.

«основания» и «условия», где первые побуждают к действию, а вторые – имеют обеспечительную функцию²³².

В теории уголовного процесса достаточно прочно укоренилось мнение о разделении условий на общие и специальные. Среди общих выделяются: факт возбужденного уголовного дела, соответствующее процессуальное положение лица, к которому применяется мера пресечения, наличие постановления об избрании меры пресечения, факт вынесения постановления уполномоченным должностным лицом и др.²³³.

К специальным условиям избрания мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий в виде выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения полагаем возможным отнести следующие:

1. Наличие соответствующего места содержания.

Частью 1 ст. 107 УПК РФ и п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ установлено, что местом исполнения меры пресечения признается жилое помещение, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

В более ранних работах вопрос относительно правового статуса жилого помещения, где предполагается содержать подозреваемого (обвиняемого), достаточно широко исследовался авторами по причине его законодательного неурегулирования.

Подавляющее большинство из них сошлось во мнении, что таким помещением может быть как жилая квартира (дом), находящиеся в собственности у лица, содержащегося под домашним арестом, так и арендуемые помещения подобного рода²³⁴.

Верховный Суд РФ указал, что для целей ст. 107 УПК РФ под жилым помещением следует понимать любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного

---

²³² Смирнов М.В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии // Российский следователь. 2003. № 4. С. 18.

²³³ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 86–87; Салтыков Е.В. Указ. соч. С. 97–99.

²³⁴ См., напр.: Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014. С. 70–72; Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 88.

проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям²³⁵.

При этом вполне допускается нахождение жилого помещения за пределами муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование, но при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки, в том числе обеспечению доставления лица для производства следственных и процессуальных действий.

Кроме того, с учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий считается территория соответствующего учреждения здравоохранения. Следует признать, что в таком случае неоправданным будет ограничивать место содержания отдельной палатой или конкретным отделением, поскольку тактика лечения может предусматривать необходимость прохождения определенных лечебных процедур, сдачу анализов и т.д., в связи с чем совершенно обоснованным является законодательное закрепление места содержания в виде территории соответствующего учреждения здравоохранения.

До мая 2016 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 в п. 38 рекомендовало привлекать к участию в судебном заседании собственника жилья для получения согласия на нахождение в нем подозреваемого (обвиняемого), но после исключения данной рекомендации²³⁶ этот вопрос регулируется п. 37 того же постановления, указывающего на достаточность проверки оснований проживания в жилом помещении, к примеру исследования договора найма жилого помещения и срока его действия²³⁷.

---

²³⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 38) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

²³⁶ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

²³⁷ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума

Несмотря на это, в некоторых случаях сторона защиты, «подстраховываясь», получает от собственника жилого помещения либо заявление о его согласии, либо оформляет нотариальное согласие (приложение 15).

2. Наличие надзирающего органа.

Часть 11 ст. 105.1 УПК РФ и ч. 10 ст. 107 УПК РФ устанавливают, что контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов в рамках мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Впервые на законодательном уровне вид контролирующего органа был определен Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²³⁸, которым, кроме того, была существенно трансформирована правовая регламентация домашнего ареста.

Не вдаваясь в настоящем параграфе в вопрос относительно обоснованности возложения на указанный орган таких обязанностей и возникающих при их реализации сложностей, отметим, что до декабря 2011 г. практика возложения контроля за содержанием подозреваемых (обвиняемых) под домашним арестом складывалась различным образом. Так, Ю.Г. Овчинников в своем исследовании утверждает, что 67,9% таких контрольных функций возлагалось на районные управления (отделы) внутренних дел, остальная доля приходилась на подразделения ФСБ России, ФСКН России и иные органы²³⁹.

3. Согласие лица, к которому применена мера пресечения, а также лиц, проживающих совместно с ним, на применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

²³⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Рос. газета. 2011. 9 дек.

²³⁹ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 91.

Части 11 и 13 ст. 105.1 УПК РФ устанавливают, что в целях осуществления контроля за соблюдением установленных запретов контролирующим органом могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, а в случае отказа подозреваемого (обвиняемого) от их применения либо умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности и совершения иных действий, направленных на нарушение их функционирования, суд, по соответствующему ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства – по представлению контролирующего органа, может изменить эту меру пресечения на более строгую.

Определенным пробелом в данном случае является отсутствие в приведенном перечне ответственности за отказ отвечать на сигналы контроля (телефонные звонки контролирующего органа, систему голосовой идентификации).

Основным документом, предусматривающим порядок и основания использования средств контроля за лицами, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, является постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»²⁴⁰, во исполнение которого издан совместный приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми

---

²⁴⁰ О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2021).

или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (далее – Приказ)²⁴¹.

В числе средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения «Перечнем аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (далее – Перечень) определены средства персонального контроля (браслет электронный, мобильное и стационарные контрольные устройства, ретранслятор и персональный трекер), а также устройство аудиовизуального контроля, предназначенное для визуальной и (или) голосовой идентификации.

И если Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ вопрос об обязательности ношения средств персонального контроля для подозреваемого (обвиняемого) в случае наличия такого решения со стороны контролирующего органа решен путем прямого закрепления в ч. 13 ст. 105.1 и ч. 14 ст. 107 УПК РФ возможности изменения меры пресечения на более строгую, то вопрос о применении устройств аудиовизуального контроля остается неразрешенным по настоящее время.

Так, согласно п. 8 «Правил применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (далее – Правила), устройство аудиовизуального контроля устанавливается в месте исполнения меры пресечения при получении письменного согласия лиц,

---

²⁴¹ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2021).

проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым) в качестве собственника или нанимателя либо на иных законных основаниях.

Отсутствие такого согласия в соответствии с буквальным толкованием ч. 13 ст. 105.1 и ч. 14 ст. 107 УПК РФ не будет основанием для изменения в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения, поскольку положения указанных норм предусматривают возможность изменения меры пресечения в случае совершения отказа от применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля исключительно самим подозреваемым или обвиняемым, а также умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им же иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

В связи с изложенным предлагаем обратиться к опыту Республики Казахстан, уголовно-процессуальное законодательство которой в ст. 146 предусматривает установление ограничений в виде: «применения электронных средств контроля и возложения обязанности носить при себе эти средства; возложения обязанностей отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля, установления наблюдения за подозреваемым, обвиняемым или их жилищем»²⁴².

УПК Республики Таджикистан от 03.12.2009 в ч. 2 ст. 110 схожим образом определяет, что домашний арест может сопровождаться: «применением электронных средств контроля и возложением обязанности носить при себе эти средства и обслуживать их работу; возложением обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля...»²⁴³. В п. 4 ч. 2 ст. 125 УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 также предусмотрена обязанность подконтрольного лица в виде «применения электронных средств контроля, перечень которых определяется Советом Министров Республики Беларусь, и обязанности носить при себе эти сред-

---

²⁴² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // URL: <http://www.kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁴³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

ства и обслуживать их работу»²⁴⁴. Аналогичные положения содержатся и в ч. 4 ст. 188 УПК Республики Молдовы от 14.03.2003²⁴⁵.

УПК РФ не предусматривает подобных законодательных конструкций, ограничиваясь вышеуказанными положениями частей 11 и 13 ст. 105.1 УПК РФ о правах контролирующего органа на применение электронных средств контроля и последствиях отказа от их применения.

Для приведения данной конструкции в вид «обязанность – отказ от исполнения – последствия» предлагаем использовать вышеуказанный зарубежный опыт и прямо закрепить в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ кроме перечня соответствующих запретов, положения о возложении на подозреваемого (обвиняемого) помимо обязанностей, закрепленных в ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, обязанностей использовать в порядке, определенном контролирующим органом, электронные средства контроля, поддерживать их в рабочем состоянии, отвечать на сигналы контроля.

Кроме того, положения Правил о необходимости получения письменного согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым), для установления устройств аудиовизуального контроля, следует пересмотреть и выяснять данный вопрос либо на этапе избрания меры пресечения, получая соответствующее согласие, либо исключить его получение, поскольку развитие альтернативных заключению под стражу мер пресечения с неизбежностью должно привести к росту практики их применения, что, в свою очередь, повлечет невозможность обеспечения контроля за счет использования человеческого фактора и необходимость использования автоматизированных систем, о чем более подробно остановимся в следующей главе настоящей работы.

Следует выделить специальные условия для запрета определенных действий в виде управления автомобилем или иным транспортным средством.

---

²⁴⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 URL: <http://www.kodeksy.by> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁴⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14.03.2003 № 122-XV // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

Первым специальным условием для наложения указанного запрета является связь преступления с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

При этом п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ говорит именно о связи расследуемого преступления с указанным видом нарушений, а не о совершении лицом преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, предусмотренных в гл. 27 УК РФ.

Так, к примеру, в случае совершения лицом преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ (укрывательство преступлений) путем сокрытия трупa на автомашине, права на управление которой лицо не имеет, что образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.7 КоАП РФ, на данное лицо при избрании ему меры пресечения в виде запрета определенных действий также может быть наложен запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством.

Данный вывод следует из того, что автомашина, используемая подозреваемым (обвиняемым) при совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УПК РФ, выступает как средство совершения преступления, и при условии совершения подозреваемым (обвиняемым) любого нарушения на указанной автомашине, за которое он привлечен в установленном порядке к административной ответственности, расследуемое преступление будет связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

С указанным условием применения данного запрета тесно связан и вопрос о возможности выделения в качестве второго условия факта наличия у лица водительского удостоверения.

В соответствии с ч. 5 ст. 105.1 УПК РФ в случае возложения запрета на управление автомобилем или иным транспортным средством у подозреваемого или обвиняемого дознавателем, следователем или судом изымается водительское удостоверение, которое приобщается к уголовному делу и хранится при нем до отмены данного запрета, что, с одной стороны, указывает на необходимость установления факта получения подозреваемым (обвиняемым) в порядке, предусмотренном законода-

тельством Российской Федерации²⁴⁶, водительского удостоверения, срок действия которого не истек, и возможности возложения такого запрета только при установлении факта наличия у лица права на управление транспортным средством.

Вместе с тем, учитывая, что расследуемое органами предварительного следствия преступление, связанное с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, может быть совершено лицом, не имеющим права управления транспортным средством либо лишенным права на его управление, установление данного запрета будет являться обеспечительной мерой, препятствующей продолжению занятия преступной деятельностью, и в случае ее нарушения – основанием для избрания более строгой меры пресечения.

Кроме того, при определенных условиях действия меры пресечения в виде запрета определенных действий подозреваемый (обвиняемый), при отсутствии у него водительского удостоверения, имеет возможность пройти соответствующее обучение и получить его в установленном законом порядке, в связи с чем, на наш взгляд, возможность наложения запретительной меры, предусмотренной п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не следует связывать с наличием либо отсутствием у подозреваемого (обвиняемого) права на управление транспортным средством.

К специальным условиям избрания меры пресечения в виде залога следует отнести наличие согласия на применение данной меры пресечения. При отсутствии такого согласия применение залога невозможно ни в каких формах – ни путем его предоставления лицом, в отношении которого данная мера пресечения избирается, ни третьим физическим или юридическим лицом.

Данный вывод продиктован самой природой указанной меры пресечения, а также механизмами ее реализации, которые основываются на единых принципах всех стран участников Организации Объединенных Наций. Так, согласно п. 3.4. То-

---

²⁴⁶ О допуске к управлению транспортными средствами: постановление Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022); Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений: приказ МВД России от 20.10.2015 № 995 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

кийских правил, «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя и которые применяются до формального разбирательства или вместо них, требуют согласия правонарушителя»²⁴⁷.

Данное условие, согласно справедливому замечанию С.И. Вершининой, состоит как в наличии материальной возможности внесения залога самим подозреваемым (обвиняемым), так и в случае привлечения в качестве залогодателя третьего лица – в соблюдении следующих требований:

- согласие подозреваемого (обвиняемого) на участие третьего лица в качестве залогодателя;
- согласия третьего лица на участие в таковом качестве;
- фактическая возможность внесения указанным лицом суммы или предмета залога²⁴⁸.

В этом аспекте следует отметить достаточно передовую практику США по кредитованию специальными организациями задержанных необходимой суммой денежных средств для обеспечения возможности внесения залога.

С этой целью, как указывает Н.А. Андроник, поблизости полицейских участков располагается множество залоговых брокеров, специализирующихся на посредничестве при выдаче залогов, которые, в случае назначения судом залога, сумма которого у задержанного отсутствует, предлагает ему оформить соответствующий кредит. Одобренная к выдаче сумма напрямую перечисляется в бюджет, а после постановления приговора бюджет возвращает залог брокеру. Подсудимый же остается должным брокеру проценты за пользование кредитными средствами. В случае обращения залога в доход государства, брокер защищен программой страхования, платежи по которой также возлагаются на арестованного²⁴⁹.

---

²⁴⁷ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

²⁴⁸ Вершинина С.И. Указ. соч. С. 85.

²⁴⁹ Андроник Н.А. К вопросу об эффективности меры пресечения в виде залога // Адвокат. 2015. № 3. С. 43.

Основная сложность в реализации подобных программ в России заключается в неразвитости кредитной сферы в подобном направлении и рынка оказания страховых услуг.

В этой же связи в качестве специального условия применения залога выделяется и его размер. Согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ размер залога напрямую зависит от тяжести совершенного деяния. Так, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее пятисот тысяч рублей.

Стоит вспомнить, что до принятия Федерального закона от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁵⁰, кардинально изменившим ст. 106 УПК РФ, регламентирующую порядок избрания и применения залога как меры пресечения, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривало каких либо критериев относительно его порогового размера. Указанным федеральным законом было определено, что по уголовным делам о небольшой и средней тяжести минимальный размер залоговой суммы должен составлять не менее ста тысяч рублей, а о тяжких и особо тяжких преступлениях – не менее пятисот тысяч рублей.

Впоследствии Федеральный закон от 04.06.2014 № 141-ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁵¹ вдвое снизил пороговое значение залога применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести, которое составило пятьдесят тысяч рублей.

Согласно пояснительной записке к данному федеральному закону такое решение вызвано в том числе не редким отсутствием у подозреваемого (обвиняемого) денежных средств и иного имущества, достаточных для внесения его минимального размера в сто тысяч рублей, вследствие чего по уголовным делам о преступлениях

---

²⁵⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ // Рос. газета. 2010. 9 апр.

²⁵¹ О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 04.06.2014 № 141-ФЗ // Рос. газета. 2014. 6 июня.

небольшой и средней тяжести залог не может рассматриваться как альтернатива заключению под стражу²⁵².

В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно необходимости установления пороговых сумм размера залога. Так, С.В. Богданчиков полагает, что закрепление минимального размера залога приведет к чрезмерной формализации данной меры пресечения и не будет способствовать ее применению²⁵³. А.Л. Аристархов, напротив, считает, что минимальный предел залога необходим как условие государства для применения данной меры пресечения²⁵⁴.

Результаты анкетирования следователей и руководителей следственных органов Следственного комитета РФ показали следующее: 76,02% опрошенных полагают, что размер причиненного преступлением ущерба должен учитываться при определении размера залога, из них 16,37% считают, что размер залога должен соответствовать размеру ущерба, 59,65% уверены, что размер залога должен превышать размер причиненного преступлением ущерба. Остальные 23,98% полагают, что размер залога должен определяться исходя из иных критериев, таких как тяжесть совершенного преступления, доход подозреваемого (обвиняемого) и других.

Результаты опроса судей показали, что только 46,67% респондентов полагают, что размер причиненного преступлением ущерба должен учитываться при определении размера залога, остальные 53,33% уверены, что размер залога должен определяться исходя из критериев тяжести совершенного преступления, и личности подозреваемого (обвиняемого), в том числе его дохода (приложение 16).

Статистические сведения о применении залога после 2014 г., когда было принято решение о понижении его минимального значения со ста тысяч до пятидесяти тысяч рублей, свидетельствуют, что интерес к его применению не только не возрос, но и снизился с 225 случаев его применения в 2014 г. до 189 случаев в 2015 г., в

---

²⁵² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

²⁵³ *Богданчиков С.В.* Залог в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

²⁵⁴ *Аристархов А.Л.* Применение залога в досудебном производстве // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 56.

2017 г. данный показатель составил 133 случая избрания; в 2018 – 108; в 2019 – 77; в 2020 – 244; в 2021 г. – 25 случаев (приложение 3).

Полагаем возможным согласиться с мнением А.Л. Аристархова о необходимости наличия минимального порога для применения данной меры пресечения как гарантии единообразного подхода при реализации уголовной политики государства, однако ныне действующие значения в пятьдесят тысяч рублей, по нашему мнению, являются чрезмерно либеральными и не отвечают основной цели применения меры пресечения – обеспечению должного поведения лица в ходе предварительного следствия.

В данном аспекте П. Стерхов и И. Стерхова отмечают, что в каждом случае избрания меры пресечения в виде залога необходимо решить, какой суммой или иными ценностями может располагать залогодатель, чтобы не поставить его в трудное материальное положение²⁵⁵. Соглашаясь, в целом, относительно недопустимости возникновения у залогодателя трудного материального положения в связи с внесением залога, считаем, что сумма залога все-таки должна быть в материальном плане существенна для залогодателя, чтобы обеспечивать должное поведение подозреваемого (обвиняемого) в ходе предварительного расследования нежеланием и боязнью последнего перед возможностью обращения залога в доход государства. Вот почему суду, да и органам предварительного расследования, необходимо в каждом случае устанавливать имущественное положение подозреваемого (обвиняемого). В этой же связи уместным было бы внести изменения в ч. 1 ст. 106 УПК РФ, указав в качестве залогодателя только подозреваемого и обвиняемого.

Такое изменение, с одной стороны, нисколько бы не умалило прав подозреваемого (обвиняемого) ввиду возможности либо самостоятельно внести соответствующую сумму залога, либо, в случае ее отсутствия, получить ее у другого лица по соответствующему договору займа, а с другой – создать дополнительные гарантии личной материальной ответственности подозреваемого (обвиняемого) за нарушение порядка и условий исполнения меры пресечения в виде залога.

---

²⁵⁵ Стерхов П., Стерхова И. Судебный контроль и проблемы применения домашнего ареста и залога // Уголовное право. 2008. № 3. С. 80.

Итак, подводя итог проанализированным вопросам оснований и условий избрания рассматриваемых видов мер пресечения, следует отметить, что перечисленные в ст. 97 УПК РФ положения не позволяют в должной мере разрешить вопрос об избрании конкретного вида меры пресечения в индивидуальной судебной ситуации, поскольку при их формулировании допущено смешение с целями их избрания. Кроме того, ценность и эксклюзивность критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения», закрепленного в ст. 108, 107, 105.1 УПК РФ, как условия применения данных мер пресечения фактически нивелирована частотой его законодательного использования, что на практике приводит к непрозрачности принимаемых решений об избрании конкретного вида мер пресечения.

В связи с изложенным предложено свое видение оснований избрания мер пресечения, под которыми следует понимать конкретные фактические сведения, указывающие на реальные намерения лица совершить действия в целях воспрепятствования производству по уголовному делу, подразделив их:

– на связанные с событием преступления (при подготовке, во время совершения преступления и непосредственно после его совершения), к которым следует отнести следующее: причастность лица к совершенному преступлению; тяжесть преступления; сфера уголовно-правовой охраны, на которую совершено преступное посягательство; количественный состав участников преступления; принятие мер к уничтожению следов сразу после совершения преступления и др.;

– характеризующие постпреступное поведение лица, в числе которых возможны: выбытие с постоянного места жительства, неявка или несвоевременная явка по повесткам для проведения следственных действий, высказывание угроз или намерений передать денежное вознаграждение для дачи конкретных показаний по уголовному делу и др.;

– опосредованные (непосредственно не связанные с событием преступления и постпреступной деятельностью и характеризующие социальный статус лица и его физическое состояние), к которым следует отнести: возраст, состояние здоровья, состав семьи, род занятий и другие сведения (в том числе внешние факторы).

Рассмотрение указанных сведений в каждой отдельной судебной ситуации позволяет определить судье, намерен ли обвиняемый (подозреваемый) осуществить

действия по воспрепятствованию производству по уголовному делу, и какая из видов мер пресечения обеспечит его должное поведение.

Проведенным исследованием установлено, что пандемия, вызванная распространением коронавируса COVID-19, оказывала прямое влияние на виды избираемых на практике мер пресечения, а также на решения по отдельным уголовным делам, в связи с чем предложено закрепить данное понятие в ст. 99 УПК РФ применительно к обстоятельствам, учитываемым при избрании мер пресечения, и сформулировать ее следующим образом: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, **санитарно-эпидемиологическая ситуация** (выделено нами. – *Авт.*), сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Появление возможности применения комплекса запретительных мер, собираемых как конструктор в каждой судебной ситуации, применительно к конкретному обвиняемому (подозреваемому) в рамках домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, предопределяет необходимость более активного применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения в отношении несовершеннолетних. Так, запрет определенных действий мог бы стать основой для осуществления развивающейся в настоящее время процедуры медиации в уголовном судопроизводстве, являющейся частью восстановительного правосудия, которая может выражаться в прохождении курса психологической реабилитации в виде доведения до несовершеннолетнего факта антисоциального поведения, убеждения совершения им действий, направленных на компенсацию причиненного преступлением вреда для примирения с потерпевшей стороной, что в совокупности с иными ограничительными мерами в рамках избранной меры пресечения позволило бы сделать первые шаги в вопросе ресоциализации несовершеннолетних лиц, совершивших преступления.

Возложение подобных обязанностей было бы возможным предусмотреть в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий наряду с установле-

нием соответствующих запретов, что потребует соответствующей законодательной инициативы по указанному вопросу.

§ 2. Процессуальный порядок избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста по инициативе суда

Уголовно-процессуальный закон в ст. 5 дает определение понятию «избрание меры пресечения», под которым понимает принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого (п. 13). По отношению к мерам пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, рассматриваемым в настоящей работе, процедура их избрания на стадии предварительного расследования является усложненной, поскольку окончательное решение по данному вопросу принимает суд. Однако принятие данного решения невозможно без учета процессуальной позиции следователя (дознавателя), а также мнения прокурора.

Ранее приведена классификация мер пресечения по инициатору их избрания: избранные по инициативе органов предварительного расследования и избранные судом по собственной инициативе, что, в конечном итоге, оказывает существенное влияние на порядок их избрания.

К порядку избрания мер пресечения по инициативе органов предварительного расследования следует отнести такую уголовно-процессуальную процедуру, при которой итоговый результат в виде принятия решения об избрании конкретной меры пресечения совпадает с намерением органов предварительного расследования, выраженным в соответствующем постановлении, избрать данный ее вид.

Применительно к мерам пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу решение об их избрании в виде постановления суда должно соответствовать заявленному органом предварительного расследования ходатайству.

Такая процедура избрания мер пресечения достаточно подробно изучена в науке уголовного процесса, при этом различные авторы по-своему характеризуют ее содержание.

Так, С.В. Колоскова процедуру избрания меры пресечения рассматривает как один из этапов ее применения, выделяя среди них: «1) подготовку и возбуждение органом предварительного расследования ходатайства перед судом об избрании меры пресечения; 2) рассмотрение судом ходатайства органа предварительного расследования и принятие по нему решения; 3) обжалование решения суда по ходатайству и проверку вышестоящими судебными инстанциями правомерности постановления судьи; 4) исполнение постановления об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста»²⁵⁶. Представленная позиция, на наш взгляд, является несколько неоправданной, в отличие от точки зрения В.А. Светочева, соотносящейся с действующим уголовно-процессуальным законодательством, который разделяет понятия «избрание меры пресечения» (п. 13 ст. 5 УПК РФ) и «применение меры пресечения» (п. 29 ст. 5 УПК РФ). Так, В.А. Светочев сводит алгоритм избрания мер пресечения к следующим этапам: «1-й этап – обоснование необходимости избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого в качестве меры пресечения и формулирование процессуального решения; 2-й этап – согласование процессуального решения в условиях ведомственного контроля и прокурорского надзора, процессуальное оформление принятого решения; 3-й этап – процессуальное оформление объема доказательственной информации и процессуальных решений, подтверждающих необходимость избрания домашнего ареста (материалы судебного контроля), и направление их в суд; 4-й этап – судебный порядок рассмотрения судом постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, исследование представленных в суд материалов и принятие решения по вопросу законности и обоснованности (незаконности и необоснованности)»²⁵⁷.

Инициативная роль суда при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения реализуется именно на 4-м этапе. При этом процедура избрания напрямую связана с особым статусом суда, выраженным в балансе между обязанностью суда принимать законные и обоснованные решения, с одной стороны, и недопустимостью смешения функций правосудия и обвинения – с другой.

---

²⁵⁶ Колоскова С.В. Указ. соч. С. 115–116.

²⁵⁷ Светочев В.А. Указ. соч. С. 107–132.

На стадии предварительного расследования уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность избрания по инициативе суда одной из трех мер пресечения – домашнего ареста, залога и запрета определенных действий.

Согласно ч. 6 ст. 108 УПК РФ, судья начинает судебное заседание объявлением явившимся в судебное заседание лицам вида ходатайства, которое подлежит рассмотрению, и разъяснением соответствующих прав и обязанностей. Затем, согласно той же норме, прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

Указанное положение об обосновании прокурором либо лицом по его поручению поступившего ходатайства является явно устаревшим, поскольку было сформулировано до принятия изменений в УПК РФ²⁵⁸, когда прокурор перестал давать следователю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании заключения под стражу и потерял право давать следователю поручение поддерживать данное ходатайство.

Как справедливо отмечает Е.Н. Гринюк, «такая формулировка ведет к обвинительному уклону в деятельности прокурора, что противоречит его статусу представителя органа, надзирающего за соблюдением прав и свобод личности в досудебном производстве»²⁵⁹. На это, в частности, указывает и У.А. Мусейбов, доказывая недопустимость совмещения прокурором в досудебном производстве целей уголовного преследования и надзора за законностью²⁶⁰, и Д.А. Сычев, рассуждающий о сложностях соотношения пары функций «надзор – уголовное преследование»²⁶¹.

В настоящее время прокурорские работники руководствуются требованиями Приказа Генпрокуратуры России о необходимости составления письменного заклю-

---

²⁵⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

²⁵⁹ Гринюк Е.Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 180.

²⁶⁰ Мусейбов У.А. Процессуальные функции и полномочия прокурора // Российский следователь. 2016. № 16. С. 8.

²⁶¹ Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 3, 4.

чения об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения²⁶², а поступившее в суд ходатайство оглашают и поддерживают процессуальные лица, обратившиеся с ним в суд²⁶³.

Заслушав сторону обвинения, суд предоставляет возможность выразить свою позицию по существу заявленного ходатайства стороне защиты, после чего заслушивается позиция представителя прокуратуры в виде соответствующего заключения. А поскольку органы следствия представляют прокурору материалы в обоснование заявленного ходатайства заранее, к моменту рассмотрения ходатайства судьей прокурор составляет письменное заключение, которое приобщается к указанным материалам.

В судебном заседании в условиях непосредственности, устности и гласности устанавливаются фактические обстоятельства, позволяющие принять промежуточное правосудное решение суда по уголовному делу по вопросу о виде применяемой меры пресечения²⁶⁴.

При этом, исходя из таких обстоятельств, прокурор может не согласиться с заявленным предварительным следствием ходатайством и дать заключение о необходимости применения более мягкой меры пресечения либо об отсутствии оснований для применения меры пресечения вовсе, из чего следует, что позиция органов прокуратуры и предварительного следствия к вопросу о виде применяемой меры пресечения может не совпадать.

Из проанализированных материалов судебной практики при принятии судами решений об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избрании по собственной инициативе альтернативных заключению под стражу мер пресечения в 23,64% случаев прокурор возражал против удовлетворения ходатайства органов следствия.

---

²⁶² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 (п. 1.6.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

²⁶³ См., напр.: Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации: приказ СК России от 09.01.2017 № 2 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

²⁶⁴ *Кобзарев Ф.М., Кобзарев П.Ф.* Особенности взаимодействия суда и прокурора в процессе доказывания в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 3. С. 215.

Так, Большекаменский районный суд Приморского края 29.05.2015 при рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу согласился с доводами прокурора о возможности избрания альтернативной меры пресечения в виде домашнего ареста, которая «обеспечит надлежащее поведение обвиняемого и достижение следственных интересов»²⁶⁵; Дальнереченский районный суд Приморского края 02.02.2016 схожим образом при рассмотрении материалов, представленных в обоснование ходатайства следователя об избрании в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу, учитывая мнение прокурора, пришел к выводу о возможности «обеспечения явки Д. к следователю, а также его надлежащего поведения» путем применения меры пресечения в виде домашнего ареста²⁶⁶.

Аналогичные решения с подобным обоснованием и учетом мнения прокурора принимались при рассмотрении иных ходатайств²⁶⁷.

Из указанных примеров и статистических сведений следует, что, несмотря на достаточно высокий процент (23,64%) согласованности мнений органов прокуратуры и суда о необходимости избрания альтернативных заключению под стражу мер пресечения, весьма значительный объем (более 75%) составляют решения, при которых суд не согласился ни с мнением следователя, ни с мнением прокурора и инициативно избрал альтернативный вид меры пресечения.

В целом подобная практика различных позиций органов предварительного следствия и органов прокуратуры относительно обоснованности и законности заявленного ходатайства о виде избираемой меры пресечения, когда следователь и прокурор в судебном заседании состязаются между собой, негативно сказывается на ходе расследования уголовного дела и вопросах межведомственного взаимодействия.

---

²⁶⁵ Архив Большекаменского районного суда Приморского края за 2015 г. (уголовное дело № 379346).

²⁶⁶ Архив Дальнереченского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 364105)

²⁶⁷ Архив Дальнереченского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 356105); архив Надеждинского районного суда Приморского края за 2017 г. (уголовное дело № 11702050015000056).

Представляется, что органы следствия, являясь в соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ поднадзорными со стороны органов прокуратуры, куда входит и надзор за деятельностью при избрании мер пресечения²⁶⁸, не могут занимать противоречащую прокурору позицию.

Исходя из того, что следователь не преследует в уголовном процессе личный интерес, а публичный интерес представлен прокурором, что, исходя из судебной практики, исключает следователя из числа субъектов обжалования судебных решений²⁶⁹, позиция следователя и прокурора по существу заявленного ходатайства, по нашему мнению, должна быть идентичной.

Как справедливо указывает А.В. Руновский, еще в указании Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета при прокуратуре РФ от 16.12.2008 № 272/49/5/206 было отражено, что возникающие в суде разногласия между следователями и прокурорами дискредитируют сторону обвинения²⁷⁰.

В целях недопущения различных позиций поднадзорного и надзирающего органа по вопросам избираемой в судебном порядке меры пресечения полагаем, что единственным эффективным инструментом для обеспечения этой задачи будет являться необходимость дополнительного получения следователем, помимо согласия руководителя следственного органа, согласия прокурора, что должно найти отражение в виде соответствующей подписи на постановлении следователя.

Выслушав мнение всех сторон и заключение прокурора по существу заявленного ходатайства, суд приступает к исследованию представленных материалов, после чего в соответствии с ч. 7 ст. 108 УПК РФ, удалившись в совещательную комна-

---

²⁶⁸ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.02.2022).

²⁶⁹ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ч. 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: Практическое пособие / В.А. Давыдов [и др.]; под ред. В.М. Лебедева. Изд. 7-е, перераб. и доп. М., 2016. С. 277; Шадрин Е.Г. Институт судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования требует совершенствования // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 153.

²⁷⁰ Руновский А.В. Процессуальная роль следователя в уголовном суде // Российский следователь. 2012. № 2. С. 14.

ту, принимает решение по существу заявленного ходатайства и оглашает его сторонам.

Только в случае предоставления органами предварительного следствия полного объема материалов в обоснование заявленного ходатайства и его надлежащей мотивировки при наличии оснований избрания меры пресечения и учета обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, суд вправе избрать в отношении подозреваемого (обвиняемого) наиболее строгую меру пресечения в виде заключения под стражу.

В противном случае, когда цели применения меры пресечения возможно достичь применением ее более мягкого вида, суд, несмотря на позицию сторон и мнение прокурора, обязан инициативно избрать альтернативные заключению под стражу меры пресечения.

Фактически при принятии решения судья разрешает один конкретный вопрос: «содержание под какой мерой пресечения позволит обеспечить должное поведение подозреваемого (обвиняемого) в ходе предварительного следствия по уголовному делу?». При этом, поскольку заключение под стражу, являясь наиболее строгой мерой пресечения, в максимальной степени ограничивает права и свободы человека, отвечать на поставленный вопрос следует, примеряя к лицу меры пресечения от самой мягкой к более строгой.

Порядок их избрания возможен в следующих судебных ситуациях:

1. При отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов, заявленного в порядке ст. 108 УПК РФ, об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Опубликованные статистические сведения практики применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий убедительно показывают значительное превалирование количества случаев первой из них над остальными указанными видами, хотя нельзя не отметить заметный рост показателей избрания домашнего ареста с 2009 г., что, по нашему мнению, прямо связано с озвученным в Послании Президента РФ Федеральному

Собранию от 12.11.2009²⁷¹ курсом на либерализацию уголовно-правовой системы России.

Так, в 2010 г. с ходатайством следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды согласились в 148 689 случаях; в 2011 – в 135 850; в 2012 – в 132 923; в 2013 – в 133 311; в 2014 – в 133 755; в 2015 – в 140 457; в 2016 – в 121 796; в 2017 – в 113 260; в 2018 – в 102 165; в 2019 – в 94633, в 2020 – в 84 917; в 2021 г. – в 87 905 случаях²⁷²; соотношение количества удовлетворенных ходатайств от общего числа заявленных составило в 2010 г. – 89,93%; в 2011 – 89,35; в 2012 – 89,94; в 2013 – 90,69; в 2014 – 90,72; в 2015 – 91,05; в 2016 – 90,21; в 2017 – 89,68; в 2018 – 89,42; в 2019 – 89,23; в 2020 – 87,85; в 2021 г. – в 88,53 %, то есть в целом сохранялось на одном уровне (приложение 13).

На остальную долю процентов приходятся решения судов об отказе в избрании любой меры пресечения и решения об избрании альтернативных заключению под стражу видов мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста, принятые в порядке ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ.

Статистические сведения, опубликованные судебным департаментом при Верховном Суде РФ, свидетельствуют о поэтапном снижении количества отказов судов в избрании наиболее строгой меры пресечения, однако абсолютные показатели по-прежнему остаются значительными. Так, в 2010 г. суды отказали в удовлетворении ходатайств следственных органов, заявленных в порядке ст. 108 УПК РФ в 16 163 случаях; в 2011 – в 14 691; в 2012 – в 13 086; в 2013 – в 11 942, в 2014 – в 12183; в 2015 – в 12 260; в 2016 – в 11824; в 2017 – в 11 860; в 2018 – в 10 976, в 2019 – в 10 233; в 2020 – в 10 503; в 2021 г. – в 10 129 случаях²⁷³ (приложение 14).

Из указанного количества отказанных в удовлетворении ходатайств судами по собственной инициативе избраны меры пресечения в виде домашнего ареста и залога: в 2011 г. – 1345/447, что составило 12,20% от общего количества отказанных в удовлетворении судом ходатайств; в 2012 – 1508/347, что составило 14,17%; в 2013 –

---

²⁷¹ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2009. 13 нояб.

²⁷² Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

²⁷³ Там же.

2366/303, что составило 22,35%; в 2014 – 2632/327, что составило 24,29%; в 2015 – 3133/199, что составило 27,18%; в 2016 – 3611/189, что составило 32,14%; в 2017 – 4176/163, что составило 36,59%, в 2018 – 3918/138, что составило 36,95%, в 2019 – 3504/86²⁷⁴, что составило 35,08% (без учета показателей по запрету определенных действий), в 2020 – показатели избрания судом по собственной инициативе мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий составили – 3564/54/788²⁷⁵ (41,95%), в 2021 г. – 3549/71/1125 решений (приложение 5). Приведенные сведения указывают на сравнительно невысокую, однако постепенно увеличивающуюся инициативность суда в указанном вопросе.

И если сравнить количество указанных альтернативных заключению под стражу мер пресечения, избранных по инициативе органов предварительного следствия и избранных по инициативе суда, можно заметить, что процентное соотношение решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста по инициативе суда от общего количества решений об избрании данной меры пресечения за 2019–2021 гг. составляет 44,90%, в случае залога – 51,47%, и запрета определенных действий за 2020–2021 гг. – 37,51%, что свидетельствует о сопоставимом количестве решений о применении альтернативных заключению под стражу мер пресечения, принимаемых по ходатайству органов предварительного следствия и по инициативе суда (приложения 17–19).

Обращаясь к основаниям, которыми руководствовались судьи при принятии решений об отказе в избрании мер пресечения в виде заключения под стражу с одновременным избранием альтернативных мер пресечения, установлено, что в 60% случаев в обоснование принятых решений суды указывали на отсутствие «достаточных доказательств того, что лицо скроется от органов предварительного следствия, окажет давление на свидетелей и уничтожит доказательства по уголовному делу». Такой вывод, по нашему мнению, вполне логичен при принятии решения об отказе в избрании любого вида меры пресечения, но совершенно не допустим для избрания мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, поскольку отсутствие та-

---

²⁷⁴ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.10.2022).

²⁷⁵ Там же.

ких сведений или их неподтвержденность свидетельствуют об отсутствии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, для избрания даже самой лояльной из мер пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Напротив, совершенно обоснованными являются решения судов, составляющие 38,18% от общего количества проанализированных решений, в которых в качестве оснований для избрания альтернативной заключению под стражу меры пресечения указано на «возможность обеспечения надлежащего поведения лица посредством применения более мягкого ее вида».

Анализ категории уголовных дел и их тяжести, при рассмотрении которых судами принимались решения об отказе в удовлетворении ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в Приморском крае, показывает, что большинство подобных решений принимались по уголовным делам о должностных преступлениях, а также о преступлениях экономической и коррупционной направленности.

Напомним, что в настоящем исследовании приведены статистические данные, свидетельствующие, что суды при принятии решений об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу более склонны по собственной инициативе принимать решения об избрании альтернативных мер пресечения по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. По делам такой категории преступлений в 2021 г. суды в 3 668 случаях (АППГ – 3403) из 6 875 отказов в удовлетворении заявленных органами предварительного следствия ходатайств (АППГ – 7 049) избрали альтернативные меры пресечения, что составило 53,35% (АППГ – 48,28%). По уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести указанный показатель составил 29,95% (АППГ – 29,04%).

Такие выводы вполне согласуются с проведенным анализом, поскольку весь объем проанализированных выше уголовных дел о преступлениях экономической, коррупционной направленности относится к категории тяжких и особо тяжких.

Кроме того, следует признать, что в значительной степени при принятии решений об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения, суды исходят из таких обстоятельств, как: наличие у лица прочных социальных связей и

занимаемого им положения в обществе, а также достижение лицом совершеннолетия.

Обращаясь к проанализированным постановлениям следователей о возбуждении перед судом ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, в удовлетворении которых судами было отказано с избранием альтернативных видов мер пресечения, следует отметить, что только в 38,18% постановлений содержалось указание на невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения. Да и в указанных случаях следователи ограничивались лишь констатацией данного факта, не приводя соответствующих доводов.

В судебных решениях об избрании в качестве альтернативной заключению под стражу меры пресечения в виде домашнего ареста судьями допускаются аналогичные нарушения. Только в 9,09% своих решений об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избрании домашнего ареста суды указывали на невозможность избрания более мягкой меры пресечения, чем домашний арест.

Несмотря на то, что избираемый в данном случае домашний арест является более мягкой по отношению к заключению под стражу мерой пресечения, ч. 1 ст. 107 УПК РФ устанавливает, что домашний арест избирается при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

В связи с этим вывод о невозможности избрания более мягкой меры пресечения должен находить обязательное отражение в решении суда, отсутствие данного элемента является прямым нарушением требования, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а также п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, и должен влечь его отмену либо изменение в части вида избранной меры пресечения.

Статистические сведения, приведенные выше, свидетельствуют о явном преобладании случаев избрания домашнего ареста в качестве альтернативной заключению под стражу меры пресечения над залогом, что связано, в том числе, со значительным перечнем достаточно эффективных запретов, которые ранее могли быть возложены исключительно в рамках домашнего ареста.

При этом, анализируя виды налагаемых запретов из числа изученных судебных решений, следует отметить, что при избрании в качестве альтернативной за-

ключению под стражу меры пресечения в виде домашнего ареста судами в 94,55% случаях установлены все виды ограничений и запретов, ранее предусмотренных ч. 7 ст. 107 УПК РФ.

Имеющиеся различия относились к запрету на общение с определенными лицами, закрепленному в настоящее время в п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, при установлении которого суды либо копировали данную формулировку, запрещая общаться со всеми лицами, за исключением следователя, в производстве которого находится уголовное дело, защитника, сотрудников контролирующего органа, медицинских работников – в случае оказания ему медицинской помощи, а также лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым) в месте исполнения меры пресечения, либо формулировали его, как «запрет на общение с потерпевшими, свидетелями и иными участниками по уголовному делу за исключением следователя, ведущего производство по уголовному делу, и защитника».

Между тем, ч. 6 и 7 ст. 105.1 УПК РФ устанавливают, что подозреваемый или обвиняемый могут быть подвергнуты судом всем запретам либо отдельным из них с учетом данных о личности лица, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений. Данные положения указывают на необходимость индивидуального подхода в вопросах наложения запретов в каждом конкретном случае и обязанности аргументировать принятое решение. Аналогичное положение содержалось ранее в ч. 8 ст. 107 УПК РФ применительно к домашнему аресту.

О.В. Качалова, поддерживая позицию об обязанности органов предварительного следствия представлять суду убедительные данные, подтверждающие необходимость применения каждого запрета, приводит пример заявленного следователем ходатайства о наложении запрета на покидание постоянного места жительства в ночное время, на нахождение в местах проведения митингов и собрания, общение с участниками производства по уголовному делу, на отправку почтовых и телеграфных отправок и использование средств связи и сети Интернет. Рассмотрев заявленное ходатайство, суд не согласился с необходимостью наложения ограничений в виде запрета на покидание постоянного места жительства в ночное время и на

нахождение в местах проведения митингов и собраний²⁷⁶, отказав в наложении на обвиняемого данных запретов.

К сожалению, подобные примеры являются скорее исключениями из правил, чем стандартной практикой. Это связано с тем, что при рассмотрении в судебном заседании ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу сторона защиты совершенно обоснованно делает упор на доказывание позиции о возможности применения более мягкой меры пресечения, а не на виды запретов, которые следует или не следует применять в данном случае. Сторона обвинения, напротив, аргументирует свою позицию по существу заявленного ходатайства, в связи с чем при принятии судом решения о возможности применения в конкретном случае альтернативной заключению под стражу меры пресечения вопрос о видах запретов, которые следует наложить на подконтрольное лицо, остается не исследованным.

Между тем, данный аспект крайне важен. Так, для лица, обучающегося в учебном заведении, подлежащим разрешению является вопрос о возможности посещения учебного заведения, использования телекоммуникационной сети Интернет для выполнения заданий, полученных в связи с обучением и т. д.

Полагаем, что если такой вопрос не нашел своего отражения в речи стороны защиты в ходе судебного заседания, судья, приняв решение об избрании альтернативной заключению под стражу меры пресечения, должен самостоятельно выяснить у участвующих лиц сведения, которые позволят ему принять обоснованное решение о видах налагаемых на подозреваемого (обвиняемого) запретов.

Та же рекомендация относится и к вопросу о виде и размере залога, в случае, если судья посчитает возможным избрать данную меру пресечения. Поскольку п. 3.4. Токийских правил устанавливает необходимость получения «согласия правонарушителя» в случаях избрания мер пресечения, «не связанных с тюремным заключением и накладывающим какое-либо обязательство»²⁷⁷, судье в ходе судебного за-

---

²⁷⁶ Качалова О.В. Ограничения при запрете определенных действий должны быть обоснованными // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 9.

²⁷⁷ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

седания надлежит выяснить у подозреваемого (обвиняемого) его отношение к возможности избрания в отношении него меры пресечения в виде залога.

При избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения следует обращать внимание на необходимость установления срока их применения. Так, при избрании домашнего ареста и залога срок применения данных мер пресечения, исходя из положений статей 106, 107 УПК РФ, устанавливается в обязательном порядке, при применении меры пресечения в виде запрета определенных действий – такой срок устанавливается только в случае возложения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Иные случаи избрания запрета определенных действий не требуют установления сроков их применения, и данная мера пресечения действует до ее отмены или изменения.

2. При отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов, заявленного в порядке ст. 107 УПК РФ, об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.

Положения ч. 5 ст. 107 УПК РФ предусматривают возможность избрания судом по собственной инициативе в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий или залога при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, а также с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ.

Такой порядок до недавнего времени был слабо востребован в практической деятельности, что связано с невысоким уровнем избрания домашнего ареста как меры пресечения, а также его вариативностью в виде возможности как полной, так и частичной изоляции от общества, что делало данную меру пресечения достаточно либеральной в сравнении с содержанием под стражей.

С принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, определившего домашний арест как «изоляцию от общества в жилом помещении»²⁷⁸ и выделившего

---

²⁷⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Рос. газета. 2018. 20 апр.

его либеральную форму в виде отдельной меры пресечения в виде запрета определенных действий, указанный порядок станет более востребованным.

При рассмотрении ходатайства следственных органов об избрании домашнего ареста суду следует устанавливать наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости максимальной изоляции лица от общества и в случае обратного – применять его либеральную форму в виде запрета определенных действий либо залог. При этом залог может быть как наиболее лояльной из альтернативных домашнему аресту мерой пресечения (в случае отсутствия установленных в порядке ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ в его рамках запретов, предусмотренных п. 1–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), так и более суровой – при наличии таковых.

Анализ статистических сведений за 2019–2021 гг. (ранее данный учет Судебным департаментом при Верховном Суде РФ не велся) позволяет сделать вывод, что избрание залога как альтернативной меры пресечения при отказе в удовлетворении ходатайства органов предварительного расследования об избрании домашнего ареста, применялось крайне редко, всего в 2 случаях в 2019 г., в 5 – в 2020 и 4 случаях в 2021 г.

Отдельно следует заметить, что ст. 106 УПК РФ не содержит аналогичных ч. 7.1 ст. 108 и ч. 5 ст. 107 УПК РФ положений, предусматривающих избрание более мягкой меры пресечения.

Как указывалось ранее, это, на наш взгляд, связано с неверно определенным местом запрета определенных действий в системе мер пресечения, поскольку по характеру запретительных мер и, соответственно, своей строгости, данная мера пресечения по иерархической структуре должна располагаться выше меры пресечения в виде залога, но ниже домашнего ареста.

Наш вывод подтверждается и особой согласительной основой залога со стороны лица, к которому данная мера пресечения применяется. Поскольку п. 3.4. Токийских правил устанавливает необходимость получения «согласия правонарушителя» в случаях избрания мер пресечения, «не связанных с тюремным заключением и

накладывающим какое-либо обязательство»²⁷⁹, следовательно, обращаясь в суд с ходатайством об избрании залога, фактически должен располагать предварительным согласием залогодателя внести залог. А поскольку волеизъявление стороны обвинения и защиты относительно вида применяемой меры пресечения совпадают, суд фактически не имеет конкретных оснований не согласиться с ходатайством следователя и применить более мягкую меру пресечения – в данном случае запрет определенных действий. Тем более, что фактическое ограничительное воздействие меры пресечения, предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ, по своему содержанию является гораздо более строгим, чем содержательная составляющая залога в виде имущественного обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого).

3. При отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов, заявленного в порядке ст. 109 УПК РФ, о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает основания и порядок продления срока содержания лица под стражей. В соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ срок содержания под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца.

В случае невозможности закончить предварительное следствие до 2 месяцев ч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ предусматривают возможность продления срока содержания под стражей: на срок до 6 месяцев при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения, на срок до 12 месяцев – в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и наличии оснований предусмотренных ст. 97 УПК РФ, на срок до 18 месяцев – в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Содержание под стражей свыше 18 месяцев, как справедливо отмечает А.С. Червоткин, возможно либо в судебных стадиях, либо на

---

²⁷⁹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

стадии предварительного следствия в случае, вызванном необходимостью ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела²⁸⁰.

Из диспозиции указанной статьи следует, что закон предъявляет 2 условия для продления срока содержания под стражей до 6 месяцев – невозможность закончить предварительное следствие и отсутствие оснований для изменения или отмены меры пресечения, 3 условия для продления срока до 12 месяцев – наличие предъявленного лицу обвинения в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, особая сложность уголовного дела и наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и 2 условия для продления срока до 18 месяцев – наличие предъявленного лицу обвинения в совершении особо тяжкого преступления, исключительный случай заявленного ходатайства.

Следует признать, что подобная конструкция формулирования условий для продления является не очень удачной. Непонятным является указание законодателем условия для продления срока содержания под стражей до 12 месяцев в виде наличия оснований для избрания данной меры пресечения и неуказание его в условиях для продления до 6 и 18 месяцев. Совершенно очевидно, что основания для избрания меры пресечения должны сохраняться на всем протяжении срока применения любой из мер пресечения. Условие в виде отсутствия оснований для изменения или отмены меры пресечения, указанное в качестве обязательного при принятии решения о продлении срока содержания под стражей до 6 месяцев, не нашло своего отражения в положениях, регулирующих вопросы продления срока содержания под стражей до 12 и 18 месяцев.

Верховный Суд РФ отчасти исправил указанные недостатки, обязав суд при рассмотрении вопросов о продлении срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу: обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по уголовному делу; а также проверять наличие предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами, и учитывать обстоятельства, указанные

---

²⁸⁰ Червоткин А.С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 66–67.

в ст. 99 УПК РФ, и другие обстоятельства, обосновывающие продление срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу²⁸¹.

Однако, несмотря на урегулирование указанных вопросов Верховным Судом РФ, полагаем, что конструкция ст. 109 УПК РФ должна быть приведена в соответствие с положениями, регулирующими порядок избрания и продления сроков содержания лиц под стражей.

Нарекание вызывало и отсутствие в ст. 109 УПК РФ положений, закрепляющих возможность изменения избранной меры пресечения на более мягкую при продлении сроков ее применения. При наличии указанных разъяснений в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 ч. 8 ст. 109 УПК РФ подобного указания не содержала, закрепляя, что по результатам рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей судья принимает одно из двух решений: о продлении срока содержания под стражей и об отказе в его удовлетворении.

Только Федеральным законом от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁸² подобный пробел был устранен, и в п. 2 ч. 8 ст. 109 УПК РФ нашло отражение право суда при отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей применить в отношении обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

Требование, отраженное в п. 3 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ об обязанности обсуждения возможности применения более мягкой меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, еще раз указывает на позицию высшего судебного органа о необходимости проявления инициативной роли судов в процессе принятия вышеуказанных решений.

В этом аспекте В.А. Виноградов указывает, что из 47 проанализированных судебных решений о продлении срока содержания под стражей в 30 их них сторона

---

²⁸¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (пункты 3, 21) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

²⁸² О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ // Рос. газета. 2019. 7 авг.

защиты не уделяла внимания и суд не обсуждал возможности применения более мягкой меры пресечения, указывая на недопустимость подобного подхода²⁸³.

Толковый словарь трактует понятие «обсудить» как «разобрать, оценить, высказывая свои соображения по поводу чего-нибудь»²⁸⁴. Полагаем, что в практическом виде это должно выглядеть, как анализ отраженных в соответствующем постановлении органа предварительного расследования доводов об отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения либо в виде постановки судом стороне обвинения в лице следователя, поддерживающего ходатайство, или прокурора вопросов о причинах, по которым они полагают невозможным применить более мягкую меру пресечения.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 постановления от 19.12.2013 № 41 указывает, что при продлении срока содержания под стражей обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока применения данной меры пресечения.

В ходе проведения круглого стола в январе 2016 г. в Российском государственном университете правосудия заместитель Председателя Верховного Суда РФ, председатель Судебной коллегии по уголовным делам В.А. Давыдов указал, что продлить срок применения меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть сложнее, чем удовлетворить первоначальное ходатайство следователя об ее избрании²⁸⁵.

Так, наличие обоснованного подозрения в совершении лицом конкретного преступления, как и тяжесть предъявленного обвинения, в совокупности с иными основаниями могут быть необходимым условием для заключения лица под стражу на первоначальном этапе расследования, однако по истечении времени они перестают быть достаточным.

Как и в случае с рассмотрением вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, при решении вопроса о продлении срока его применения

---

²⁸³ *Виноградов В.А.* Кто и как должен обосновывать продление содержания под стражей // Уголовный процесс. 2017. № 4. С. 30.

²⁸⁴ Толковый словарь С.И. Ожегова // URL: <http://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17861> (дата обращения: 24.07.2020).

²⁸⁵ Применение мер пресечения уточнят // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 7.

Верховный Суд указывает на недостаточность тяжести предъявленного обвинения для вывода о намерениях лица скрыться от органов предварительного следствия и необходимость анализировать иные значимые обстоятельства, такие как результаты расследования или судебного разбирательства, личность подозреваемого, обвиняемого, его поведение до и после задержания и другие конкретные данные, указывающие на возможность препятствования производству по уголовному делу²⁸⁶.

В практике Европейского суда по правам человека данный вопрос находит аналогичное разрешение. Так, признавая обоснованным содержание обвиняемого под стражей в деле «Шикута (Shikuta) против Российской Федерации» по причине того, что обвиняемый занимал высокопоставленную должность в органах милиции, знаком с участниками процесса, а также предпринял попытку дать взятку сотруднику милиции за служебную информацию об уголовном деле и освобождение предполагаемого сообщника²⁸⁷, при рассмотрении иных дел, суд указывал на обоснованность риска воспрепятствования производству по уголовному делу на начальных этапах расследования и уменьшение такого риска с проведением основного объема следственных действий и получением доказательств²⁸⁸, а также на несостоятельность риска воспрепятствования производству по уголовному делу, если обвиняемый длительное время знал о факте расследования уголовного дела и не предпринимал попыток с целью воспрепятствования²⁸⁹.

Согласно статистическим сведениям судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2010 г. суды согласились с ходатайствами следователей о продлении срока содержания под стражей в 182 060 случаях при 3 366 случаях отказов в удо-

---

²⁸⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 21) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

²⁸⁷ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Шикута (Shikuta) против Российской Федерации» от 11.04.2013 (жалоба № 45373/05) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022).

²⁸⁸ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Яжинский (Jarzynski) против Польши» от 04.10.2005 (жалоба № 15479/02) // URL: <http://www.refworld.org.ru/pdfid/51f245e70.pdf> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁸⁹ См.: постановление Европейского суда по правам человека по делу «Бузаджи (Buzadji) против Республики Молдова» от 05.07.2016 (жалоба № 23755/07) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.06.2022).

влетворении, что составило 98,18 и 1,82% соответственно от общего объема рассмотренных судами ходатайств, в 2011 г. данные показатели соотносились как 176840/2877 (98,40/1,60%); в 2012 – 195234/2590 (98,69/1,31%); в 2013 – 203537/2515 (98,78/1,22%); в 2014 – 207363/2570 (98,78/1,22%); в 2015 – 226875/2568 (98,88/1,12%); в 2016 – 223306/3578 (98,42/1,58%); в 2017 – 209805/3754 (98,24/1,76%); в 2018 – 211210/4018 (98,13/1,87%); в 2019 – 211248/4761 (97,80/2,20%); в 2020 – 194895/4476 (97,75/2,25%); в 2021 – 196519/3984 (98,01/1,99%)²⁹⁰.

Из количества отказанных в удовлетворении ходатайств судами по собственной инициативе избраны меры пресечения в виде домашнего ареста и залога: в 2013 г. – 615/174, что составило 31,37% от общего количества отказанных в удовлетворении судом ходатайств; в 2014 – 892/198, что составило 42,41%; в 2015 – 925/104, что составило 40,07%; в 2016 – 1525/120, что составило 45,97%; в 2017 – 1635/113, что составило 46,56%; в 2018 – 1757/68, что составило 45,42%; в 2019 – 1956/92, что составило 43,02%; в 2020 г. зафиксировано 1859/38/343 случаев избрания домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, что составило 50,04%, в 2021 г. – 1711/26/393 случаев²⁹¹, что составило 53,46% (приложение 20).

Приведенные данные свидетельствуют о невысоких процентных и количественных показателях решений судов об отказе в удовлетворении ходатайств следственных органов о продлении сроков содержания под стражей, однако при их принятии почти в половине случаев суды склонны применять альтернативные виды мер пресечения, подавляющее большинство из которых приходится на домашний арест.

В разрезе относительно степени тяжести преступного деяния эти показатели выглядят следующим образом. Так, по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях количество отказов в удовлетворении ходатайств о продлении срока действия данной меры пресечения по которым за 2019 г. составило 3785, суд в 1 694 случаях по собственной инициативе избирал альтернативные меры пресечения, что составило 44,76%. По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести количество та-

---

²⁹⁰ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

²⁹¹ Там же.

ких отказов составило 976 при 354 случаях инициативного избрания судом домашнего ареста или залога, что составило 36,27%.

В 2020 г. по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях количество отказов в удовлетворении ходатайств о продлении срока содержания под стражей составило 3618, суд в 1932 случаях по собственной инициативе избирал альтернативные меры пресечения, что составило 53,40%. По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести количество таких отказов составило 858 при 308 случаях инициативного избрания судом домашнего ареста или залога, что составило 35,90%.

В 2021 г. по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, количество отказов в удовлетворении ходатайств о продлении срока содержания под стражей составило 3206, суд в 1858 случаях по собственной инициативе избирал альтернативные меры пресечения, что составило 57,95%. По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести количество таких отказов составило 778 при 278 случаях инициативного избрания судом домашнего ареста или залога²⁹², что составило 35,73%.

Из приведенных данных достаточно отчетливо видно, что альтернативные меры пресечения при отказе судов в продлении срока содержания под стражей применяются в подавляющем большинстве по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – за 2019–2021 гг. 44,76; 53,40; 57,95% соответственно. В случае с избранием данных мер пресечения по делам небольшой и средней тяжести показатели составили 36,27% в 2019 г.; 35,90 – в 2020; 35,73% – в 2021 г.

Такая процентная разница, по нашему мнению, обусловлена признанием судов необходимости применения к подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Помимо этого, Верховным Судом РФ указано на необходимость оценки судом эффективности организации расследования уголовного дела, отсутствие которой может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей и избрании альтернативных мер пресечения. Так, «в случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости вы-

---

²⁹² Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

полнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, суду надлежит выяснять причины, по которым они не были произведены. ... Сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей»²⁹³. При этом, на возможность продления срока содержания под стражей на меньший срок, нежели испрашивает следователь, Верховный Суд РФ не ориентирует, однако на практике такие решения нередко принимаются²⁹⁴.

Европейский суд по правам человека также дифференцированно подходит к решению данного вопроса. Так, при рассмотрении одного из дел суд признал обоснованным и разумным содержание лица под стражей более 4 лет, поскольку расследуемое преступление относилось к категории экономических, было сопряжено с преднамеренным банкротством и подделкой документов, в рамках расследования исследовалась деятельность порядка 60 фирм, было допрошено более 350 свидетелей, в том числе постоянно находившихся за рубежом, сам же обвиняемый имел гражданство нескольких стран, обладал значительным капиталом, в том числе в зарубежных банках, и не имел семьи²⁹⁵.

При рассмотрении жалобы по делу об обвинении в вооруженном нападении на бакалейный магазин 17-летнего гражданина Турции его содержание под стражей в течение 48 суток было признано необоснованным, поскольку предварительное заключение несовершеннолетних должно допускаться только в качестве исключительной меры пресечения, а сама по себе доказательная база не оправдывает продолжительности содержания лица под стражей²⁹⁶.

---

²⁹³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 22) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

²⁹⁴ *Бастрыкин А.И.* Статья 109 УПК РФ: вопросы применения // Уголовное право и процесс. 2010. № 3. С. 76.

²⁹⁵ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «W. Против Швейцарии» от 26.01.1993 (жалоба № 14379/88) // URL: <http://www.europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-sudana-russkom-yazyke/w-protiv-shvejcarii-postanovlenie-evropejskogo-suda> (дата обращения: 22.06.2021).

²⁹⁶ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Нарт (Nart) против Турции» от 06.05.2008 (жалоба № 20817/04) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.06.2021).

Проведенный анализ уголовных дел, по которым принимались решения об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения при продлении сроков применения последней, показывает, что суды уделяют внимание вопросам выполнения основного объема следственных действий при рассмотрении соответствующих ходатайств. Так, из всего количества такого рода решений в 16,67% случаев суды мотивировали свой отказ выполнением основного объема следственных действий по уголовному делу, что указывало, в свою очередь, на несостоятельность доводов следствия о возможности лица оказать давление на потерпевших и свидетелей и уничтожить доказательства по уголовному делу.

Относительно сроков принятия судами решений об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на иные альтернативные виды мер пресечения установлено, что 75% из них приняты при рассмотрении вопросов о продлении срока содержания под стражей от 2 до 6 месяцев, 16,67% – пришлось на период с 6 до 12 месяцев и 8,33% – свыше 12 месяцев.

Как отмечает О.В. Качалова, самым коротким сроком содержания под стражей по делам, рассмотренным Европейским судом по правам человека, лиц против Российской Федерации, который признан необоснованно длительным, явился срок в 7 месяцев 20 суток по делу «Жеребин против Российской Федерации» от 24.03.2016 (жалоба № 51445/09)²⁹⁷.

Как и в случае с избранием домашнего ареста при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в рассматриваемой ситуации суды также были склонны устанавливать весь объем ограничений и запретов, ранее предусмотренных в ч. 7 ст. 107 УПК РФ, что также объяснимо, на наш взгляд, приоритетной задачей сторон доказать необходимость применения заявленного ими вида меры пресечения, а не условий их применения.

4. При отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов о продлении срока содержания обвиняемого под домашним арестом.

Возможность изменения меры пресечения в виде домашнего ареста на залог или на запрет определенных действий при продлении сроков применения первой из

---

²⁹⁷ Качалова О.В. Какой срок содержания под стражей можно считать обоснованным // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 8.

них в ст. 107 УПК РФ прямо не закреплена. Однако часть вторая указанной статьи определяет, что порядок продления сроков применения меры пресечения в виде домашнего ареста производится по правилам ст. 109 УПК РФ, регламентирующей процедуру продления сроков содержания под стражей.

Федеральным законом от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в ст. 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁹⁸ ч. 8 ст. 109 УПК РФ была изменена, и в п. 2 нашло отражение право судьи по собственной инициативе при отказе в удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей избрать при наличии оснований и с учетом обстоятельств, учитываемых при избрании мер пресечения, меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

Таким образом, указанные положения распространяют свое действие и применительно к процедуре рассмотрения ходатайств следственных органов о продлении срока содержания под домашним арестом, позволяя суду по собственной инициативе, отказывая в продлении срока действия меры пресечения в виде домашнего ареста, избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога.

В п. 42.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 также нашло отражение рекомендация о необходимости обсуждения судами при рассмотрении вопроса о продлении срока применения наиболее строгих мер пресечения возможности применения залога, в том числе с установлением одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. При этом, согласно рекомендациям Пленума, суд не ограничен в своем праве вынести данный вопрос на обсуждение сторон по своей инициативе.

Не совсем понятным остается вопрос о причинах указания Верховным Судом РФ возможности применения судом по собственной инициативе залога как более мягкой меры пресечения, в том числе с установлением запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и отсутствие при этом рекомендаций применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ, которая, по смыслу законодателя, является более мягкой, нежели залог.

---

²⁹⁸ О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ // Рос. газета. 2019. 7 авг.

Несмотря на некоторую законодательную неурегулированность вопроса применения более мягкой меры пресечения при рассмотрении ходатайства следственных органов о продлении срока содержания под домашним арестом до 2019 г., в практической деятельности суды, по аналогии с заключением под стражу, данный вопрос рассматривали, о чем свидетельствуют принятые решения.

Официальные статистические данные о количестве подобных решений Судебным департаментом при Верховном Суде РФ ведутся только с 2019 г., но с учетом приведенных в настоящем исследовании низких показателей применения меры пресечения в виде залога и первой апробации меры пресечения в виде запрета определенных действий, можно спрогнозировать, что количество судебных решений рассматриваемого вида будет также крайне незначительным.

Так, в 2019 г. при отказе в удовлетворении ходатайств о продлении срока содержания под домашним арестом суды избирали залог в 17 случаях, в 2020 г. – 22, в 2021 г. – 14 раз²⁹⁹.

В проанализированных материалах судебной практики есть яркий пример решения об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста на денежный залог в размере 1 000 000 рублей, принятое в 2015 г. в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, и содержащегося под домашним арестом 2 месяца. В его обоснование суд указал на *«непредоставление достоверных доказательств возможности и намерений лица скрыться от следствия и суда, угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу»*³⁰⁰.

Как указывалось ранее, такой вывод вполне допустим при принятии решения об отказе в продлении срока действия меры пресечения, но не для избрания другой, даже более мягкой из них, поскольку отсутствие таких сведений или их неподтвержденность свидетельствует об отсутствии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

---

²⁹⁹ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 21.04.2022).

³⁰⁰ Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2015 г. (уголовное дело № 315329).

В данном аспекте также вызывает интерес наличие судебной практики изменения судами мер пресечения на виды, для избрания которых уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрен судебный порядок. Так, в 2016 г. Дальнереченским районным судом Приморского края *при рассмотрении ходатайств следственных органов о продлении срока содержания под домашним арестом трех лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 258.1 УК РФ, расследуемого по факту покушения на продажу производного особо ценного дикого животного, принадлежащего к виду, занесенному в Красную книгу, судом отказано в удовлетворении заявленного ходатайства и постановлено «меру пресечения домашний арест изменить на меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении»*³⁰¹.

О возможности избрания такого вида мер пресечения указывает в своем обзоре и Верховный Суд РФ, отмечая: «в ряде случаев, отказывая в заключении под стражу и применяя иную, более мягкую, меру пресечения, суды избирали меры пресечения, для применения которых не требуется судебного решения, например подписку о невыезде и надлежащем поведении»³⁰². Так, «апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16.01.2015 мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная 29.12.2014 Усть-Алданским районным судом в отношении Б., 1993 г.р., подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, изменена на подписку о невыезде по причине того, что судом первой инстанции не дано должной оценки совокупности сведений о личности подозреваемого Б., который ранее не судим, по месту жительства характеризуется положительно, зарегистрирован и проживает с родителями, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался, вину признает, в содеянном раскаивается»³⁰³.

Выше указывалось, что ст. 106 УПК РФ не содержит аналогичных ч. 7.1 ст. 108 и ч. 5 ст. 107 УПК РФ положений, предусматривающих избрание более

---

³⁰¹ Архив Дальнереченского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 327005).

³⁰² Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // URL: <http://www.vsrf.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

³⁰³ Там же.

мягкой меры пресечения, хотя запрет определенных действий, исходя из системного толкования ст. 98 УПК РФ, является более мягкой мерой пресечения, чем залог.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 19.12.2013 № 41 данный вопрос затрагивает и в п. 51.1 указывает, что запрет определенных действий является наиболее мягкой из мер пресечения, избираемых только судом, в связи с чем при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде залога суду следует обсудить со сторонами возможность применения запрета определенных действий как альтернативы более строгой мере.

Ранее аргументировалось наше мнение о неверном определении места запрета определенных действий в общей иерархии мер пресечения по причине ее большей строгости по отношению к залого, выраженной в превалировании по своей строгости ограничительных мер личных прав над ограничением прав имущественных.

Думается, именно по этой причине отсутствуют практические примеры избрания запрета определенных действий вместо применяемой меры пресечения в виде залога.

Несколько выше указывалось о третьем виде инициативы при избрании мер пресечения, выделяя инициативу стороны защиты. Относительно недавние изменения ст. 106 УПК РФ, в результате которых мера пресечения в виде залога получила более детальное законодательное закрепление³⁰⁴, породили противоречивую практику применения положений ч. 2 указанной статьи относительно права стороны защиты самостоятельно обратиться в суд с ходатайством об изменении ранее избранной подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения.

Часть 2 ст. 106 УПК РФ гласит, что ходатайствовать о применении залога перед судом вправе подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо. Ходатайство о применении залога подается в суд по месту производства предварительного расследования и обязательно для рассмотрения судом наряду с ходатайством следователя, дознавателя об избрании в отношении того же подозреваемого либо обвиняемого иной меры пресечения, если последнее поступит.

---

³⁰⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.09.2021).

Буквальное толкование вышеизложенного позволяет двояко трактовать данную статью. С одной стороны, ее можно понимать, как обязанность суда рассмотреть данное ходатайство исключительно наряду с ходатайством следователя, если последнее поступит, в противном случае нет и оснований для его рассмотрения. С другой стороны – как обязанность рассмотреть его независимо от наличия ходатайства следователя.

Ранее действующая редакция ст. 106 УПК РФ не содержала подобного положения и, соответственно, позволяла изменить меру пресечения на залог при продлении срока содержания под стражей (домашнего ареста) или избрать ее как альтернативу вышеуказанным более строгим мерам пресечения при рассмотрении соответствующего ходатайства органов предварительного расследования.

К сожалению, Верховный Суд РФ не дал рекомендаций по применению указанного положения статьи в своем постановлении Пленума от 19.12.2013 № 41 или в обзорах практики деятельности судов, в связи с чем суды, в подавляющем большинстве случаев, склонны придерживаться первого указанного варианта толкования данной нормы.

Результаты анкетирования следователей Следственного комитета РФ показали аналогичные выводы – только 4% следователей (следственные управления по Приморскому краю и Смоленской области) указали на наличие в их регионах практики рассмотрения судами ходатайств стороны защиты об изменении мер пресечения без поступивших в суд ходатайств следственных органов.

Анализом судебной практики установлено отсутствие случаев изменения меры пресечения с более строгой на залог по ходатайству стороны защиты, однако не следует относить это к некоей устойчивой позиции по данному вопросу, а скорее, как указано ранее, – к низким статистическим показателям применения залога в целом.

Вместе с тем имеются случаи изменения меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест, которые рассматривались судами на основании поступивших в суд ходатайств стороны защиты без наличия каких-либо ходатайств органов следствия, принятых судом к производству, по всей видимости, по аналогии закона (ч. 2 ст. 106 УПК РФ).

Так, при рассмотрении 20.12.2014 Ленинским районным судом г. Владивостока соответствующего ходатайства стороны защиты судья пришел к выводу об изменении существенных обстоятельств, послуживших основанием для избрания меры пресечения, и постановил «ходатайство адвоката Г. об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест в отношении обвиняемой Р. – удовлетворить». Определяя срок действия новой меры пресечения, суд исходил «из ранее установленного судом срока содержания Р. под стражей»³⁰⁵ и посчитал необходимым окончание срока меры пресечения оставить без изменения.

Аналогичным образом 20.07.2014 Ленинским районным судом г. Владивостока рассмотрено ходатайство защитников обвиняемого А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Решением суда установлено, что «19.07.2014 в порядке ст. 91-92 УПК РФ А. был задержан по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 4 УК РФ. 21.07.2014 Ленинским районным судом г. Владивостока в отношении подозреваемого А. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. ... На настоящий момент А. дал показания об обстоятельствах расследуемого преступления и лицах, причастных к его совершению, ему предъявлено обвинение по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ... Учитывая, что обстоятельства, в силу которых в отношении А. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, изменились, суд находит возможным принять решение об изменении в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу на меру пресечения в виде домашнего ареста»³⁰⁶.

Таким же образом при рассмотрении 14.01.2015 Ленинским районным судом г. Владивостока аналогичного ходатайства стороны защиты суд постановил «ходатайство защитника А. в интересах обвиняемого К. об изменении избранной в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу на меру пресечения в виде домашнего ареста – удовлетворить», в данном случае примечательным являлось то, что прокурор, участвующий в данном процессе, возражал против удовлетворения данного ходатайства, настаивая, что «вопреки доводам защитника и

---

³⁰⁵ Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2014 г. (уголовное дело № 308921).

³⁰⁶ Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2014 г. (уголовное дело № 456712).

утверждениям следователя никакие существенные обстоятельства, послужившие основанием для избрания в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при продлении судом 30.12.2014 срока ее действия, не изменились и не отпали»³⁰⁷.

12.12.2016 Партизанским районным судом Приморского края рассмотрено ходатайство защитника Я. об изменении меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест в интересах обвиняемого М., в ходе которого установлено, что «02.12.2016 срок содержания М. под стражей продлен до шести месяцев, то есть до 05.01.2017 ... учитывая, что М. предъявлено окончательное обвинение, а также мнение прокурора и следователя, не возражавших против изменения меры пресечения на домашний арест»³⁰⁸, суд также удовлетворил ходатайство защитника.

Как видно из вышеизложенного, все приведенные ходатайства защитников обвиняемых поступили в суд не в процессе рассмотрения соответствующего ходатайства следователя, а исключительно по инициативе стороны защиты. При этом представители следственных подразделений, в отличие от принимающего участие в процессе по уголовному делу № 741415 прокурора, во всех приведенных случаях поддержали ходатайство об изменении меры пресечения на более мягкую.

Выработке единой позиции следственных органов и стороны защиты по вопросу применяемой меры пресечения в данных случаях может способствовать позиция обвиняемого по уголовному делу, выраженная в сообщении правдивых показаний по существу расследования, выдаче интересующих предметов и документов, изобличении иных участников преступной деятельности и других активных действиях, направленных на установление обстоятельств уголовного дела.

Договоренность о совершении таких действий на практике достигается как в устной форме между лицом, осуществляющим предварительное следствие по уголовному делу, и стороной защиты, так и в процессуальной форме, к примеру в виде

---

³⁰⁷ Архив Ленинского районного суда г. Владивостока за 2015 г. (уголовное дело № 741415).

³⁰⁸ Архив Партизанского районного суда Приморского края за 2016 г. (уголовное дело № 931120).

выполнения обязательств по заключенному в порядке гл. 40.1 УПК РФ досудебному соглашению о сотрудничестве.

Такая двоякая интерпретация смысла ч. 2 ст. 106 УПК РФ породила противоречивую практику применения. В связи с этим, выделась насущная потребность ее скорейшего изменения и приведения в вид, не допускающий различного толкования, что и было сделано законодателем³⁰⁹.

На наш взгляд, предоставление подобной инициативы стороне защиты являлось неоправданным, поскольку в уголовно-процессуальном законе предусмотрено достаточное количество «контрольных срезов» в виде принятия решения об избрании меры пресечения, продления сроков их применения, в рамках которых соответствующие доводы стороны защиты принимаются во внимание. Кроме того, подобные инициативные меры могут привести к злоупотреблениям со стороны обвиняемых и их защитников в части чрезмерного объема и частоты подаваемых ходатайств об изменении меры пресечения.

Итак, на основе действующего уголовно-процессуального законодательства выделены судебные ситуации, в рамках которых возможно проявление инициативной роли суда на избрание альтернативных видов мер пресечения: при отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, а также при рассмотрении ходатайств о продлении срока применения данных видов мер пресечения. При этом следует отдельно выделять судебную ситуацию о продлении срока применения залога с установленными ограничениями в виде запрета на выход за пределы жилого помещения, в рамках которой законодателем до настоящего времени не установлена возможность применения более мягкой, по мнению законодателя, меры пресечения в виде запрета определенных действий. На наш взгляд, такая дилемма связана с неверно определенным местом запрета определенных действий в системе мер пресечения, поскольку по характеру запретительных мер и, соответственно, своей строгости данная мера пресечения является более строгой, чем залог.

---

³⁰⁹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 07.10.2022 № 383-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.12.2022).

Несмотря на то, что за период с 2019 по 2021 г. удельный процент удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста от общего числа судебных решений об избрании мер пресечения составил 1,93; 0,12 и 6,75%, что по-прежнему не позволяет признать наличие в российской уголовно-процессуальной практике действенной альтернативы заключению под стражу, процент инициативного принятия судами решений об избрании указанных мер пресечения при отказе в удовлетворении ходатайств органов предварительного следствия о применении заключения под стражу возрос с 12,20% в 2011 г. до 46,85% в 2021 г., что позволяет говорить о возрастающей роли суда при решении вопроса об избрании наиболее строгого вида из мер пресечения.

Вместе с тем сосредоточение сторон на доказывании суду необходимости применения конкретного вида меры пресечения приводит к тому, что вопрос о видах налагаемых запретов при избрании судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения остается без обсуждения, в связи с чем в 94,55% случаях суды склонны устанавливать все виды запретов, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не индивидуализируя их к конкретному подозреваемому (обвиняемому), роду его занятий и потребностям.

Проведенный анализ показал несовершенство модели взаимодействия между поднадзорным (в лице следователя) и надзирающим (в лице прокурора) органами в вопросах избрания мер пресечения и продления срока их применения. В целях недопущения различных позиций указанных органов по вопросам применяемой меры пресечения, что негативно влияет на эффективность всего уголовного судопроизводства, полагаем необходимым внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство об обязательности получения следователем помимо согласия руководителя следственного органа согласия прокурора для избрания в судебном порядке меры пресечения и продления срока ее применения, что должно найти отражение в виде соответствующей резолюции на постановлении следователя.

Глава 3. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЗАЛОГА И ДОМАШНЕГО АРЕСТА

§ 1. Применение меры пресечения в виде залога, проблемы повышения его эффективности

Уголовно-процессуальное законодательство, разделяя понятия «избрание меры пресечения» (п. 13 ст. 5 УПК РФ), под которым понимает процедуру, связанную с принятием решения о конкретном виде меры пресечения, и «применение меры пресечения» (п. 29 ст. 5 УПК РФ), которым определило процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения, фактически указывает нам на двухступенчатый характер отношений, складывающийся по их поводу.

Первым звеном в нем выступают отношения, связанные с принятием окончательного решения о применении конкретной меры пресечения, оформленного в соответствии с требованиями УПК РФ, а вторым – отношения, связанные с исполнением данной меры пресечения вплоть до ее изменения или отмены.

Формулируя категорию «применение меры пресечения» через понятие «процессуальные действия», которое также раскрыто в п. 32 ст. 5 УПК РФ, законодатель приводит нас к следующему определению – «действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством, осуществляемое с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения».

Вопрос о применении мер пресечения в юридической литературе традиционно рассматривается с двух позиций: общие вопросы регулирования их применения, а также частные аспекты, связанные со спецификой отдельных стадий уголовного процесса. Применительно к залому С.И. Вершинина разделяет эти направления как общие и специальные аспекты его форм³¹⁰. А.С. Фокин в своей работе подразделяет

---

³¹⁰ Вершинина С.И. Указ. соч. С. 91.

процедуру применения залога: к первичной мере пресечения и вторичной – взамен какой-либо другой, ранее избранной меры пресечения³¹¹.

Применительно к градации мер пресечения, предложенной в настоящем исследовании нами, где выделены меры пресечения, избираемые по инициативе органов предварительного следствия и инициативе суда, процедура применения залога как первичной, так и вторичной меры, возможна как в первом, так и во втором случаях.

Так, применение залога по инициативе суда как первичной меры пресечения возможно в случае его избрания при отказе в удовлетворении ходатайства органов расследования об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, а в качестве вторичной – ее избрание при отказе в продлении сроков применения указанных мер пресечения.

Порядок применения залога как первичной, так и вторичной меры пресечения различных особенностей не имеет, поскольку УПК РФ не устанавливает на законодательном уровне указанные виды залога, однако процедурные аспекты при применении каждой из указанных форм все-таки наличествуют.

Так, ч. 8 ст. 106 УПК РФ устанавливает, что если внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога. Ранее действующий УПК РСФСР, исходя из смысла положений, содержащихся в ст. 99, 220.2, предписывал освобождать лицо из-под стражи незамедлительно после принятия решения об изменении меры пресечения на залог³¹².

Верховный Суд РФ, толкуя содержание ч. 4 и 5 ст. 106 УПК РФ, указывает, что залог может быть признан внесенным, если залогодатель внес или передал предмет залога, а уполномоченное лицо соответствующего правоприменительного органа составило об этом протокол³¹³.

---

³¹¹ Фокин А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 107.

³¹² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 14.12.2020).

³¹³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 46) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

УПК РФ устанавливает определенные временные рамки на совершение действий по внесению залога:

– если подозреваемый (обвиняемый) задержан, то срок задержания продлевается до внесения залога, но не более чем на 72 часа с момента вынесения судебного решения, то есть максимальный срок задержания в таком случае может составить 96 часов (ч. 7 ст. 106 УПК РФ);

– в случае, когда внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога (ч. 8 ст. 106 УПК РФ);

– при принятии решения об избрании залога в процессе рассмотрения вопроса о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста необходимо указать срок, на который продлевается действие указанных мер пресечения, если залог не будет внесен (п. 48 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41).

Н.С. Каштанова, анализируя практику принятия судами решений об установлении срока внесения залога, пришла к выводу, что в ряде случаев, при изменении меры пресечения с более строгой на залог, суды в своих решениях периодически устанавливали срок, до которого залог необходимо внести, однако в подавляющем большинстве случаев такой срок в решениях указан не был³¹⁴.

Подобные основания явились в дальнейшем предметом рассмотрения в апелляционной инстанции, где суд, на наш взгляд, совершенно справедливо указал, что отсутствие «в постановлении конкретного срока для внесения залога не является основанием для отмены судебного решения»³¹⁵.

С одной стороны, по общему правилу ч. 7 ст. 106 УПК РФ устанавливает, что в постановлении или определении суда о применении залога в качестве меры пресечения суд должен установить срок внесения залога, однако ч. 7 той же статьи предусматривает положение, согласно которому в случае применения залога вместо ранее

---

³¹⁴ Каштанова Н.С. О спорных аспектах необходимости установления предельного срока внесения предмета залога при изменении иной меры пресечения: анализ правовой регламентации в России и Казахстане // Российский следователь. 2017. № 11. С. 48–49.

³¹⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-12084/2014 от 08.09.2014 по делу № 3/1У-697/14 // URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/BQxbvLuOtZVx/> (дата обращения: 22.06.2021).

избранной меры пресечения эта мера пресечения действует до внесения залога. При этом, как указано выше, обязательным является указание срока, на который продлевается действие указанных мер пресечения, если залог не будет внесен.

Таким образом, фактически при изменении меры пресечения с более строгой на залог в случае неуказания судом конкретного срока его внесения, залог может быть внесенным в течение всего периода, на который продлен срок применения подлежащей изменению меры пресечения. Такой подход соответствует действующему законодательству, судебной практике, сложившейся по поводу его применения, а главное обеспечивает реализацию прав обвиняемого на минимизацию ограничительных мер в рамках применяемой меры пресечения.

В случае же избрания залога как первоначальной меры пресечения, с учетом положения ч. 7 ст. 106 УПК РФ, установление срока его внесения является обязательным.

В данном аспекте немаловажным является вопрос о сроках составления протокола о принятии залога. Законодатель не разделяет сроки на те, которые отводятся для совершения действий по внесению залога и в течение которых необходимо составить соответствующий протокол о принятии залога. Полагаем, что наряду с установлением конкретного срока на внесение залога, следует предусмотреть и сроки, в течение которых соответствующее должностное лицо органа, в производстве которого находится уголовное дело, обязано составить протокол о его внесении. Отсутствие такой регламентации порождает возможность умышленного затягивания сроков его составления, а поскольку, исходя из положений п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, залог не может считаться внесенным без составленного протокола о его внесении, такая ситуация может привести к нарушению установленного решением суда срока по внесению залога и, соответственно, к избранию более тяжелой меры пресечения либо продлению срока действия ранее избранной.

Обращаясь к предмету залога, следует заметить, что наиболее часто избираемым видом залога являются денежные средства. Из проанализированных материалов судебной практики в 100% судебных решений об избрании залога его предмет был определен в виде денежных средств.

И если ранее в теории уголовного процесса отсутствовало единое понимание и механизм передачи денежных средств в качестве залога, что нашло свое отражение в работах С.И. Вершининой³¹⁶, О.В. Медведевой³¹⁷, А.С. Фокина³¹⁸ и др., то в настоящее время УПК РФ и подзаконные нормативные правовые акты весьма детально регламентируют данную процедуру.

Так, ч. 5 ст. 106 УПК РФ указывает, что залог в виде денег вносится на депозитный счет соответствующего суда или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» определяет, что правоохранительные органы имеют депозитные счета «для зачисления денежных средств, поступающих во временное распоряжение, при осуществлении ими установленной законодательством Российской Федерации деятельности и в установленных законодательством Российской Федерации случаях»³¹⁹.

Порядок приема денежных средств определен Положением о порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации³²⁰, согласно п. 3.4 которого физическому лицу выдается документ, предусмотренный Положением Банка России от 19.06.2012 № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»³²¹, а также подписанный кассовым работником второй экземпляр приходного кассового ордера.

---

³¹⁶ Вершинина С.И. Указ. соч. С. 144–154.

³¹⁷ Медведева О.В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 159–179.

³¹⁸ Фокин А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 114.

³¹⁹ Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов: инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³²⁰ Положение о порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации (утв. Банком России 24.04.2008 № 318-П) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³²¹ Положение о правилах осуществления перевода денежных средств (утв. Банком России 19.06.2012 № 383-П) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

При этом следует помнить, что в соответствии с Федеральным законом от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»³²² денежный залог может быть определен исключительно в рублях.

Помимо денежных средств ст. 106 УПК РФ прямо называет в качестве предметов залога другое движимое имущество в виде ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций.

Не вдаваясь в детальный анализ приведенных выше разновидностей предметов, особенностей передачи их в залог и их хранения, отметим, что такая форма предмета залога обуславливает сложности в практической реализации данного вида залога, которая состоит и в необходимости оценки предмета, которая должна быть произведена не ранее чем за 5 рабочих дней до дня подачи ходатайства о применении залога с получением экспертного заключения (в отношении ценностей и недвижимого имущества)³²³, и необходимости обеспечения надлежащего хранения ценностей как предмета залога в банке³²⁴, и сложностей взаимодействия с системой реестра владельцев ценных бумаг или депозитарием (в случае с акциями и облигациями).

Приведенные выше требования, по нашему мнению, являются основным препятствием для использования в качестве предмета залога недвижимого имущества, ценностей или ценных бумаг.

Причинами этого видятся следующие обстоятельства.

Во-первых, сторона защиты не может быть уверена или гарантировать, что суд в указанном конкретном случае применит именно такой вид меры пресечения. Во-вторых, нет никаких гарантий, что суд согласится принять в качестве залога недвижимое имущество, ценности или ценные бумаги, а не денежные средства, как наиболее универсальный предмет, поскольку при принятии указанного решения суд

---

³²² О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³²³ Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности: постановление Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³²⁴ Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности: постановление Правительства РФ от 28.09.2000 № 731 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

будет учитывать и позицию лица, ведущего производство по уголовному делу, и прокурора, а также потерпевшего, его представителя, законного представителя, которые вправе довести до сведения суда и свою аргументацию. В-третьих, судебный процесс по рассмотрению вопроса о применении меры пресечения может быть отложен в связи с соответствующим ходатайством одной из сторон, в том числе для представления дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, когда вопрос о применении данной меры пресечения рассматривается одновременно с вопросом о залоге. Это может привести к нарушению пятисуточного срока действительности отчета об оценке имущества, что не позволит суду принять такое имущество в качестве предмета залога.

В рассматриваемом аспекте интересным представляется правовой статус цифровых валют как развивающегося платежного средства и как возможного предмета залога.

Ряд Европейских стран уже признали биткоин законным средством платежа, приравняв его к обычной валюте. Так, 27.02.2018 Министерство финансов Германии вынесло постановление о признании биткоина законным платежным средством³²⁵, ссылаясь на уже имеющуюся позицию Европейского суда, который еще в 2015 г., рассматривая вопрос о допустимости обложения операций с биткоином налогом на добавленную стоимость, пояснил, что сделки с конвертацией обычной валюты в биткоины освобождены от уплаты данного налога, поскольку такие операции касаются транзакции валют, используемых в качестве законного платежного средства³²⁶.

15 января 2019 г. в Белоруссии запущена первая регулируемая криптобиржа, на которой торгуются токенизированные активы на сырье, акции, индексы, привязанные к базовой рыночной стоимости традиционных финансовых активов³²⁷.

В декабре 2018 г., по сведениям информационного агентства РБК, президент Венесуэлы Н. Мадуро предложил использовать национальную криптовалюту El Pet-

---

³²⁵ Постановление Министерства финансов Германии от 27.02.2018 // URL: <http://www.ru.scribd.com> (дата обращения: 22.06.2021).

³²⁶ Решение суда Европейского союза по делу C-264/14 от 22.10.2015 // URL: <http://www.curia.europa.eu> (дата обращения: 22.06.2021).

³²⁷ URL: <http://www.rbc.ru/finances/15/01/2019/5c36274a9a794725734a70c8> (дата обращения: 12.07.2022).

го для расчетов с Россией в нефтяной сфере. Официальная продажа данной криптовалюты началась в феврале 2018 г., тогда же Н. Мадуро потребовал от нефтяной компании PDVSA, нефтехимической компании Petroquímica de Venezuela (Pequiven) и корпорации CVG, занимающейся добычей полезных ископаемых, осуществлять часть сделок с использованием El Petro, обеспечив таким образом стабильность криптовалюты нефтяной отраслью³²⁸.

В нашей стране термин «цифровая валюта» уже нашел закрепление в федеральном законодательстве. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³²⁹ цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации и других государств.

При этом, в соответствии с положениями ч. 10 ст. 4 и ст. 14 указанного федерального закона, цифровая валюта по общему правилу не может использоваться как средство платежа за выполненные работы или оказанные услуги, а судебные органы рассматривают ее в качестве «иного имущества».

Так, Девятым арбитражным апелляционным судом в своем постановлении указано, что поскольку действующее гражданское законодательство не содержит понятие «иное имущество», закрепленное в ст. 128 ГК РФ³³⁰, «с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование»³³¹. Основываясь на этом, суд указал, что имущество, находящееся на криптокошельке должника Ц. в телекоммуникационной

---

³²⁸ URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/06/12/2018/5c0969249a79478bd83b285 (дата обращения: 12.07.2022).

³²⁹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³³⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.07.2022).

³³¹ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

сети Интернет по конкретному адресу с определенным идентификатором, подлежит включению в конкурсную массу должника.

В феврале 2021 г. Верховный Суд Российской Федерации в своем определении также фактически признал криптовалюту имуществом, указав, что сторона «передав свое имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств, ... преследовала экономическую цель»³³².

Безусловно, в настоящее время правовой основы, допускающей принятие криптовалюты в качестве предмета залога, не существует, однако игнорировать факт существования криптовалюты и факта расчетов с ее применением уже невозможно. Так, уже в 2021 г. Россия вошла в тройку лидеров стран мира по добыче биткоина, а в 2022 г. российский рынок криптовалют оценили в 16,5 млрд. рублей, что составляет порядка 12% от общего объема мирового крипторынка³³³.

Безусловно, с развитием рынка криптовалют при его правовой регламентированности данный аспект может найти свое отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве.

Возвращаясь к вопросу о сложностях обращения в залог иного (за исключением денег) имущества, полагаем, что более простым для законодателя, да и правоприменителя, выходом из ситуации с порядком оценки и внесения предмета не денежного залога было бы унифицирование предмета залога исключительно в денежное выражение.

Совершенно верно, на наш взгляд, рассуждает А.Р. Белкин, указывающий, что в случае, когда предметом залога выступают иные, помимо денежных средств, вещи, следовательно, прокурору и суду надлежит учитывать риск резкого падения рыночной стоимости принятых в залог акций, недвижимости, иностранной валюты и т. п.³³⁴

Полагаем, что применение исключительно денежного предмета залога в некоторых случаях было бы удобней и залогодателю, к примеру, когда возникла финансовая необходимость продать акции или объект недвижимости, находящиеся в зало-

---

³³² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 // URL: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1969738 (дата обращения: 25.10.2022).

³³³ От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой // URL: <http://www.pravo.ru/story/239374> (дата обращения: 22.06.2022).

³³⁴ Белкин А.Р. Указ. соч. С. 235.

ге. Не является секретом, что сроки предварительного следствия по уголовным делам некоторой категории преступлений могут достигать весьма длительного периода и залогодатель на этапе внесения залога не всегда может реально оценить длительность выбытия объекта недвижимости из своего распоряжения.

Использование исключительно денежного предмета залога создает дополнительные возможности и в сфере развития законодательства в части возможного обращения на залог имущественных взысканий.

Так, учитывая, что в подавляющем большинстве мера пресечения избирается на первоначальном этапе расследования уголовного дела, органы предварительного расследования не имеют сведений о точном размере причиненного преступлением ущерба, а также о местах хранения, полученных в результате совершения преступления денежных средств. Это, в свою очередь, создает возможность использования подозреваемым (обвиняемым) полученных в результате совершения преступления денежных средств как залога по уголовному делу.

Не случайно в уголовно-процессуальном законодательстве Республик Молдовы и Таджикистан содержатся обязательные требования при избрании залога в виде необходимости возмещения причиненного преступлением ущерба³³⁵, а законодательство Республик Беларусь и Казахстан позволяет обращаться на предмет залога имущественные взыскания в счет возмещения вреда (ущерба)³³⁶ в случае, если залог внесен непосредственно подозреваемым (обвиняемым).

УПК РФ в качестве залогодателей называет самого подозреваемого (обвиняемого), а также любое другое физическое или юридическое лицо. В целях возможности заимствования опыта указанных государств об обращении залога в счет иных имущественных взысканий следует внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 106

---

³³⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14.03.2003 № 122-XV. Ст. 192 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009. Ст. 109 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

³³⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3. Ст. 124 // URL: <http://www.kodeksy.by> (дата обращения: 22.06.2021); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. Ст. 146 // URL: <http://www.kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

УПК РФ, указав в качестве залогодателя исключительно подозреваемого или обвиняемого.

Такие изменения нисколько не умалят право указанных лиц на возможность применения данной меры пресечения, поскольку в данном случае будет лишь изменен порядок внесения залога – не от иных физических или юридических лиц, а непосредственно через подозреваемого (обвиняемого), которые могут получить указанный предмет, к примеру, по соответствующему договору займа.

Подозреваемые и обвиняемые, задержанные в порядке ст. 91, 92 УПК РФ или содержащиеся под стражей, данное правомочие смогут реализовать посредством выдачи нотариальной доверенности, право на получение которой закреплено в п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

Предложенные меры будут действенным инструментом противодействия возможности использования полученных в результате совершения преступления денежных средств как залога по уголовному делу, а в случае установления таких фактов позволят развивать действующее законодательство в сфере возможности обеспечения наложения соответствующих имущественных взысканий.

Кроме того, установление факта внесения залога за счет денежных средств, полученных в результате совершения преступления, следует предусмотреть как основание для изменения меры пресечения на более строгую, поскольку такие действия в соответствии с п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 свидетельствуют о воспрепятствовании производству по уголовному делу и более того – о совершении нового преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления).

Применение исключительно денежного предмета залога позволит, на наш взгляд, упростить порядок его применения и стимулировать развитие и становление так называемых «профессиональных залогодателей», обеспечивающих выполнение денежных обязательств выпускаемого под залог лица по типу, сформировавшему в Соединенных Штатах Америки³³⁷.

---

³³⁷ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 227, 248.

Анализ частей 9 и 10 ст. 106 УПК РФ позволяет сделать однозначный вывод о двух возможных решениях, которые могут быть приняты в отношении залога: он может быть обращен в доход государства при условии нарушения подозреваемым (обвиняемым) обязательств, связанных с его внесением, либо возвращен залогодателю.

В отличие от уголовно-процессуальных источников Республик Беларусь и Казахстан, которые позволяют обращать на предмет залога имущественные взыскания в счет возмещения вреда (ущерба)³³⁸ в случае, если залог внесен непосредственно подозреваемым (обвиняемым), российское законодательство подобных возможностей не предусматривает.

Рассматриваемый вопрос достаточно давно обсуждается в уголовно-процессуальной литературе, однако до настоящего времени однозначно не решен. Одним из оснований для такого рода диспутов является Устав уголовного судопроизводства 1864 г., согласно которому залоговая сумма не могла быть меньше вознаграждения, отыскиваемого потерпевшим от преступления, если иск его подкрепляется достоверными доказательствами (ст. 80, 425 УУС), а в случае, если обвиняемый скрывался от следствия и суда, часть залога в размере иска передавалась потерпевшему, а оставшаяся сумма обращалась в доход государства и направлялась на улучшение условий содержания под стражей (ст. 427 УУС)³³⁹.

С.А. Шейфер и С.И. Вершинина полагают, что возвращение подобных положений снизит эффективность залога, поскольку в таком случае правоохранительные органы, уповая на возможность возмещения причиненного ущерба из залоговой суммы, не будут принимать весь комплекс мер, направленный на обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением. Кроме того, для обвиняемого потеряет смысл вести себя надлежащим образом³⁴⁰.

---

³³⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3. Ст. 124 // URL: <http://www.kodeksy.by> (дата обращения: 22.06.2021); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. Ст. 146 // URL: <http://www.kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

³³⁹ Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами Министра юстиции / под ред. М. Шрамченко, В. Широкова. СПб., 1899. С. 124.

³⁴⁰ Шейфер С.А., Вершинина С.И. Применение залога как меры пресечения // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 83.

К.В. Попов считает, что подозреваемый (обвиняемый), опасаясь, что суммой залога будут покрываться процессуальные издержки, будут умалчивать о своих финансовых возможностях по внесению залога³⁴¹.

М.В. Зяблина, напротив, полагает, что «обращение залога, примененного в качестве меры пресечения, в счет возмещенного преступлением ущерба, усилит их качественно новым содержанием, создаст благоприятные правовые условия для формирования действенного механизма защиты прав потерпевших и оказания им материальной помощи»³⁴².

Полагаем возможным согласиться с точкой зрения М.В. Зяблиной, поскольку в применении залога, как альтернативной заключению под стражу меры пресечения, в подавляющем большинстве заинтересован сам подозреваемый (обвиняемый), в связи с чем указанным лицам нет никакого интереса скрывать свои финансовые возможности по внесению залоговой суммы.

А учитывая достаточно слабый процент возмещенного ущерба, который произведен в рамках расследования и рассмотрения судом уголовных дел и составляющий за 2020 г. 9,44%, а за 2021 г. – 16,22%³⁴³, использование такого опыта будет способствовать исправлению сложившейся ситуации.

Как правильно отмечает М.В. Зяблина, «подозреваемый (обвиняемый) на момент избрания меры пресечения в виде залога готов внести необходимую сумму, а после признания его виновным возместить причиненный преступлением вред не может. Как правило, к этому времени его финансовые счета и имущество уже оформлены на других, не имеющих отношения к делу лиц, а потерпевшим в такой ситуации рассчитывать на возмещение вреда не приходится»³⁴⁴, что, по справедливому замечанию Л.А. Воскобитовой, не соотносится с положениями ст. 52 Консти-

---

³⁴¹ Попов К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 160.

³⁴² Зяблина М.В. К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе // Судья. 2017. № 4. С. 41.

³⁴³ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

³⁴⁴ Зяблина М.В. Указ. соч. С. 41.

туции РФ, согласно которой каждому потерпевшему государством обеспечивается доступ к правосудию и компенсация причиненного вреда³⁴⁵.

Полагаем, что по примеру законодательства приведенных выше государств следует предусмотреть в УПК РФ возможность обращения взыскания на предмет залога либо его часть в целях возмещения ущерба, причиненного преступлением, обеспечения гражданского иска, процессуальных издержек, конфискации и иных имущественных взысканий. При этом, поскольку принятие таких мер возможно исключительно в случаях внесения залога самим подозреваемым (обвиняемым), предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 106 УПК РФ, указав в качестве залогодателя только указанных процессуальных лиц.

Несмотря на отсутствие в настоящее время законодательной основы для обращения на предмет залога каких-либо имущественных взысканий по уголовному делу, существует судебная практика подобного рода.

Так, определением Верховного Суда РФ от 01.06.2005 № 11-ДО5-37 отменен приговор Авиастроительного районного суда г. Казани от 03.12.2003, определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 13.01.2004 и постановление президиума Верховного Суда Республики Татарстан от 17.11.2004 в отношении Г., указав, что суд «вопреки требованиям ч. 5 ст. 106 УПК РФ, в которой содержится указание о недопустимости производства возмещения ущерба за счет залоговой суммы, имеющей целевое назначение, постановил передать внесенную осужденной сумму залога в размере <...> рублей в счет возмещения материального ущерба»³⁴⁶.

В определении Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 9-ДО9-25 при отмене приговора Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 31.08.2007, кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда и постановления президиума Нижегородского областного суда указано, что «из приговора следует, что часть залоговой суммы в размере 100 тыс.

---

³⁴⁵ Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // Lex russica (Русский закон). 2020. № 4. С. 54.

³⁴⁶ Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2005 № 11-ДО5-37 // URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_31973.htm (дата обращения: 22.06.2021).

рублей обращена в качестве взыскания дополнительного наказания в виде штрафа, в остальной части залог в сумме 200 тыс. рублей возвращен М.»³⁴⁷.

Безусловно, подобные решения носят исключительный характер и приведены в соответствие с законом вышестоящими судебными инстанциями, но их наличие убедительно свидетельствует о принципиальной возможности принятия подобных решений с целью реализации прав потерпевших на возмещение причиненного преступлением ущерба и своевременного исполнения назначенного наказания в виде штрафа.

В той же связи представляет интерес законотворческая деятельность Республики Казахстан по созданию фонда компенсации вреда потерпевшим. В настоящее время депутаты мажилиса парламента РК одобрили проект закона «О фонде компенсации вреда потерпевшим»³⁴⁸, которым устанавливаются гарантии денежных компенсаций потерпевшим либо их правопреемникам следующим категориям:

1) несовершеннолетним, являющимся жертвами сексуального насилия, жертвам торговли людьми и пыток;

2) которым причинен тяжкий вред здоровью либо зараженным вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ/СПИД);

3) в случае смерти потерпевшего в результате уголовного правонарушения³⁴⁹.

Источниками формирования Фонда должны явиться неналоговые поступления, такие как: фиксированные платежи, налагаемые судом, денежные взыскания, наложенные судом за неисполнение процессуальных обязанностей участниками уголовного судопроизводства, суммы, удерживаемые по постановлению суда с осужденного, суммы, взысканные в регрессном порядке с осужденных.

Разработанный в 2012 г. Следственным комитетом Российской Федерации проект аналогичного закона «О потерпевших от преступлений» предусматривал даже больший перечень лиц, которые могли бы получить соответствующие выплаты.

---

³⁴⁷ Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 9-Д09-25 // URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_44069.htm (дата обращения: 22.06.2021).

³⁴⁸ Мажилис одобрил законопроект о фонде компенсации вреда потерпевшим // <http://www.zonakz.net> (дата обращения: 22.06.2021).

³⁴⁹ Проект закона Республики Казахстан «О фонде компенсации вреда потерпевшим» // URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=36057398 (дата обращения: 22.06.2021).

Помимо оснований, предусмотренных проектом закона Республики Казахстан, этот проект предусматривает и случаи:

- получения вреда здоровью любой степени тяжести, если преступление было совершено близким родственником потерпевшего, от которого он находится в материальной зависимости;
- при сексуальном насилии (независимо от возраста потерпевшего);
- нахождения в затруднительном материальном положении, в связи с совершением в отношении него кражи, мошенничества, вымогательства, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленного уничтожения или повреждения имущества, при условии, что его ежемесячный доход ниже двукратного размера прожиточного минимума³⁵⁰.

К сожалению, указанный законопроект так и не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации и указанные предпосылки восстановления прав потерпевших остались нереализованными.

Полагаем, что, несмотря на некоторое промедление в указанном вопросе, он найдет свою реализацию, и предложенные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве позволят в том числе формировать Фонд компенсации из удержанных из размера залога средств в счет возмещения причиненного преступлением ущерба.

Одной из проблем низкой востребованности залога является, на наш взгляд, и слабая ограничительная составляющая залога в сравнении с усложненным (судебным) порядком избрания данной меры пресечения. Отчасти указанный пробел уже восполнен принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ³⁵¹, дополнившего ст. 106 УПК РФ ч. 8.1, разрешающей в рамках залога налагать на подозреваемого (обвиняемого) соответствующие запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в связи с чем залог стал первой комплексной мерой пресечения, объединяющей в себе имущественные ограничительные меры и ограничения свободы передвижения, в

---

³⁵⁰ Проект Федерального закона Российской Федерации «О потерпевших от преступлений» // URL: <http://www.rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата обращения: 22.06.2021).

³⁵¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Рос. газета. 2018. 20 апр.

связи с чем выше отмечено некоторое ослабление системности и стройности построения ст. 98 УПК РФ.

И поскольку применение залога, как меры пресечения, является неосуществимым без желания самого подозреваемого (обвиняемого), что, как указано выше, соотносится с положениями п. 3.4. Токийских правил о необходимости получения «согласия правонарушителя» в случаях избрания мер пресечения, «не связанных с тюремным заключением и накладывающим какое-либо обязательство»³⁵², полагаем возможным изменить порядок избрания залога с судебного на внесудебный, оставив процедуру судебного порядка только для залога с установлением запретов определенных действий.

Такие изменения, с одной стороны, несколько бы не умили прав подозреваемого (обвиняемого), поскольку избрание залога зависит непосредственно от его волеизъявления, а с другой – упрощенный порядок повысил бы к данной мере пресечения внимание правоприменителя и создал бы предпосылки ее более активного использования.

Отдельно следует остановиться на категориях преступлений, по которым возможно избрание меры пресечения в виде залога.

УПК РФ не устанавливает каких-либо ограничительных правил относительно тяжести деяний или их видов, по которым допускается избрание данной меры пресечения, из чего следует, что залог может быть избран по уголовным делам о преступлениях любого вида и категории тяжести.

В то же время сам законодатель, установив в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ положение о применении по уголовным делам о налоговых преступлениях, а также о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности альтернативных заключению под стражу мер пресечения, опосредованно указывает правоприменителю на определенную сферу применения залога.

В этом аспекте С.В. Богданчиков полагает, что мера пресечения в виде залога не должна применяться в отношении лиц по уголовным делам о тяжких и особо

---

³⁵² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.01.2022).

тяжких преступлениях против жизни и здоровья, поскольку обеспечивать имущественным залогом поведение лиц, нарушивших личные конституционные права граждан, которые являются очевидными ценностями для каждого, не допустимо с этической точки зрения³⁵³. Аналогичную позицию выражает и А.С. Фокин, предлагающий закрепить указанный запрет на законодательном уровне³⁵⁴.

Подобные законодательные запреты имеются в законодательстве ряда стран. Так, УПК РА содержит указание на возможность применения залога по делам о преступлениях небольшой тяжести и тяжкого преступления, совершенного по неосторожности³⁵⁵, УПК РБ не допускает применение залога в отношении подозреваемых (обвиняемых) по делам о тяжких и особо тяжких насильственных преступлениях³⁵⁶, уголовно-процессуальное законодательство РК также предусматривает запрет применения залога в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, а также в случаях, когда в результате совершения преступления наступила смерть потерпевшего³⁵⁷, УПК РТ содержит запрет на применение залога в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких либо особо тяжких преступлений³⁵⁸.

Учитывая вышеизложенное, полагаем возможным согласиться с мнением о недопустимости применения залога по уголовным делам о тяжких и особо тяжких умышленных преступлениях, совершенных против жизни и здоровья потерпевших.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что с принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ залог стал первой мерой пресечения, в которой при установлении запретов определенных действий реализован принцип «конструктора» в создании условий применения меры пресечения, а именно – возмож-

---

³⁵³ Богданчиков С.В. Залог в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 21.

³⁵⁴ Фокин А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 5.

³⁵⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 // URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 22.06.2021).

³⁵⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 // URL: <http://www.kodeksy.by> (дата обращения: 22.06.2021).

³⁵⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // URL: <http://www.kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

³⁵⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

ность одновременного ограничения как личных, так и имущественных прав подозреваемого или обвиняемого, что, безусловно, должно сдвинуть с «мертвой точки» статистические показатели применения данного вида меры пресечения.

Вместе с тем для полноценной «реанимации» залога необходимы дополнительные изменения, связанные с внедрением практики Республики Казахстан о возможности взыскания штрафа как меры наказания за совершенное преступление и наложения иных имущественных взысканий (о возмещении причиненного совершением преступления ущерба, процессуальных издержек, обеспечении гражданского иска, конфискации имущества) на предмет внесенного залога, для чего необходимо дополнительно признать в ч. 1 ст. 106 УПК РФ в качестве залогодателя только самого подозреваемого (обвиняемого).

Изменение порядка внесения залога – не от иных физических или юридических лиц, а непосредственно через подозреваемого или обвиняемого – нисколько не умаляет возможность применения данной меры пресечения, поскольку получить предмет залога указанные лица смогут, к примеру, по соответствующему договору займа, в том числе через доверителя посредством выдачи нотариальной доверенности.

Кроме того, поскольку применение залога, как меры пресечения, является неосуществимым без желания самого подозреваемого (обвиняемого), полагаем возможным изменить порядок избрания залога с судебного на внесудебный, оставив необходимость получения судебной санкции только при избрании залога с установлением запретов определенных действий, а сам предмет залога необходимо заменить исключительно на денежный вид, что, на наш взгляд, упростит порядок его применения и стимулирует развитие и становление так называемых «профессиональных залогодателей», выдающих залоговые займы под определенный процент.

§ 2. Особенности применения запретов, установленных судом при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, проблемы контроля за их соблюдением

Система запретов, применение которых в настоящее время возможно в рамках мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста, прошла несколько этапов своего становления.

Так, с принятием УПК РФ такие запреты применялись в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста, суть которого заключалась в ограничении подозреваемого или обвиняемого на свободу передвижения. В редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ранее закрепленные запреты в виде общения с определенными лицами, запрет на получение и отправку корреспонденции, а также на переговоры с использованием любых средств связи были дополнены запретом на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Современная редакция ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ в дополнение к вышеизложенным запретам предусматривает возможность запрещать подозреваемому или обвиняемому, в отношении которого избран залог, запрет определенных действий или домашний арест:

- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Таким образом, перечень запретительных мер на всем протяжении законодательного закрепления всегда имел закрытый характер (не позволяющий устанавливать дополнительные виды) и пополнялся новыми мерами, продиктованными реалиями правоприменительной деятельности.

Необходимо отметить, что в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания

и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста» перечень запретительных мер был открытым, предусматривалась возможность суда запретить «совершать иные действия, не связанные с изоляцией в жилище, которые могут повлечь последствия, указанные в части первой статьи 97 УПК РФ»³⁵⁹. Однако в окончательной редакции законодатель все же вернулся к традиционной закрытой форме.

Вместе с тем в научной литературе имеются и сторонники закрепления открытого перечня запретительных мер. Так, К.В. Муравьев, анализируя положения ч. 5 ст. 73 УК РФ, позволяющей налагать на осужденного обязанности: не менять постоянное места жительства, работы или учебы без соответствующего уведомления, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации, а также иные обязанности, способствующие исправлению осужденного, предлагает имплементировать подобный открытый перечень мер в уголовно-процессуальное законодательство³⁶⁰.

В уголовно-процессуальной литературе выделяются различные классификации запретительных мер. Так, В.М. Быков и Д.А. Лисков выделяют следующие виды:

- связанные со свободой передвижения;
- сопряженные с недопустимостью общения с определенными лицами;
- связанные с запретом на получение и отправку корреспонденции, а также ведением переговоров с использованием любых средств связи³⁶¹.

Е.А. Доля предлагает схожую классификацию ограничительных и запретительных мер³⁶².

---

³⁵⁹ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста) // URL: <http://www.sozd.parlament.gov.ru/bill/900722-6> (дата обращения: 10.04.2022).

³⁶⁰ Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Российский следователь. 2017. № 2. С. 32.

³⁶¹ Быков В.М., Лисков Д.А. Указ. соч. С. 12.

³⁶² Уголовный процесс: учебник для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. Третье издание. М., 2006. С. 235–236.

В целом, по нашему мнению, следует признать практическую несостоятельность данных классификаций в силу немногочисленного перечня законодательных запретов, а также невозможности установления судом иных мер, не указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Указанный перечень запретительных мер является общим как для запрета определенных действий, для залога, при их наложении в порядке ст. 8.1 ст. 106 УПК РФ, так и для домашнего ареста с той разницей, что в рамках домашнего ареста не предусмотрено установление запретов, предусмотренных п. 1, 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, поскольку их наличие уже продиктовано самой сущностью домашнего ареста. И если ранее ст. 107 УПК РФ содержала указание на обязанность нахождения лица в полной либо частичной изоляции от общества, то с принятием Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ под домашним арестом понимается нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении.

Уголовно-процессуальное понятие «жилище» несколько отличается от его закрепления в иных отраслях права. Так, согласно ст. 15–16 Жилищного кодекса, жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, к которым следует относить жилой дом, часть жилого дома, квартиру, часть квартиры, комнату³⁶³.

Пункт 10 ст. 5 УПК РФ определяет понятие «жилище» более широко и относит к нему индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания. Статья 139 УК РФ в примечании схожим образом закрепляет данное понятие за тем исключением, что вместо слов «используемое для постоянного или временного проживания» употребляется выражение «пригодное для постоянного или временного проживания» и вместо фразы «не входящее в жи-

---

³⁶³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.07.2022).

личный фонд, но используемое для временного проживания» в статье отражено «не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания»³⁶⁴.

Полагаем, что в целом указанные различия не являются критичными для понимания категории «жилище», как указал Конституционный Суд РФ, давая оценку подобным расхождениям, все из них имеют своей целью конкретизировать закрепленное в ст. 25 Конституции РФ право на неприкосновенность жилища и обеспечить его защиту с помощью уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств³⁶⁵.

При анализе судебных решений, связанных с запретом выхода за пределы жилого помещения, отсутствуют какие-либо сложности в вопросе определения места исполнения меры пресечения. В подавляющем большинстве случаев под указанным местом признается квартира или жилой дом, принадлежащие подвергнутому домашнему аресту лицу на праве собственности, либо те же объекты, в которых данное лицо проживает на любых законных основаниях.

Верховный Суд РФ указывает на необходимость проверки оснований проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении при избрании в отношении него меры пресечения в виде домашнего ареста. Так, при проживании лица в жилом помещении по договору найма следует проверить наличие договора найма жилого помещения, срок его действия, а также соответствие требованиям законодательства; в случае временной регистрации лица на территории Российской Федерации следует проверить соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации³⁶⁶.

Современная редакция ст. 105.1, 107 УПК РФ достаточно конкретно устанавливает содержательную составляющую домашнего ареста в виде полной изоляции

---

³⁶⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 30.10.2021).

³⁶⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Алексея Ильича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и примечанием к статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 533-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.07.2022).

³⁶⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 37) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

лица от общества в жилом помещении, закрепляя возможность частичной изоляции в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Ранее приведены материалы судебной практики при избрании домашнего ареста, где суды неоднократно устанавливали подозреваемому (обвиняемому) ежедневное время для прогулки и совершения иных действий в целях удовлетворения потребностей, связанных с правом человека на жизнь и здоровье, а также на образование, и пришли к выводу, что при таких обстоятельствах применение домашнего ареста в нынешнем понимании законодателя (с изоляцией от общества) представляется практически невозможным, а в случае допущения подобных дозволений условия домашнего ареста конкурируют с мерой пресечения в виде запрета определенных действий с запретом на выход за пределы жилого помещения в определенные периоды времени.

Часть 3 ст. 105.1 УПК РФ устанавливает положение, согласно которому при избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) запретительных мер либо необходимости возложения дополнительных запретов, следователь с согласия руководителя следственного органа обращается в суд с соответствующим ходатайством. Аналогичное положение о возможности изменения судом запретов предусмотрено ч. 8 ст. 107 УПК РФ применительно к домашнему аресту.

Вместе с тем положения указанных статей не регулируют вопросы отмены отдельных запретительных мер в случае такой необходимости. Если предположить, что любые изменения запретительных мер, как в сторону избрания их дополнительных видов, так и в сторону отмены отдельных из них, возможны только с санкции суда, то такая позиция отнюдь не прибавит оперативности и своевременности в решении возникающих вопросов относительно применения данной меры пресечения, поскольку любая плановая госпитализация лица, необходимость посетить парикмахерскую, заключить какой-либо договор, посетить нотариуса и другая потребность, в том числе и разового характера, в случае если она невозможна в рамках избранных запретительных мер, будет влечь необходимость проведения нового судебного заседания.

В решении таких вопросов в рамках домашнего ареста, по смыслу законодателя, и вовсе нет необходимости, хотя в практической деятельности такие вопросы возникают постоянно и, безусловно, будут возникать.

Между тем результаты анкетирования сотрудников Следственного комитета РФ свидетельствуют о том, что 36,36% считают возможным изменить запрет, установленный судом на выход за пределы жилого помещения, в сторону смягчения, соответствующим решением следователя, в чьем производстве находится уголовное дело с уведомлением об этом территориального органа ФСИН России.

Среди сотрудников судебного корпуса с данным мнением согласились 23,08% респондентов, остальные опрошенные заявили об отсутствии необходимости в изменении положений законодательства о порядке смягчения наложенных запретительных мер (приложение 21).

Полагаем, что ст. 105.1 и 107 УПК РФ следует дополнить положениями, позволяющими следователю (дознавателю), в чьем производстве находится уголовное дело, принимать решение об отмене (смягчении) отдельных запретительных мер на основании соответствующего постановления при наличии ходатайства стороны защиты либо без такового по собственному усмотрению.

Ранее указывалось, что при избрании в качестве альтернативной заключению под стражу меры пресечения в виде домашнего ареста судами в подавляющем большинстве случаев устанавливаются все виды ограничений запретов, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Резолютивная часть судебных решений практически дословно дублирует положения уголовно-процессуального законодательства, в остальных случаях вариативность судебных формулировок совершенно незначительна и сводится к ограничению круга общения подозреваемого (обвиняемого) не со всеми лицами, а с участниками уголовного судопроизводства.

В случае с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста не по инициативе суда, а в связи с поступившим ходатайством следственных органов, наблюдается схожая картина.

Между тем ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ устанавливает, что подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, ч. 8 ст. 107 УПК РФ закреп-

ляет схожее положение, что в зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам либо некоторым из них.

Несмотря на отсутствие в ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ указания на необходимость учета тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств при принятии решения об объеме устанавливаемых запретительных мер, следует признать, что такая обязанность все-таки лежит на органах предварительного расследования, прокуратуре и суде, поскольку, исходя из ст. 99 УПК РФ, при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определения ее вида должны учитываться тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Это положение указывает на обязательность индивидуального подхода в каждом конкретном случае, в том числе и по вопросу установления перечня запретительных мер.

В этом аспекте интересным представляется опыт Азербайджанской Республики, Республик Беларусь, Казахстан и Таджикистан в виде установления открытого перечня ограничений и запретов, которые могут быть возложены на лицо, помещаемое для содержания под домашний арест, что, с одной стороны, должно способствовать более гибкому и индивидуальному подходу суда при определении конкретного перечня ограничительных мер, налагаемых на подозреваемого, обвиняемого, и изменению практики дублирования установленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретов от одного уголовного дела к другому.

В качестве таких индивидуальных ограничительных (запретительных) мер выделяются обязанность пройти курс лечения от наркозависимости, воздержаться от употребления спиртосодержащих напитков и др.

С другой стороны, что более важно, установление открытого перечня запретительных мер повлечет определенную бесконтрольность в их формулировании и как следствие – применении, что может привести к возможности злоупотреблений со стороны правоприменителей и неоправданному ограничению прав лиц, содержащихся под данной мерой пресечения.

Среди сотрудников Следственного комитета РФ 71,43% опрошенных заявили о необходимости формирования перечня запретительных мер по открытому типу, среди судей с подобным мнением согласился гораздо меньший процент респондентов (35,71%) (приложение 22).

Отсутствие подобного «энтузиазма» у судей совершенно понятно. Именно им придется обосновывать необходимость применения одних и отсутствие потребности в других запретительных мерах, «взвешивая на чашах правосудия» ограничение прав гражданина с необходимостью обеспечения его должного поведения.

Будучи солидарными с судебским сообществом, считаем, что даже благая цель в виде расширения практики использования запретительных мер вместо содержания лиц под стражей не должна строиться на неконкретности законодательных формулировок и бесконтрольности в их применении.

Первой мерой, предусмотренной ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, является запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

Как указывалось выше, данный запрет применим к мерам пресечения в виде запрета определенных действий и залога, поскольку в содержательную сторону меры пресечения в виде домашнего ареста он включен исходя из определения последнего.

Е.В. Салтыков, рассматривая данный запрет применительно к домашнему, отмечал, что, ходатайствуя об его установлении, «дознатель, следователь, прокурор и судья ... должны собрать следующие сведения об обвиняемом (подозреваемом): состояние здоровья, семейное положение, жилищные условия, лица, совместно проживающие, место работы или учебы и другие»³⁶⁷. С помощью данных сведений, делает вывод Е.В. Салтыков, время отсутствия лица в месте исполнения меры пресечения можно существенно ограничить или не предоставлять вообще³⁶⁸.

Полагаем целесообразным согласиться с этим мнением относительно необходимости установления данных сведений, однако, как указано выше, даже полное их

---

³⁶⁷ Салтыков Е.В. Указ. соч. С. 112–113.

³⁶⁸ Там же. С. 113.

наличие в распоряжении следователя не всегда дает возможность принять окончательное решение о необходимости предоставления подозреваемому (обвиняемому) какого-либо времени для решения бытовых вопросов, посещения нотариуса, прохождения планового лечения и других. В связи с этим ранее указывалось на необходимость наделения следователя (дознавателя) полномочием самостоятельно смягчать установленные судом запреты, уведомляя об этом контролирующий орган.

Крайне аккуратным, с нашей точки зрения, необходимо быть при установлении запретов для несовершеннолетних лиц, обучающихся в соответствующих учебных заведениях. Длительность сроков предварительного следствия в соответствии со ст. 6.1 и 162 УПК РФ ограничена только их разумностью, что с учетом сложности и многоэпизодности некоторых уголовных дел позволяет расследовать их на протяжении года и более. Такой длительный срок применения к несовершеннолетнему лицу меры пресечения без права посещения учебного заведения совершенно точно не будет способствовать его развитию и становлению как полноценной личности. В связи с этим, учитывая положения ч. 2 ст. 43 Конституции РФ об общедоступности дошкольного и основного общего образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях, применение меры пресечения без возможности посещения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) учебного заведения следует только в исключительных случаях, к примеру, когда иное сопряжено с опасностью лица для окружающих.

Ранее указывалось о поддержке практики применения в отношении такой категории лиц меры пресечения в виде запрета определенных действий, что могло бы послужить основой для прохождения ими процедуры медиации в виде осознания антисоциального поведения и совершения действий, направленных на компенсацию причиненного преступлением вреда для примирения с потерпевшей стороной, проведение которой возможно предусмотреть в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ как одну из возможных обязанностей, налагаемых судом при избрании данной меры пресечения.

Весьма неурегулированным представляется закрепление рассматриваемого запрета в аспекте возможного возникновения опасности для жизни и здоровья содержащегося под домашним арестом лица.

В ч. 8 ст. 105.1 и ч. 8 ст. 107 УПК РФ законодатель предусматривает положения, согласно которым при возникновении чрезвычайной ситуации находящееся под мерой пресечения в виде запрета определенных действий либо домашнего ареста лицо не может быть ограничено в праве использования телефонной связи для вызова аварийно-спасательных служб, о чем должно проинформировать контролирующий орган.

Понятие «чрезвычайная ситуация» уголовно-процессуальным законодательством не раскрывается. Более того, оно встречается в УПК РФ единожды – в ч. 8 рассматриваемой статьи. Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» указанное понятие определяется как «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»³⁶⁹.

Исходя из этого, полагаем, что используемое в УПК РФ понятие «чрезвычайная ситуация» не отвечает смыслу, содержащемуся в данной статье, в связи с чем предлагаем использовать иную юридическую категорию – «крайняя необходимость».

Помимо очевидных упущений понятийного характера ч. 8 ст. 105.1 и ч. 8 ст. 107 УПК РФ имеют и недостаточную содержательную наполненность. Так, предусматривая возможность использования телефонной связи при возникновении чрезвычайной ситуации, не конкретизируется возможность нарушения иных запретов, в том числе связанных с выходом из жилого помещения.

При отсутствии телефонной связи у содержащегося под данным запретом лица либо в условиях отключения средств связи при возникновении угрожающей жизни и здоровью ситуации это также создает неоправданные трудности для принятия мер к самосохранению.

---

³⁶⁹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.07.2022).

Не регламентирует уголовно-процессуальное законодательство и дальнейшие действия подозреваемого (обвиняемого) после использования телефонной связи, помимо уведомления об этом контролирующего органа. По смыслу ч. 8 ст. 105.1 и ч. 8 ст. 107 УПК РФ подозреваемый (обвиняемый) обязан остаться в месте исполнения меры пресечения, что, разумеется, в случае возникновения пожара, землетрясения и иных подобных ситуаций подвергает жизнь и здоровье данного лица серьезной опасности.

Безусловно, в УПК РФ невозможно, да и не за чем предусматривать все вопросы, связанные с порядком содержания лиц в месте исполнения меры пресечения, однако попытки урегулировать отдельные аспекты в указанной сфере, такие как использование в условиях угрозы для жизни и здоровья телефонной связи, порождает множество вопросов относительно неурегулированности остальных.

Второй мерой запретительного характера является запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них. Как и первая запретительная мера, она входит в содержательную сторону меры пресечения в виде домашнего ареста и может быть установлена в качестве самостоятельной лишь при применении мер пресечения в виде запрета определенных действий или залога.

Указанный запрет является новым для уголовно-процессуального законодательства и не был предусмотрен в системе ограничительных мер, ранее закрепленных в ст. 107 УПК РФ.

Из анализа содержательной стороны данного запрета следует, что фактически он складывается из следующих запретительных мер:

- на нахождение в определенных местах;
- нахождение ближе установленного расстояния до определенных объектов;
- посещение определенных мероприятий;
- участие в определенных мероприятиях.

На первый взгляд, исходя из буквального толкования указанных запретительных мер, следует, что данный запрет, предусмотренный п. 2 ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, является более лояльным, нежели запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, предусмотренный п. 1 ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, что

объясняет разную позицию законодателя в необходимости установления сроков их применения. Если при установлении запрета, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, срок его применения устанавливается по правилам ст. 109 УПК РФ, то срок применения запрета, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, ограничен сроками расследования уголовного дела и в соответствии с ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ – тяжестью преступления.

По нашему мнению, такая позиция также представляется весьма спорной, поскольку запрет, предусмотренный п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, фактически может создать условия, равнозначные п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В качестве примера приведем такую трактовку запрета: «посещение общественных мест, а также территорий и помещений, занимаемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности». По смыслу ч. 9 и 10 ст. 105.1 УПК РФ при избрании такого рода запрета не требуется установление и продление срока его применения, поскольку он прямо не связан с запретом на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения. Однако фактически такая трактовка будет лишать подозреваемого (обвиняемого) возможности посещения любого рода мест за исключением своего жилища, в связи с чем, положения УПК РФ необходимо изменить в части необходимости установления сроков применения запретов, предусмотренных п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Третьей запретительной мерой, предусмотренной п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, является запрет на общение с определенными лицами. В юридической литературе есть различные точки зрения применительно к указанной запретительной мере. Так, ряд авторов полагают возможным налагать запрет на общение со всеми лицами, без указания их персональных данных или процессуального статуса³⁷⁰, другие считают необходимым выделять их групповую принадлежность (участники уголовного су-

---

³⁷⁰ См., напр.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) с практическими разъяснениями и постатейными материалами // под общ. ред. А.Б. Борисова. М., 2006. С. 165.

допроизводства, их родственники, друзья и товарищи и т. д.)³⁷¹, третьи и вовсе доказывают необходимость указания в постановлении фамилии, имени и отчества таких лиц, их места жительства и работы и даже места их обычного пребывания³⁷².

Полагаем, что отражение в постановлении о применении домашнего ареста процессуального статуса лиц или их групповой принадлежности является не очевидным и не конкретным для подозреваемого (обвиняемого) перечнем тех граждан, с которыми ему запрещено общаться, поскольку за время предварительного расследования у многих из них может появиться или даже измениться их процессуальный статус, о чем содержащееся под домашним арестом лицо не может, да и не должно знать. Использование в постановлении суда формулировок о запрете общения с лицами из числа дружеских или товарищеских связей представляется еще более абстрактным и соответственно – недопустимым.

Верховный Суд РФ прямо указывает, что, запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами, «суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц»³⁷³.

В.М. Быков и Д.А. Лисков, выражая позицию, согласованную с данной рекомендацией, помимо отражения в постановлении суда фамилии, имени и отчества лиц, их места жительства и работы, предлагают указывать и места их обычного пребывания³⁷⁴. Такая позиция, на наш взгляд, представляется неверной. На этапе избрания меры пресечения органы предварительного следствия в подавляющем большинстве случаев не имеют полного представления о всех потенциальных свидетелях (потерпевших), общение с которыми следует запретить подозреваемому (обвиняемому). А постоянное изменение формулировки указанного запрета, которое возможно только путем проведения нового судебного заседания, будет неоправданно затягивать сроки предварительного следствия по уголовному делу и фактически нивелировать его превентивное содержательное назначение в виде недопущения воз-

---

³⁷¹ См., напр.: *Светочев В.А.* Указ. соч. С. 151.

³⁷² См., напр.: *Быков В.М., Лисков Д.А.* Указ. соч. С. 12.

³⁷³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (п. 40) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³⁷⁴ *Быков В.М., Лисков Д.А.* Указ. соч. С. 12.

действия на свидетелей, потерпевших и иных лиц и передачи информации, направленной на незаконное противодействие органам предварительного расследования. Осуществление действенного контроля при установлении запретов подобного рода представляется также проблематичным.

Результаты анкетирования следователей Следственного комитета РФ свидетельствуют о схожей позиции следственных органов по данному вопросу. Так, всего 18,58% из числа опрошенных лиц заявили на необходимость указания в решении суда перечня конкретных лиц, с которыми запрещается общение в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста, 29,51% опрошенных указали на необходимость указания их процессуального статуса, 51,91% настаивают на необходимости отражения в соответствующем судебном решении запрета на общение со всеми лицами, кроме лица, ведущего производство по уголовному делу, защитника, лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым), и сотрудниками аварийно-спасательных служб в случае возникновения соответствующих ситуаций.

Результаты опроса судей демонстрируют еще больший перевес в пользу третьего варианта о необходимости отражения в соответствующем судебном решении запрета на общение со всеми лицами, кроме отдельных лиц (84,62%).

Несмотря на это, учитывая положения ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ и п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, представляется правильным формулировать в постановлении суда указанный запрет таким образом: недопустимость общаться как с конкретными лицами, отражая их фамилию, имя и отчество, так и с неопределенным кругом лиц, отражая их принадлежность к конкретному сообществу (к примеру, действующих и бывших сотрудников конкретной организации или учреждения).

Следующая мера запретительного характера связана с правом на отправление и получение почтово-телеграфных отправлений. Проведенный анализ постановлений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста показывает, что в 100% случаях при избрании данной меры пресечения на подозреваемого (обвиняемого) возлагается обязанность выполнения указанного запрета. При этом, ни суд, ни органы предварительного расследования в соответствующих постановлениях не конкре-

тизируют необходимость их возложения, что еще раз указывает на шаблонность принятия решений о применении конкретных видов запретов.

В современный век высоких технологий отправление и получение почтово-телеграфных отправлений является не столь распространенным явлением, как контакты посредством мессенджеров или телефонных переговоров. Несмотря на это, сотрудники территориальных органов ФСИН России испытывают определенные затруднения при осуществлении контроля за исполнением данной запретительной меры.

Как указывают Г.А. Бурмакин, А.Ш. Габараев и Е.В. Ермасов, проходящие службу в подразделениях ФСИН России, в целях исполнения решения суда контролирующей орган «направляет выписку из судебного решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в подразделение организации федеральной почтовой связи по месту жительства лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста»³⁷⁵. При этом указанное действие носит уведомительный характер, поскольку не возлагает на подразделения почтовой связи обязанности взаимодействовать с контролирующим органом и на какой-либо периодической основе сообщать о поступившей в адрес подозреваемого (обвиняемого) корреспонденции и его попытках произвести какие-либо отправления.

Кроме того, не стоит забывать, что услуги почтовой связи в России оказывает не только «Почта России», но и курьерские службы, такие как DHL Parcel, которые осуществляют деятельность как в России, так и за рубежом³⁷⁶, и, исходя из сведений Г.А. Бурмакина, А.Ш. Габараева и Е.В. Ермасова,³⁷⁷ никак не уведомляются о наличии соответствующего судебного решения. Принципы взаимодействия, не говоря уже о конкретных правилах работы, с подобными организациями подразделениями ФСИН России не выработаны.

Полагаем, что применительно к данному виду запретов по аналогии следует применять положения п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

---

³⁷⁵ Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. 2016. № 1. С. 134.

³⁷⁶ Сайт курьерской службы DHL // URL: <http://www.dhl.ru/ru/Parcel.html> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁷⁷ Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Указ. соч. С. 130–137.

19.12.2013 № 41³⁷⁸ и, налагая такие ограничения на любые виды отправлений, закреплять случаи, когда лицу разрешено отправлять и получать корреспонденцию. Такие исключения могут быть связаны с обменом информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения, а также корреспонденцией, связанной с осуществлением прав, предусмотренных УПК РФ (права на обжалование действий (бездействий) лица, производящего предварительное расследование по уголовному делу, на подачу соответствующих ходатайств и т. п.).

Пятая мера запретительного характера связана с реализацией подозреваемыми (обвиняемыми) прав на использование средств связи.

Категория «средство связи» определена в Федеральном законе от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и сконструирована в п. 28 ч. 1 ст. 2 как «технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями»³⁷⁹.

По нашему мнению, данное понятие достаточно полно раскрыто законодательно и позволяет отнести к средствам связи не только телефонные аппараты, но и программы WhatsApp, Viber, Skipe и др., которые могут быть установлены на планшетах, карманных персональных компьютерах, коммуникаторах и других устройствах.

При таких обстоятельствах контакт двух лиц посредством указанных программ будет являться общением с применением средств связи.

В то же время, исходя из приведенного выше определения, следует, что «средство связи» фактически предназначено для обмена данными между двумя и более лицами, то есть для общения.

---

³⁷⁸ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

³⁷⁹ О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.07.2022).

При этом, исходя из существа понятия «общение», которым признается «взаимное сношение, деловая или дружеская связь»³⁸⁰, следует, что формы общения могут быть различными – как прямое (личное), так и общение посредством средств связи.

В связи с изложенным, дополнительное указание в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрета на использование средств связи, по нашему мнению, является излишним и дублирующим запрет, установленный п. 3 той же части и статьи УПК РФ.

Вместо этого вполне логичной и емкой, на наш взгляд, выглядела бы следующая редакция п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: «3) общаться с определенными лицами, в том числе посредством использования средств связи».

Шестая мера запретительного характера связана с правом лица на доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Законодательное определение данного понятия содержится в Модельном законе об основах регулирования Интернета, в котором под Интернетом понимается глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, связывающая информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанная на использовании комплексов интернет-протоколов и протокола передачи данных и предоставляющая возможность реализации различных форм коммуникации, в том числе размещения информации для неограниченного круга лиц³⁸¹.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³⁸², не раскрывая содержание понятия «Интернет», дает понятие «информационно-телекоммуникационной сети», под которой понимает технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

---

³⁸⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 498.

³⁸¹ Модельный закон об основах регулирования Интернета (принят в г. Санкт-Петербурге 16.05.2011 Постановлением 36-9 на 36-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2011. № 51. С. 191–198.

³⁸² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2022).

Из вышеуказанных определений следует, что «Интернет» – лишь один из видов информационно-телекоммуникационной сети. Другой разновидностью такой сети можно привести локальные сети между абонентами, объединяющие от одного человека до нескольких тысяч, доступ к которым, к примеру, в г. Владивостоке предоставляют интернет-провайдеры «Влад Линк»³⁸³, «Альянс Телеком»³⁸⁴ и др., а в г. Москве – «Силинет»³⁸⁵, «Старнет»³⁸⁶ и др. При этом использование таких локальных сетей не может признаваться использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а значит – не будет являться нарушением запрета, предусмотренного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что делает возможным размещение в свободном доступе необходимых документов, записей, голосовых сообщений в виде призывов к каким-либо действиям, ведение электронного дневника с указанием конкретных событий и значимой информации и др. Пользователи, находящиеся в локальной сети, смогут беспрепятственно обращаться к таким файлам и получать значимую информацию о ходе и тактике предварительного следствия.

Из вышеуказанного следует, что формулировка в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ «информационно-телекоммуникационную сеть Интернет» требует законодательной корректировки, одним из вариантов которой может быть: «информационно-телекоммуникационные сети».

Это исключило бы возможность подозреваемого (обвиняемого) использовать любое коммуникативное пространство в любой сети, если потребность в таком запрете будет необходима органам предварительного расследования.

Достаточно проблематичным представляется осуществление контроля за исполнением рассматриваемого запрета. В настоящее время, когда доступ к сети Интернет имеют все современные смартфоны, компьютеры, планшеты и даже электронные книги, а сигнал связи для получения доступа к сети можно передавать бес-

---

³⁸³ Официальный сайт интернет-провайдера VladLink // URL: <http://www.vladlink.ru/internet/peers.php> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁸⁴ Официальный сайт интернет-провайдера Альянс Телеком // URL: <http://www.inetvl.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁸⁵ Официальный сайт интернет-провайдера Silinet // URL: <http://www.silinet.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁸⁶ Официальный сайт интернет-провайдера Starnet // URL: <http://www.starnet.ru/network> (дата обращения: 01.07.2022).

проводным путем, устанавливая точку доступа Wi-fi даже в соседнем жилом помещении, успешно контролировать данный процесс чрезвычайно проблематично, о чем неоднократно указывалось в научно-практических работах³⁸⁷.

Такой контроль невозможен ни путем аудиовизуального наблюдения, поскольку оно не позволяет установить, какие именно манипуляции производит лицо за компьютером (просматривает фильм или же отсылает сообщения в сети Интернет), ни с помощью анализа трафика соединений, поскольку значительная часть программного обеспечения в «фоновом» режиме способна производить соединение с Интернет для обновления их версии, обновления антивирусных баз и т. д.

Безусловно, разобраться в вопросах о том, скачивание какой информации было сопряжено с непосредственным использованием лицом сети Интернет, а какая информация была скопирована в фоновом режиме установленными на компьютере программами, сможет эксперт в рамках проведения компьютерной экспертизы, однако проведение таких экспертиз в каждом случае сомнения органов следствия в нарушении подозреваемым (обвиняемым) наложенных судом запретов не способствует реализации принципов экономии уголовной репрессии и разумности сроков предварительного следствия.

Указанные проблемы невозможно решить в рамках существующей системы средств контроля, применяемой сотрудниками ФСИН России, в связи с чем она должна быть пересмотрена с учетом современных реалий, о чем будет сказано ниже.

Последней запретительной мерой, впервые закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве, является запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Пункт 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ указывает именно на связь расследуемого преступления с нарушением правил дорожного движения, а не о совершении лицом преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств,

---

³⁸⁷ См., напр., *Квык А.В.* К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом // *Российский следователь.* 2017. № 4. С. 24–26; *Он же.* Процессуальные аспекты установления ограничений на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста и проблемы их исполнения // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр.* 2016. № 2. С. 80–82.

в связи с чем применение указанного запрета возможно не только по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных гл. 27 УК РФ. Ранее приводился вывод о возможности наложения указанного запрета в случае отсутствия у лица выданного в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, водительского удостоверения, поскольку расследуемое органами предварительного следствия преступление, связанное с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, может быть совершено лицом, не имеющим права управления транспортным средством либо лишенным права на его управление.

Обращаясь к вопросу контроля за соблюдением рассмотренных выше запретов, обратимся к положениям ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, закрепляющей, что данная функция возложена на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, к которому относятся подразделения ФСИН России.

Основным нормативным документом, закрепляющим порядок и меры контроля за лицами, к которым применены альтернативные заключению под стражу меры пресечения, является совместный приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»³⁸⁸ (далее – Приказ), возлагающий осуществление указанного контроля на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России и закрепляющий следующие его виды (п. 18, 19):

– применять технические средства контроля;

---

³⁸⁸ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 28.10.2021).

– проводить проверки не реже двух раз в неделю в месте исполнения меры пресечения, а при применении технических средств контроля - не реже одного раза в неделю (за исключением ночного времени);

– проводить незамедлительную проверку при получении информации о нарушении условий исполнения меры пресечения;

– при отсутствии у подозреваемого или обвиняемого запрета на использование средств связи – проводить дополнительную проверку его нахождения по месту исполнения меры пресечения с использованием средств телефонной связи не реже двух раз в неделю;

– осуществлять сбор информации, в том числе с помощью технических средств контроля о фактах нарушения установленных запретов или условий применения меры пресечения;

– вести учет использования подозреваемым или обвиняемым телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайных ситуаций, а также для общения с Инспекцией, дознавателем или следователем.

Из указанного перечня следует, что исполнение ограничений и запретов на выход лица за пределы жилого помещения, в котором он проживает, контролируется:

– путем его посещения сотрудниками территориального органа ФСИН России, которые осуществляются дважды в неделю, за исключением ночного времени;

– путем проверки с использованием телефонной связи (при условии отсутствия соответствующего запрета);

– путем применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств.

Представляется затруднительным назвать эффективной мерой контроля посещение подозреваемого (обвиняемого) дважды в неделю, исключая при этом возможность проверки в ночное время. За указанный период подконтрольное лицо имеет достаточно возможностей уничтожить следы преступления, оказать необходимое воздействие на свидетелей и скрыться, в том числе и за пределы Российской Федерации.

При этом увеличение частоты проверок лиц по месту содержания под домашним арестом не будет соответствовать принципу разумности и экономии сил и средств территориального органа ФСИН России.

Телефонный звонок, как мера контроля за нахождением лица в определенном месте, при наличии современных возможностей переадресации вызова, в том числе и на мобильные устройства, также не обеспечивает нахождение лица в месте исполнения рассматриваемой меры пресечения.

Казалось бы, все вышеуказанные сложности должны компенсироваться за счет применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств, однако уровень технического оснащения территориальных органов ФСИН России свидетельствует об обратном.

Основным электронным средством, с помощью которого осуществляется контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, является электронный браслет, представляющий из себя радиопередатчик с автономным питанием, который крепится на лодыжке подконтрольного лица.

При всех положительных характеристиках электронных браслетов в виде его герметичности и влагостойкости и наличия датчика контроля целостности, он не препятствует возможности лица скрыться от органов предварительного следствия и суда, поскольку электронный браслет возможно срезать либо привести в негодность начиняющие его технические элементы.

Фактически соблюдение лицом условий нахождения в пределах места исполнения меры пресечения обеспечивается его страхом перед возможностью изменения меры пресечения на более строгую – в виде заключения под стражу.

Действенный контроль за исполнением запрета на контакты с определенными лицами, в том числе посредством любых средств связи, вообще представляется невозможным по причине отсутствия каких-либо методик или опыта практической реализации таковых.

Исходя из положений Приказа, единственным видом контроля, позволяющим обеспечить исполнение ограничений и запретов на контакты с определенными лицами (в том числе посредством любых средств связи) и на использование опреде-

ленных технических средств, является установление по месту исполнения меры пресечения аудиовизуального устройства.

При этом в распоряжении территориальных органов ФСИН России такие устройства отсутствуют. И это не удивительно, поскольку направление развития электронного контроля в виде аудиовизуального наблюдения отсутствует даже в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.³⁸⁹, да и наличие подобных устройств в жилище не позволит в полной мере обеспечить соблюдение указанных выше ограничений и запретов, поскольку они не позволяют отслеживать манипуляции, совершаемые за компьютером, планшетом и иными устройствами, а современные возможности беспроводного соединения через технологию Wi-fi дают возможность лицу воспользоваться информационно-телекоммуникационной сетью Интернет в любой части квартиры, даже если Wi-fi роутер установлен в соседнем жилом помещении.

Результаты анкетирования сотрудников территориальных отделов ФСИН России показали, что 94,19% из числа опрошенных указали на невозможность в современных законодательных и технических рамках осуществлять контроль за соблюдением запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а 89,53% из числа опрошенных заявили и о невозможности эффективно контролировать запреты на общение с определенными лицами, в том числе посредством средств связи (приложение 23).

Полагаем, что вкладывать значительные материальные средства в обеспечение органов ФСИН России техническими средствами, позволяющими производить аудиовизуальное наблюдение, а также электронными браслетами, при наличии наших выводов об их низкой эффективности является нецелесообразным. Необходимо коренным образом менять систему контроля и формировать новые, автоматизированные системы исполнения установленных запретительных мер.

Совершенно справедливо в данном контексте Б.Я. Гаврилов указывает, что в современном мире невозможно не учитывать стремительное развитие информаци-

---

³⁸⁹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.04.2022).

онно-коммуникационных технологий, что впоследствии побуждает законодателя следовать за велением времени, включая их в сферу уголовного судопроизводства³⁹⁰.

Так, в Соединенных Штатах Америки уже длительное время для контроля за нахождением лиц под домашним арестом используется система голосовой идентификации, представляющая собой полностью автоматический программный комплекс, расположенный по месту нахождения органа, осуществляющего контроль за соблюдением запретов, установленных судом подозреваемому (обвиняемому). Указанная система с непоследовательной периодичностью производит соединения с телефонным аппаратом, установленным по месту содержания лица под домашним арестом, посылая сигнал вызова, на который тот обязан ответить. Отвечая на сигнал, подозреваемому (обвиняемому) надлежит произнести определенное сочетание слов, которое программный модуль сравнивает с эталоном ранее записанной фразы, произнесенной этим же лицом в различных интонациях³⁹¹.

При игнорировании звонка со стороны подозреваемого (обвиняемого) или несовпадения голоса записанному эталону система незамедлительно подает сигнал контролирующему лицу.

Внедрение подобного программного оборудования позволит не только повысить эффективность контроля нахождения лица в месте исполнения меры пресечения путем его автоматизации и исключения возможности ответа на поступивший сигнал иного лица кроме как контролируемого, но и освободит работников указанного органа от необходимости систематического личного посещения мест исполнения мер пресечения.

Интересной, но пока несколько «фантастичной» представляется технология имплантирования контролируемых лиц специальными чипами.

Система такой имплантации широко применяется в зарубежных странах в самых разнообразных сферах. Еще в 2002 г. в США рассматривалась законодательная инициатива о возможности «чипирования» лиц, признанных виновными в соверше-

---

³⁹⁰ Гаврилов Б.Я. Роль российского уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1, № 1. С. 56.

³⁹¹ House arrest Handbook by Community Corrections Centers Bucks County Department of Corrections. Pennsylvania, 2003 // URL: <http://www.buckscounty.org> (дата обращения: 23.05.2022).

нии умышленных преступлений в сфере половой свободы и неприкосновенности, а также иных категорий лиц. В качестве примера безопасности и принципиальной возможности таких манипуляций приводился опыт компании Applied Digital Solutions, выпускающей чип Verichip, которым по собственному желанию были имплантированы члены одной из американских семей. Такой чип содержал сведения о состоянии здоровья лица, проведенных у него операциях и индивидуальной непереносимости медицинских препаратов, что могло иметь важное значение при возникновении чрезвычайных ситуаций, связанных с нахождением лица без сознания или невозможностью сообщить о себе указанную информацию по иным причинам³⁹².

В настоящее время в США достаточно распространена практика вживления таких микрочипов в кисть руки для управления смарт-замком дома и смартфоном³⁹³, а в Швеции такие чипы вживляются для управления системой открывания офисных дверей, использования принтеров, отпираания шкафчиков для хранения вещей в спортивных залах и даже для приобретения спортивных коктейлей³⁹⁴.

При этом стоимость полного комплекта для такой инъекции вместе с оборудованием составляет порядка 57 долларов США за единицу, а сама процедура имплантации настолько проста, что производится не в медицинских учреждениях, а в салонах татуировки и пирсинга³⁹⁵.

Кроме того, подобные технологии уже используются в медицинских целях для помощи лицам, ограниченным в возможностях передвижения. Так, в 2022 г. в медицинском центре в Нью-Йорке пятому пациенту успешно имплантировали в кровеносный сосуд 38-мм нейрочип, позволяющий отправлять сообщения, вести электронную переписку и совершать онлайн-покупки. Для внедрения такого чипа врач производит разрез на шее пациента и с помощью катетера вводит нейрочип, состоящий из проводов и электродов, через яремную вену в кровеносный сосуд в головном

---

³⁹² Chipped: What Legal Questions Are The New Chip Implants For Humans Likely To Raise? // URL: <http://www.supreme.findlaw.com/legal-commentary/chipped.html> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁹³ Meet the humans with microchips implanted in them // URL: <http://www.cbsnews.com> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁹⁴ Swedish tech firm implants chips in employees' hands // URL: <http://www.thestar.com> (дата обращения: 01.07.2022).

³⁹⁵ Meet the humans with microchips implanted in them // URL: <http://www.cbsnews.com> (дата обращения: 01.07.2022).

мозге, после чего устройство активируется и срастается с внешними краями сосуда. Указанный чип подает сигналы вычислительному устройству, вживляемому под кожу в районе грудной клетки наподобие кардиостимулятора, которое, в свою очередь, передает данные сигналы по Bluetooth компьютеру или смартфону³⁹⁶.

Вместе с тем следует признать, что подобные медицинские вмешательства в организм человека в рамках избрания меры пресечения при современных условиях развития медицины и техники являются несколько неоправданными с точки зрения охраны здоровья личности.

Система же голосовой идентификации, напротив, позволила бы упростить систему контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения, переведя данный контроль из ручного в автоматический режим.

Для законодательного закрепления такой возможности предлагается обратиться к опыту Республики Казахстан, дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ и отразить в перечне запретительных мер обязанность подозреваемого (обвиняемого) использовать в порядке, определенном контролирующим органом, электронные средства контроля, поддерживать их в рабочем состоянии, отвечать на сигналы контроля. В таком случае неисполнение указанных ограничений будет являться прямым нарушением условий исполнения этой меры пресечения, как это предусмотрено в ст. 146 УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 г³⁹⁷.

Финансовые затраты на установку по месту содержания лица под домашним арестом системы голосовой идентификации, в случаях, когда указанная мера пресечения избирается по ходатайству стороны защиты, предлагаем возложить непосредственно на подозреваемого (обвиняемого) и выяснять указанный вопрос непосредственно в ходе судебного заседания об избрании меры пресечения. В тех же случаях, когда инициатором избрания данной меры пресечения является сторона обвинения, соответствующие расходы также в дальнейшем должны быть признаны процессу-

---

³⁹⁶ Быстрее Neuralink: пациенту в США имплантировали в мозг чип Stentrode // URL: http://www.trends.rbc.ru/trends/innovation/62da57da9a79474e39dd2c2e?utm_medium=share&utm_source=app_ios_reader&utm_campaign (дата обращения: 20.09.2022).

³⁹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // URL: <http://www.kodeksy-kz.com> (дата обращения: 22.06.2021).

альными издержками, в связи с чем полагаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 131 УПК РФ положением об отнесении к таким издержкам расходов, связанных с применением аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля за подозреваемым (обвиняемым).

Указанное предложение о возможности возложения финансовых затрат на установку системы голосовой идентификации на сторону, ходатайствующую об избрании соответствующей меры пресечения, поддерживают 53,33% опрошенных сотрудников Следственного комитета РФ.

Отдельные сложности вызывает понимание вопроса об органе, осуществляющем контроль за исполнением запрета, предусмотренного п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, на управление автомобилем или иным транспортным средством. Часть 11 ст. 105.1 УПК РФ возлагает на ФСИН России контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не указывая, кто обязан контролировать запрет, предусмотренный последним шестым пунктом.

В ч. 5 ст. 105.1 УПК РФ отражено, что в случае установления данного запрета дознавателем, следователем или судом изымается водительское удостоверение, которое приобщается к уголовному делу и хранится при нем до отмены данного запрета. Однако изъятие водительского удостоверения еще не является гарантией невозможности лицом осуществлять управление транспортным средством. Так, к примеру, изъятое водительское удостоверение возможно восстановить на основании заявления об его утрате.

В связи с этим выявляется потребность при применении запрета, предусмотренного п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, уведомлять об этом органы Государственной инспекции безопасности дорожного движения и инициировать перед ними вопрос о необходимости информирования соответствующего должностного лица органов предварительного расследования или суда о выявлении факта управления подозреваемым (обвиняемым) транспортным средством.

А поскольку применение запрета, предусмотренного п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не является лишением специального права в смысле положений ст. 3.8 КоАП РФ, потребуются формирование нового механизма для учета данных сведений в соответствующих информационных массивах указанного ведомства.

В настоящее время контроль за соблюдением запрета на управление автомобилем или иным транспортным средством фактически возложен на следователя (дознавателя, суд), что не является их основной функцией и, как следствие, сводит к минимуму эффективность применяемого запрета.

Отдельным вопросом применительно к рассматриваемой теме исследования является вопрос о целесообразности возложения контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Напомним, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 107 УПК РФ была введена ч. 10, закрепившая соответствующую обязанность вышеуказанного органа, которым, в соответствии с п. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, является ФСИН России³⁹⁸.

Указом Президента РФ от 30.03.2012 № 351 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314»³⁹⁹ перечень задач, возлагаемых на ФСИН России, был дополнен п. 1.1, согласно которому на указанную службу возложен контроль за «нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений». Типовым положением о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний также закреплена обязанность по «контролю за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста».

---

³⁹⁸ Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.07.2022).

³⁹⁹ О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314: Указ Президента РФ от 30.03.2012 № 351 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.12.2016).

ста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений»⁴⁰⁰ (п. 14).

До указанного времени обязанность такого контроля не регламентировалась нормативными правовыми документами и возлагалась на отдельные органы соответствующими решениями судов об избрании меры пресечения. В теории уголовного процесса также высказывались различные точки зрения относительно данного вопроса. В числе контролирующих органов предлагались отдельные службы органов внутренних дел, в том числе участковые уполномоченные; оперативные подразделения ФСБ России; судебные приставы и другие органы⁴⁰¹. Л.К. Трунова высказывалась за создание специального подразделения в системе судебных приставов Министерства юстиции⁴⁰². В.В. Климов в своей работе приводит примеры возложения Икрянским районным судом Астраханской области контроля за исполнением домашнего ареста на администрацию муниципального образования Сергеевский сельсовет, а также Катав-Ивановским городским судом Челябинской области – за исполнением ограничений и запретов, установленных участковому уполномоченному милиции, обвиняемому в получении взятки, – на старшего оперуполномоченного, ранее являющегося сослуживцем обвиняемого⁴⁰³. Совершенно очевидно, что исполнение установленных запретов в таких случаях будет на крайне низком уровне либо не будет осуществляться вовсе.

Казалось бы, в настоящее время в связи с законодательной регламентацией вопроса о контролирующем органе почва для указанных рассуждений отсутствует. Однако, исходя из результатов анкетирования самих сотрудников территориальных подразделений ФСИН России, технические возможности и предусмотренные в настоящее время законодательные положения о контроле за соблюдением наложен-

---

⁴⁰⁰ Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний: Приказ Минюста России от 01.04.2015 № 77 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

⁴⁰¹ *Быков В.М., Лисков Д.А.* Указ. соч. С. 13; комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. *И.Л. Петрухина*. М., 2002. С. 170; комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. *Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулин*. М., 2002. С. 246.

⁴⁰² *Трунова Л.К.* Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 238.

⁴⁰³ *Климов В.В.* Указ. соч. С. 111.

ных судом запретов, не позволяют в должной степени контролировать их выполнение, что неизбежно ставит вопросы как о совершенствовании методов контроля, так и о создании отдельной службы для его осуществления.

Итак, система запретительных мер, ранее предусмотренная в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста, в настоящее время стала неким конструктором, посредством использования деталей которого возможно создать наиболее рациональную и оптимальную модель ограничений для подозреваемого или обвиняемого в рамках меры пресечения, при которой, с одной стороны, будет обеспечено его надлежащее поведение, с другой – не будет допущено неоправданного ограничения конституционных прав лица.

Перечень таких запретительных мер в ст. 105.1 и 107 УПК РФ на всем протяжении законодательного закрепления всегда имел закрытый характер (не позволяющий устанавливать дополнительные виды по усмотрению правоприменителя) и пополнялся новыми мерами исключительно на законодательном уровне. Думается, такой подход, в отличие от формулирования перечня запретительных мер по открытому типу, является наиболее оптимальным с точки зрения четкой определенности формулировок запретов и недопущения неоправданного вмешательства в конституционные права человека на этапе правоприменения. Вместе с тем с расширением практики использования альтернативных заключению под стражу мер пресечения не исключено, что перечень запретительных мер будет дополняться новыми запретами.

Анализ теории и практики применения запретительных мер показал насущную потребность в корректировке некоторых из них:

1) в связи с невозможностью предусмотреть в решении суда об избрании меры пресечения с установлением запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, все случаи исключений и бытовых потребностей лица, связанных с применением указанных запретительных мер, ст. 105.1 и 107 УПК РФ следует дополнить положениями, позволяющими следователю (дознавателю), в чьем производстве находится уголовное дело, принимать решение о смягчении, в отдельных случаях, конкретных запретов на основании соответствующего постановления при наличии обоснованного ходатайства стороны защиты либо без такового по собственному усмотрению;

2) новая мера запретительного характера нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещение определенных мероприятий и участие в них, предусмотренная п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, фактически может создать условия, равнозначные п. 1 указанной части статьи, путем наложения запрета: на «посещение общественных мест, а также территорий и помещений, занимаемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности». При наложении такого запрета, по смыслу ч. 9 и 10 ст. 105.1 УПК РФ, не требуется установление и продление срока его применения, поскольку он прямо не связан с запретом на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, однако фактически будет создавать ограничительных меры такого характера, в связи с чем, по нашему мнению, положения ч. 9, 10 ст. 105.1 УПК РФ необходимо изменить в части необходимости установления сроков его применения по типу запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ;

3) используемое в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ понятие «чрезвычайная ситуация», при наступлении которой допускается осуществить вызов скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов и аварийно-спасательных служб, не раскрывается в ст. 5 УПК РФ для целей уголовно-процессуального законодательства. Анализ данного понятия из других источников права не позволяет признать его подходящим для целей указанной статьи, в связи с чем полагаем необходимым заменить его категорией «крайняя необходимость»;

4) запрет на использование средств связи, сформулированный как отдельный вид в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, учитывая, что «средство связи» предназначено для обмена данными между двумя и более лицами, то есть для общения, следует совместить с запретом на общение с определенными лицами и сформулировать как «3) общаться с определенными лицами, в том числе посредством использования средств связи». При этом, налагая запрет на общение с определенными лицами, представляется правильным формулировать в постановлении суда указанный запрет в виде недопустимости общаться как с конкретными лицами, отражая их фамилию,

имя и отчество, так и с неопределенным кругом лиц, отражая их принадлежность к конкретному сообществу (к примеру, действующих и бывших сотрудников конкретной организации или учреждения);

5) мера запретительного характера, связанная с ограничением на доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет сформулирована некорректно, поскольку Интернет – лишь один из видов информационно-телекоммуникационных сетей и при наличии такого запрета подозреваемый (обвиняемый) не лишен права на использование локальных сетей между абонентами, объединяющих от одного человека до нескольких тысяч. Формулировка в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ «информационно-телекоммуникационную сеть Интернет» требует законодательной корректировки, одним из вариантов которой может быть: «информационно-телекоммуникационные сети».

Контроль за исполнением рассматриваемого запрета в настоящее время фактически невозможен, поскольку установление точки доступа Wi-fi технически осуществимо в соседнем помещении с предоставлением прав доступа к информационно-телекоммуникационным сетям через смартфоны, компьютеры, планшеты и даже электронные книги.

В связи с этим в настоящее время необходимо коренным образом менять систему контроля и формировать новые, автоматизированные системы исполнения установленных запретительных мер. Вкладывать значительные материальные средства в расширение штата сотрудников органов ФСИН России и обеспечение их техническими средствами, позволяющими производить аудиовизуальное наблюдение в месте исполнения меры пресечения, при условии низкой эффективности таких мер, совершенно нецелесообразно.

В мировой практике уже зарекомендовала себя как эффективное средство система голосовой идентификации, внедрение которой позволило бы не только разгрузить сотрудников территориальных подразделений ФСИН России от несвойственной им ранее деятельности, но и создать прочную основу для последующего развития и эффективного применения средств контроля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-процессуальное регулирование альтернативных заключению под стражу мер пресечения, получив новый стимул к развитию в общей системе мер процессуального принуждения с момента сформулированного Президентом Российской Федерации в 2009 г.⁴⁰⁴ курса на либерализацию сферы уголовно-процессуальных отношений, в общеисторическом масштабе прошло значительный и достаточно неоднородный путь своего становления и развития.

На этапе доправового регулирования обнаружены случаи применения в качестве альтернативы тюремного заключения таких мер пресечения как личное поручительство и домашний арест. Этап правового регулирования современных прообразов альтернативных заключению под стражу мер пресечения обусловлен принятием в 1832 г. Свода законов Российской Империи, в котором в качестве такой меры пресечения закреплён домашний арест, Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., закрепившего залог, и в новейшем времени – Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, выделившего ранее неизвестную российскому законодательству меру пресечения в виде запрета определенных действий, представляющую из себя собирательный образ отдельных ограничительных мер.

Анализ законодательства о мерах пресечения зарубежных стран позволяет утверждать, что в качестве альтернативы заключению под стражу используется комплекс ограничительных мер, сходных по своему содержанию с элементами российских мер пресечения в виде домашнего ареста, залога, запрета определенных действий и поручительства. Во Франции содержательная составляющая залога, запрета определенных действий и домашнего ареста скомпилированы воедино в мере пресечения в виде судебного контроля; в Республике Южная Корея и Японии при избрании залога допускается установление ограничений и запретов, при этом в качестве отдельной меры пресечения домашний арест не выделен; в законодательстве КНР залог является неотъемлемым элементом поручительства, а домашний арест реализован в виде меры наблюдения по месту жительства; в США же основной альтерна-

---

⁴⁰⁴ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2009. 13 нояб.

тивной содержанию под стражей является залог, а домашний арест представлен в виде определенных программ как условий условно-досрочного освобождения или запретительных ограничений, возложенных исправительными учреждениями в качестве альтернативы отбыванию наказания в местах лишения свободы. Уголовно-процессуальное законодательство стран постсоветских республик также в подавляющем большинстве характеризуется направленностью на использование комплексных ограничительных и запретительных мер при применении домашнего ареста или залога как альтернативы содержанию под стражей.

Законодательно закреплённого понятия «альтернативные виды мер пресечения» не существует, однако исходя из его семантического толкования и использования на стадии предварительного расследования его следует определить как «предусмотренные законодательством виды мер пресечения, избрание которых допускается уголовно-процессуальным законом вместо меры пресечения, инициированной к избранию органами предварительного расследования», в связи с чем предложена классификация мер пресечения: на избранные по инициативе органов предварительного расследования и альтернативные виды, избранные судом по собственной инициативе при рассмотрении соответствующих ходатайств следственных органов, где законом допускается возможность применения более мягкого вида меры пресечения.

Среди выделяемых альтернативных видов мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий процент их применения от общего числа удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения за 2019–2021 гг. составил 6,75; 0,12 и 1,93% соответственно, что пока не позволяет признать применение данных мер пресечения в качестве действенной альтернативы заключению под стражу.

Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, трансформировав меру пресечения в виде залога на залог без возложения на подозреваемого или обвиняемого дополнительных запретов и залог с возложением таковых, закрепив совершенно новую меру пресечения в виде запрета определенных действий, конкурирующую по своему содержанию с домашним арестом, и поменяв сущностное содержание домашнего ареста с частичной изоляции на полную изоля-

цию в жилом помещении, меняют традиционный подход к системе мер пресечения в отечественном уголовном процессе:

1) в настоящее время индивидуальный характер альтернативных заключению под стражу мер пресечения стал значительно менее выраженным, а система мер пресечения в российском уголовном процессе потеряла свою стройность и однозначное иерархическое построение, что обусловило наличие обоснованных сомнений относительно правильности определенного законодателем места запрета определенных действий в системе мер пресечения, расположенного по своей строгости ниже залога, и необходимости расположения данного вида меры пресечения, учитывая характер запретительных мер, выраженный в возможности ограничения времени и места передвижения подозреваемого (обвиняемого), непосредственно после домашнего ареста;

2) появившаяся конкуренция применения запрета определенных действий и домашнего ареста, выраженная в фактической невозможности полной изоляции лица от общества в рамках домашнего ареста, и схожесть остальных содержательных составляющих данных видов мер пресечения на практике создают реальную возможность замещения одной меры пресечения на другую, что при наличии различного порядка продления сроков применения данных видов мер пресечения является недопустимым.

Определяя понятие «судебная ситуация», в которой находится судья при избрании в судебном порядке меры пресечения, предложено понимать его как «совокупность сведений из представленных сторонами уголовного процесса материалов, при которых судьей в рамках конкретного судебного заседания подлежит разрешению вопрос об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения», а проявление судебной инициативы в данном вопросе, выраженной в принятии судом решения об избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения, является одним из решений, принимаемых в конкретной судебной ситуации, складывающейся по поводу избрания меры пресечения, и не свидетельствует о взятии на себя судом функций сторон обвинения или защиты.

При этом, анализируя основания и условия избрания рассматриваемых видов мер пресечения, следует отметить, что перечисленные в ст. 97 УПК РФ положения

не позволяют в должной мере разрешить вопрос об избрании конкретного вида меры пресечения в индивидуальной судебной ситуации, поскольку при их формулировании допущено смешение с целями их избрания. Кроме того, ценность и эксклюзивность критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения», закрепленного в ст. 108, 107, 105.1 УПК РФ как условия применения данных мер пресечения, фактически нивелированы частотой его законодательного использования, что на практике приводит к непрозрачности принимаемых решений об избрании конкретного вида мер пресечения.

В связи с изложенным предложено свое видение оснований избрания мер пресечения, под которыми следует понимать конкретные фактические сведения, указывающие на реальные намерения лица совершить действия в целях воспрепятствования производству уголовному делу, подразделив их:

– на связанные с событием преступления (при подготовке, во время совершения преступления и непосредственно после его совершения), к которым следует отнести следующие: причастность лица к совершенному преступлению; тяжесть преступления; сфера уголовно-правовой охраны, на которую совершено преступное посягательство; количественный состав участников преступления; принятие мер к уничтожению следов сразу после совершения преступления и др.;

– характеризующие постпреступное поведение лица, в числе которых возможны: выбытие с постоянного места жительства, неявка или несвоевременная явка по повесткам для проведения следственных действий, высказывание угроз или намерений передать денежное вознаграждение для дачи конкретных показаний по уголовному делу и др.;

– опосредованные (непосредственно не связанные с событием преступления и постпреступной деятельностью и характеризующие социальный статус лица и его физическое состояние), к которым следует отнести: возраст, состояние здоровья, состав семьи, род занятий и другие сведения (в том числе внешние факторы).

Рассмотрение указанных сведений в каждой отдельной судебной ситуации позволяет определить судье, намерен ли обвиняемый (подозреваемый) осуществить действия по воспрепятствованию производству по уголовному делу и какая из видов мер пресечения обеспечит его должное поведение.

Установлено, что пандемия, вызванная распространением коронавируса Covid-19, оказывала прямое влияние на виды избираемых на практике мер пресечения, а также на решения по отдельным уголовным делам, в связи с чем предложено закрепить данное понятие в ст. 99 УПК РФ применительно к обстоятельствам, учитываемым при избрании мер пресечения, и сформулировать ее следующим образом: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, **санитарно-эпидемиологическая ситуация** (выделено нами. – *Авт.*), сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

На основе действующего уголовно-процессуального законодательства выделены судебные ситуации, в рамках которых возможно проявление инициативной роли суда на избрание альтернативных видов мер пресечения: при отказе в удовлетворении ходатайства следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, а также при рассмотрении ходатайств о продлении срока применения данных видов мер пресечения. При этом отдельно выделена судебная ситуация при продлении срока применения залога с установленными ограничениями в виде запрета на выход за пределы жилого помещения, в рамках которой законодателем до настоящего времени не установлена возможность применения более мягкой, по мнению законодателя, меры пресечения в виде запрета определенных действий. На наш взгляд, такая дилемма связана с неверно определенным местом запрета определенных действий в системе мер пресечения, поскольку по характеру запретительных мер и, соответственно, своей строгости, данная мера пресечения является более строгой, чем залог.

Несмотря на то, что абсолютные и относительные показатели применения домашнего ареста, залога и запрета определенных действий не позволяют говорить о наличии действительной альтернативы мере пресечения в виде заключения под стражу, процент инициативного принятия судами решений об избрании указанных мер пресечения при отказе в удовлетворении ходатайств органов предварительного

следствия о применении заключения под стражу, возрос с 12,20% в 2011 г. до 46,85% в 2021 г., что позволяет говорить о возрастающей роли суда при решении вопроса об избрании наиболее строгого вида из мер пресечения.

Появление возможности применения комплекса запретительных мер, собираемых как конструктор в каждой судебной ситуации, применительно к конкретному обвиняемому (подозреваемому) в рамках домашнего ареста, залога или запрета определенных действий, на первый взгляд, предопределяет вектор более активного применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, вместе с тем сосредоточение сторон на доказывании суду необходимости применения конкретного вида меры пресечения приводит к тому, что вопрос о видах налагаемых запретов при избрании судом альтернативной заключению под стражу меры пресечения остается без обсуждения, в связи с чем в 94,55% случаях суды склонны устанавливать все виды запретов, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не индивидуализируя их к конкретному подозреваемому (обвиняемому), роду его занятий и потребностям.

Система запретительных мер, ранее предусмотренная в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста, в настоящее время стала неким конструктором, посредством использования деталей которого возможно создать наиболее рациональную и оптимальную модель ограничений для подозреваемого или обвиняемого в рамках меры пресечения, при которой, с одной стороны, будет обеспечено его надлежащее поведение, с другой – не будет допущено неоправданного ограничения конституционных прав лица.

Перечень таких запретительных в статьях 105.1 и 107 УПК РФ мер на всем протяжении законодательного закрепления всегда имел закрытый характер (не позволяющий устанавливать дополнительные виды по усмотрению правоприменителя) и пополнялся новыми мерами исключительно на законодательном уровне. Думается, такой подход, в отличие от формулирования перечня запретительных мер по открытому типу, является наиболее оптимальным с точки зрения четкой определенности формулировок запретов и недопущения неоправданного вмешательства в конституционные права человека на этапе правоприменения. Вместе с тем, с расширением практики использования альтернативных заключению под стражу мер пресечения,

не исключено, что перечень запретительных мер будет дополняться новыми запретами.

Помимо этого, выявлены дополнительные пробелы в вопросах избрания и применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения:

1. Ввиду чрезмерно активного закрепления законодателем критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» в нормах уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 УПК РФ) его значение стало нивелироваться. Учитывая, что назначение уголовного судопроизводства в виде защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, обязывает сторону обвинения избирать только такую меру пресечения, применение которой необходимо для достижения должного порядка производства по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также принцип иерархического построения системы мер пресечения в ст. 98 УПК РФ, закрепление критерия «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» применительно к наиболее строгой мере пресечения в виде заключения под стражу допустимо и оправданно, однако дублирование данного критерия применительно к домашнему аресту и запрету определенных действий, является нецелесообразным, в связи с чем предлагается исключить его из диспозиций ч. 1 ст. 105.1 и ч. 1 ст. 107 УПК РФ.

2. Выявлено несовершенство модели взаимодействия между поднадзорным (в лице следователя) и надзирающим (в лице прокурора) органами в вопросах избрания мер пресечения и продления срока их применения. В целях недопущения различных позиций указанных органов по вопросам применяемой меры пресечения, что негативно влияет на эффективность всего уголовного судопроизводства, полагаем необходимым внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство об обязательности получения следователем, помимо согласия руководителя следственного органа, согласия прокурора для избрания в судебном порядке меры пресечения и продления срока ее применения, что должно найти отражение в виде соответствующей резолюции на постановлении следователя.

3. Предложены дополнительные изменения порядка и условий применения меры пресечения в виде залога, связанные с внедрением практики Республики Казахстан о возможности взыскания штрафа как меры наказания за совершенное пре-

ступление и наложения иных имущественных взысканий (о возмещении причиненного совершением преступления ущерба, процессуальных издержек, обеспечении гражданского иска, конфискации имущества) на предмет внесенного залога, для чего дополнительно признать в ч. 1 ст. 106 УПК РФ в качестве залогодателя только самого подозреваемого (обвиняемого).

Изменение порядка внесения залога не от иных физических или юридических лиц, а непосредственно через подозреваемого или обвиняемого, нисколько не умаляет возможность применения данной меры пресечения, поскольку получить предмет залога указанные лица смогут, к примеру, по соответствующему договору займа, в том числе через доверителя посредством выдачи нотариальной доверенности.

Кроме того, поскольку применение залога, как меры пресечения, является неосуществимым без желания самого подозреваемого (обвиняемого), полагаем возможным изменить порядок избрания залога с судебного на внесудебный, оставив необходимость получения судебной санкции только при избрании залога с установлением запретов определенных действий, а сам предмет залога необходимо заменить исключительно на денежный вид, что, на наш взгляд, упростит порядок его применения и стимулирует развитие и становление так называемых «профессиональных залогодателей», выдающих залоговые займы под определенный процент.

4. Поскольку применение запрета определенных действий имеет под собой целью предоставление лицу ряда свобод для осуществления профессиональной, учебной или иной деятельности при наличии ряда ограничений, тогда как итоговой целью домашнего ареста является изоляция лица от общества в жилом помещении, условия и ограничительные меры, налагаемые на лицо в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий значительно более лояльны, чем условия содержания лица под домашним арестом, в связи с чем автором предложено изменить и порядок зачета срока применения запрета определенных действий с запретом покидать жилище по сравнению с порядком зачета срока применения домашнего ареста в общий срок наказания и засчитывать его из расчета не два, а три дня применения запрета определенных действий за один день содержания под стражей (лишения свободы), что потребует внесения изменений в ч. 10 ст. 109 УПК РФ и ч. 3.4 ст. 72 УК РФ.

5. Анализ теории и практики применения запретительных мер показал насущную потребность в корректировке некоторых из них:

1) в связи с невозможностью предусмотреть в решении суда об избрании меры пресечения с установлением запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, всех случаев исключений и бытовых потребностей лица, связанных с применением указанных запретительных мер, ст. 105.1 и 107 УПК РФ следует дополнить положениями, позволяющими следователю (дознавателю), в чьем производстве находится уголовное дело, принимать решение о смягчении в отдельных случаях конкретных запретов на основании соответствующего постановления при наличии обоснованного ходатайства стороны защиты либо без такового по собственному усмотрению;

2) новая мера запретительного характера нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещение определенных мероприятий и участие в них, предусмотренная п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, фактически может создать условия, равнозначные п. 1 указанной части статьи, путем наложения запрета на: «посещение общественных мест, а также территорий и помещений, занимаемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности». При наложении такого запрета, по смыслу частей 9 и 10 ст. 105.1 УПК РФ, не требуется установление и продление срока его применения, поскольку он прямо не связан с запретом на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, однако фактически будет создавать ограничительные меры такого характера, в связи с чем, по нашему мнению, положения ч. 9, 10 ст. 105.1 УПК РФ необходимо изменить в части необходимости установления сроков его применения по типу запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ;

3) используемое в ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ понятие «чрезвычайная ситуация», при наступлении которой допускается осуществить вызов скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов и аварийно-спасательных служб, не раскрывается в ст. 5 УПК РФ для целей уголовно-процессуального законодательства. Анализ данного понятия из других источников права не позволяет признать его

подходящим для целей указанной статьи, в связи с чем полагаем необходимым заменить его на категорию «крайняя необходимость»;

4) запрет на использование средств связи, сформулированный как отдельный вид в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, учитывая, что «средство связи» предназначено для обмена данными между двумя и более лицами, то есть для общения, следует совместить с запретом на общение с определенными лицами и сформулировать как «3) общаться с определенными лицами, в том числе посредством использования средств связи». При этом, налагая запрет на общение с определенными лицами, представляется правильным формулировать в постановлении суда указанный запрет в виде недопустимости общаться как с конкретными лицами, отражая их фамилию, имя и отчество, так и с неопределенным кругом лиц, отражая их принадлежность к конкретному сообществу (к примеру, действующих и бывших сотрудников конкретной организации или учреждения);

5) мера запретительного характера, связанная с ограничением на доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сформулирована некорректно, поскольку Интернет – лишь один из видов информационно-телекоммуникационных сетей, и при наличии такого запрета подозреваемый (обвиняемый) не лишен права на использование локальных сетей между абонентами, объединяющих от одного человека до нескольких тысяч. Формулировка в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ «информационно-телекоммуникационную сеть Интернет» требует законодательной корректировки, одним из вариантов которой может быть: «информационно-телекоммуникационные сети».

Кроме того, в настоящее время необходимо коренным образом менять систему контроля и формировать новые, автоматизированные системы исполнения установленных запретительных мер. Вкладывать значительные материальные средства в расширение штата сотрудников органов ФСИН России и обеспечение их техническими средствами, позволяющими производить аудиовизуальное наблюдение в месте исполнения меры пресечения, при условии низкой эффективности таких мер совершенно нецелесообразно.

В мировой практике уже зарекомендовала себя как эффективное средство система голосовой идентификации, внедрение которой позволило бы не только разгру-

зять сотрудников территориальных подразделений ФСИН России от несвойственной им ранее деятельности, но и создать прочную основу для последующего развития и эффективного применения средств контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные и правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС КонсультантПлюс.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
9. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
10. О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
11. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
12. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 // СПС КонсультантПлюс.

13. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.06.2022).

14. О допуске к управлению транспортными средствами (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений»): постановление Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 // СПС КонсультантПлюс.

15. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2021).

16. Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности: постановление Правительства РФ от 13.07.2011 № 569 // СПС КонсультантПлюс.

17. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»): постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 // СПС КонсультантПлюс.

18. О порядке и условиях признания лица инвалидом: постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 // СПС КонсультантПлюс.

19. Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности: постановление Правительства РФ от 28.09.2000 № 731 // СПС КонсультантПлюс.

20. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или об-

вменяемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2021).

21. Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации: приказ СК России от 09.01.2017 № 2 // СПС КонсультантПлюс.

22. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 // СПС КонсультантПлюс.

23. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений: приказ МВД России от 20.10.2015 № 995 // СПС КонсультантПлюс.

24. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний: приказ Минюста России от 01.04.2015 № 77 // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.06.2022).

25. О формах справки, подтверждающей факт установления инвалидности, и выписки из акта освидетельствования гражданина, признанного инвалидом, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и порядке их составления: приказ Минздравсоцразвития России от 24.11.2010 № 1031н // СПС КонсультантПлюс.

26. Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов: инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И // СПС КонсультантПлюс.

27. Положение о правилах осуществления перевода денежных средств (утв. Банком России 19.06.2012 № 383-П) // СПС КонсультантПлюс.

28. Положение о порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях

на территории Российской Федерации (утв. Банком России 24.04.2008 № 318-П) // СПС КонсультантПлюс.

29. О внесении изменений в статью 412-5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части расширения полномочий Председателя Верховного Суда Российской Федерации и его заместителя в суде надзорной инстанции): законопроект № 1103087-6 // URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 17.05.2022).

30. О потерпевших от преступлений: проект федер. закона Российской Федерации // URL: <http://www.rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата обращения: 18.06.2022).

31. Модельный закон об основах регулирования Интернета (принят в г. Санкт-Петербурге 16.05.2011 Постановлением 36-9 на 36-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2011. – № 51. – С. 191–198.

32. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС КонсультантПлюс.

33. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 15.02.1923 // СПС КонсультантПлюс.

34. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 25.05.1922 // СПС КонсультантПлюс.

35. Положение о военных следователях от 30.09.1919 // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сб. документов. – М., 1955. – 635 с.

36. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами Министра юстиции / под ред. *М. Шрамченко, В. Широкова.* – СПб., 1899. – 1243 с.

37. О внесении изменений в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федер. закона // СПС КонсультантПлюс.

38. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста): пояснительная записка к проекту федер. закона // URL: <http://www.sozd.parlament.gov.ru/bill/900722-6> (дата обращения: 10.04.2022).

39. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. – 2009. – 13 нояб.

40. Об организации надзора за расследованием в режиме самоизоляции: информационное письмо прокуратуры РФ по Калужской области от 02.04.2020 № 15-3-2020 // Архив прокуратуры РФ по Калужской области за 2020 г.

II. Международные и зарубежные нормативно-правовые акты и документы

41. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС КонсультантПлюс.

42. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

43. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // URL: <http://www.kodeksy-kz.com/ka> (дата обращения: 22.06.2021).

44. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V // URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=620000 (дата обращения: 22.06.2021).

45. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).

46. Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 21.04.2005 // URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (дата обращения: 22.06.2021).

47. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14.03.2003 № 122-XV // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).
48. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ // URL: <http://www.unodc.org/tldb/pdf> (дата обращения: 22.06.2021).
49. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 // URL: <http://www.kodeksy.by> (дата обращения: 22.06.2021).
50. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // URL: <http://www.continent-online.com> (дата обращения: 22.06.2021).
51. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики от 01.07.1979 // URL: <http://www.chinalawinfo.ru> (дата обращения: 22.06.2021).
52. Уголовно-процессуальный кодекс (Criminal Procedure Act) Республики Южная Корея от 30.05.1954 // URL: <http://www.law.go.kr/eng> (дата обращения: 22.06.2021).
53. Уголовно-процессуальный кодекс (Code of Criminal Procedure) Японии от 10.07.1948 // URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en> (дата обращения: 22.06.2021).
54. Уголовно-процессуальный кодекс (Code de procédure pénale) Французской Республики 1808 года (с изм. и доп. на 02.03.2015) // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fr/fr/fr443fr-part2.pdf> (дата обращения: 22.06.2021).
55. Постановление Министерства финансов Германии от 27.02.2018 // URL: <http://www.ru.scribd.com> (дата обращения: 22.06.2021).
56. О фонде компенсации вреда потерпевшим: проект закона Республики Казахстан // URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=36057398 (дата обращения: 22.06.2021).

III. Материалы судебной и следственной практики

57. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Гольшева и К.П. Данилова: постанов-

ление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П (п. 3) // Рос. газета. – 2003. – 15 марта.

58. По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло: постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 № 2-П // Рос. газета. – 2000. – 23 февр.

59. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // Рос. газета. – 2005. – 1 апр.

60. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан В.А. Жеребенкова и Е.С. Жигарева на нарушение их конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, касающихся применения в качестве меры пресечения заключения под стражу: определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2000 № 175-О // СПС КонсультантПлюс.

61. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Алексея Ильича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и примечанием к статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 533-О // СПС КонсультантПлюс.

62. По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О // СПС КонсультантПлюс.

63. Постановление Европейского суда по правам человека от 30.08.1990 (жалобы № 12244/86, 12245/86, 12383/86) // URL: <http://www.hudoc.echr.coe> (дата обращения: 22.06.2021).

64. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «W. Против Швейцарии» от 26.01.1993 (жалоба № 14379/88) // URL: <http://www.europecourt.ru> (дата обращения: 22.06.2021).
65. Постановление Европейского суда по правам человека от 28.10.1994 (жалоба № 14310/88) // URL: <http://www.hudoc.echr.coe> (дата обращения: 22.06.2021).
66. Постановление Европейского суда по правам человека от 16.10.2001 (жалоба № 37555/97) // URL: <http://www.hudoc.echr.coe> (дата обращения: 22.06.2021).
67. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Колев (Kolev) против Болгарии» от 28.04.2005 (жалоба № 50326/99) // URL: <http://www.echr.ru> (дата обращения: 22.06.2021).
68. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Долгова (Dolgova) против Российской Федерации» от 02.03.2006 (жалоба № 11886/05) // СПС КонсультантПлюс.
69. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Мельникова против России» от 21.06.2007 (жалоба № 24552/02) // СПС КонсультантПлюс.
70. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Нарт (Nart) против Турции» от 06.05.2008 (жалоба № 20817/04) // СПС КонсультантПлюс.
71. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Миминошвили против России» от 28.06.2011 (жалоба № 20197/03) // СПС КонсультантПлюс.
72. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Чумаков (Chumakov) против Российской Федерации» от 24.04.2012 (жалоба № 41794/04) // СПС КонсультантПлюс.
73. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Идалов (Idalov) против Российской Федерации» от 22.05.2012 (жалоба № 5826/03) // СПС КонсультантПлюс.
74. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Шикута (Shikuta) против Российской Федерации» от 11.04.2013 (жалоба № 45373/05) // СПС КонсультантПлюс.

75. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Яжинский (Jarzynski) против Польши» от 04.10.2005 (жалоба № 15479/02) // URL: <http://www.refworld.org.ru/pdfid/51f245e70.pdf> (дата обращения: 22.06.2021).

76. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Бузаджи (Buzadji) против Республики Молдова» от 05.07.2016 (жалоба № 23755/07) // СПС КонсультантПлюс.

77. Решение суда Европейского союза по делу С-264/14 от 22.10.2015 // URL: <http://www.curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf> (дата обращения: 22.06.2021).

78. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.06.2013 № 3/12-50/13 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

79. Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2005 № 11-ДО5-37 // URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_31973.htm (дата обращения: 22.06.2021).

80. Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 9-ДО9-25 // URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_44069.htm (дата обращения: 22.06.2021).

81. Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2014 № 1-129/11 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

82. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 44-КГ20-17-К7 от 02.02.2021 // URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1969738 (дата обращения: 25.10.2022).

83. Постановление Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 04.04.2012 № 21-П12 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

84. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим Постановления Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»: решение Верховного Суда РФ от 25.05.2016 № АКПИ16-307 // СПС КонсультантПлюс.

85. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017) // URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

86. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 08.09.2022).

87. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // СПС КонсультантПлюс.

88. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс.

89. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 // СПС КонсультантПлюс.

90. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-12084/2014 от 08.09.2014 по делу № 3/1У-697/14 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

91. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 09.04.2015 № 22-1806/2015 // URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

92. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 22.06.2021).

IV. Диссертации и авторефераты

93. *Ахминова, Ю.Ю.* Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук / *Ю.Ю. Ахминова.* – СПб., 2017. – 181 с.

94. *Балтабаев, К.Т.* Домашний арест в уголовном судопроизводстве республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *К.Т. Балтабаев.* – М., 2001. – 28 с.
95. *Богданчиков, С.В.* Залог в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *С.В. Богданчиков.* – М., 2009. – 23 с.
96. *Богданчиков, С.В.* Залог в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / *С.В. Богданчиков.* – М., 2009. – 160 с.
97. *Бородин, С.В.* Профессиональная защита в системе уголовно-процессуального исследования преступлений (методологические, процессуальные и криминалистические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *С.В. Бородин.* – Воронеж, 2009. – 27 с.
98. *Буряков, А.Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *А.Д. Буряков.* – М., 1967. – 15 с.
99. *Величко, А.В.* Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *А.В. Величко.* – М., 2001. – 26 с.
100. *Вершинина, С.И.* Залог в системе мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук / *С.И. Вершинина.* – Самара, 1998. – 178 с.
101. *Гринюк, Е.Н.* Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: дис. ... канд. юрид. наук / *Е.Н. Гринюк.* – Волгоград, 2018. – 280 с.
102. *Гусельникова, Е.В.* Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *Е.В. Гусельникова.* – Томск, 2001. – 24 с.
103. *Давыдов, П.М.* Меры пресечения в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / *П.М. Давыдов.* – Л., 1953. – 301 с.
104. *Жога, Е.Ю.* Арест как мера пресечения в уголовном процессе и судебная проверка его законности и обоснованности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *Е.Ю. Жога.* – Саратов, 2001. – 21 с.
105. *Колоскова, С.В.* Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоохрани-

менительная практика: дис. ... канд. юрид. наук / *С.В. Колоскова*. – Нижний Новгород, 2014. – 251 с.

106. *Медведева, О.В.* Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / *О.В. Медведева*. – Волгоград, 1998. – 219 с.

107. *Моряшова, Н.А.* Проблемы криминалистической тактики в условиях состязательности сторон: дис. ... канд. юрид. наук / *Н.А. Моряшова*. – Владивосток, 2004. – 193 с.

108. *Овчинников, Ю.Г.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / *Ю.Г. Овчинников*. – Омск, 2006. – 209 с.

109. *Овчинников, Ю.Г.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *Ю.Г. Овчинников*. – Омск, 2006. – 22 с.

110. *Плоткина, Ю.Б.* Применение мер пресечения, избираемых по решению суда в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *Ю.Б. Плоткина*. – М., 2010. – 23 с.

111. *Попов, К.В.* Проблемы участия суда в применении мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук / *К.В. Попов*. – Краснодар, 2004. – 280 с.

112. *Резепкин, А.М.* Элементы состязательности в российском досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / *А.М. Резепкин*. – Челябинск, 2005. – 21 с.

113. *Салтыков, Е.В.* Домашний арест в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / *Е.В. Салтыков*. – Екатеринбург, 2007. – 196 с.

114. *Светочев, В.А.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / *В.А. Светочев*. – Калининград, 2009. – 213 с.

115. *Сычев, Д.А.* Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук / *Д.А. Сычев*. – М., 2016. – 318 с.

116. *Ткачева, Н.В.* Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук / *Н.В. Ткачева*. – Челябинск, 2003. – 248 с.

117. Трунова, Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / Л.К. Трунова. – М., 2002. – 418 с.

118. Фокин, А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Фокин. – Ростов н/Д., 2007. – 185 с.

119. Фокин, А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Фокин. – Ростов-на-Дону, 2007. – 29 с.

120. Цоколова, О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.И. Цоколова. – М., 1995. – 24 с.

V. Книги, статьи и иная литература

121. Arpit Gupta, Christopher Hansman, Ethan French. The Heavy Costs of High Bail: Evidence from Judge Randomization // The Journal of Legal Studies. – 2016. – Vol. 45. – No 2 // URL: <http://www.columbia.edu/~cjh2182/GuptaHansmanFrenchman.pdf> (дата обращения: 23.05.2022).

122. House arrest Handbook by Community Corrections Centers Bucks County Department of Corrections. Pennsylvania, 2003 // URL: <http://www.buckscounty.org/docs/government-documents/housearresthandbook2013.pdf?sfvrsn=2> (дата обращения: 23.05.2022).

123. Агальцова, М.В. Обоснованность подозрения как условие заключения под стражу: толкование в российской и зарубежной практике / М.В. Агальцова // Уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 20–27.

124. Азаренок, Н.В. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу / Н.В. Азаренок, А.А. Давлетов // Российский следователь. – 2016. – № 15. – С. 8–12.

125. *Азаров, В.А.* Функция предварительного расследования в истории и практике уголовного процесса России: монография / *В.А. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева.* – Омск, 2006. – 560 с.
126. *Андроник Н.А.* К вопросу об эффективности меры пресечения в виде залога / *Н.А. Андроник* // Адвокат. – 2015. – № 3. – С. 37–43.
127. *Аристархов, А.Л.* Применение залога в досудебном производстве / *А.Л. Аристархов* // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 56–63.
128. *Багаутдинов, Ф.Н.* Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест / *Ф.Н. Багаутдинов* // Законность. – 2002. – № 10. – С. 14–16.
129. *Барабаи, А.С.* Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / *А.С. Барабаи* // Российский юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 117–131.
130. *Барабаи, А.С.* Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе / *А.С. Барабаи* // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 184–190.
131. *Бастрыкин, А.И.* Статья 109 УПК РФ: вопросы применения / *А.И. Бастрыкин* // Уголовное право и процесс. – 2010. – № 3. – С. 75–78.
132. *Бертовский, Л.В.* Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития / *Л.В. Бертовский, А.В. Квык* // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 242–255.
133. *Белкин, А.Р.* УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Т. 1. Общая часть / *А.Р. Белкин.* – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2018. – 287 с.
134. *Божьев, В.П.* Состязательность на предварительном следствии / *В.П. Божьев* // Законность. – 2004. – № 1. – С. 3–6.
135. *Бозров, В.* «Тактика судьи» в прошлом и настоящем уголовном процессе / *В. Бозров* // Российская юстиция. – 2003. – № 10. – С. 31–32.
136. Большой энциклопедической словарь // URL: <http://www.vedu.ru/bigenedic/23912> (дата обращения: 24.07.2021).
137. *Булатов, Б.Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография / *Б.Б. Булатов.* – Омск, 2003. – 320 с.

138. *Быков, В.М.* Состязательность и равноправие сторон на досудебных стадиях уголовного процесса / *В.М. Быков* // Публичное и частное право. – 2010. – № 3. – С. 122–134.
139. *Быков, В.М.* Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ / *В.М. Быков, Д.А. Лисков* // Российский следователь. – 2004. – № 4. – С. 12–14.
140. *Виноградов, В.А.* Кто и как должен обосновывать продление содержания под стражей / *В.А. Виноградов* // Уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 28–33.
141. *Воронов, Д.А.* Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения / *Д.А. Воронов* // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 21–25.
142. *Воскобитова, Л.А.* Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших / *Л.А. Воскобитова* // Lex russica (Русский закон). – 2020. – № 4. – С. 53–68.
143. *Гаврилов, Б.Я.* Роль российского уголовно-процессуального законодательства в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина / *Б.Я. Гаврилов* // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 56–68.
144. *Гайнов, И.Д.* История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) / *И.Д. Гайнов* // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 4. – С. 107–112.
145. *Гладышева, О.В.* Значение состязательности для справедливого уголовного судопроизводства / *О.В. Гладышева* // Право и политика. – 2008. – № 1. – С. 145–148.
146. *Головко, Л.В.* Альтернатива лишению свободы – очередная химера? / *Л.В. Головко* // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 3. – С. 44–46.
147. *Головко, Л.В.* Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: Crime Control и Doing Business / *Л.В. Головко* // Закон. – 2015. – № 8. – С. 32–45.
148. *Гуценко, К.Ф.* Уголовный процесс западных государств / *К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов.* – М., 2001. – 480 с.

149. *Давлетов, А.А.* Состязательность в современном уголовном процессе России / *А.А. Давлетов* // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 2 (26). – С. 65–68.
150. *Дершиев, Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография / *Ю.В. Дершиев*. – Омск, 2004. – 340 с.
151. *Духовской, М.В.* Русский уголовный процесс / *М.В. Духовской*. – М., 1905. – 472 с.
152. *Ермасов, Е.В.* Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России / *Е.В. Ермасов, Г.А. Бурмакин, А.Ш. Габараев* // Уголовное право. – 2016. – № 1. – С. 130–137.
153. *Зажичкий, В.И.* Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / *В.И. Зажицкий* // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 38–46.
154. *Зайцев, А.О.* Реализация международно-правовых стандартов при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе / *А.О. Зайцев* // Российский следователь. – 2016. – № 3. – С. 24–27.
155. *Зинатулин, З.З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / *З.З. Зинатулин*. – Казань, 1981. – 136 с.
156. *Зубков, А.* Кто и за что попадает в СИЗО / *А. Зубков, Н. Крючкова* // Преступление и наказание. – 2000. – № 9. – С. 42–47.
157. *Зяблина, М.В.* К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе / *М.В. Зяблина* // Судья. – 2017. – № 4. – С. 39–41.
158. *Ивлев, Г.П.* Основания и цели применения мер процессуального принуждения / *Г.П. Ивлев* // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 71–77.
159. *Исаева, Т.С.* Основные памятники русского права: учеб. пособие / *Т.С. Исаева*; под ред. *Л.Н. Хроленко*. – Владивосток, 1983. – 92 с.
160. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. документов / сост. *Гусев Л.Н.*, под ред. *С.А. Голунского*. – М., 1955. – 635 с.
161. *Калиновский К.Б.* Запрет определенных действий как мера пресечения / *К.Б. Калиновский* // Уголовный процесс. – 2018. – № 6. – С. 9.

162. *Капинус, Н.И.* Меры пресечения в российском уголовном процессе / *Н.И. Капинус* // Следователь. – 1998. – № 8. – С. 21–39.

163. *Качалова, О.В.* Как разграничить основания для применения заключения под стражу и домашнего ареста / *О.В. Качалова* // Уголовный процесс. – 2017. – № 5. – С. 9.

164. *Качалова, О.В.* Как рассматривать альтернативы заключению под стражу / *О.В. Качалова* // Уголовный процесс. – 2017. – № 12. – С. 8.

165. *Качалова, О.В.* Когда нельзя сослаться на риск воспрепятствования расследованию для заключения под стражу / *О.В. Качалова* // Уголовный процесс. – 2017. – № 9. – С. 8.

166. *Качалова, О.В.* Какой срок содержания под стражей можно считать обоснованным / *О.В. Качалова* // Уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 8.

167. *Качалова, О.В.* Ограничения при запрете определенных действий должны быть обоснованными / *О.В. Качалова* // Уголовный процесс. – 2018. – № 10. – С. 9.

168. *Каиштанова, Н.С.* О спорных аспектах необходимости установления предельного срока внесения предмета залога при изменении иной меры пресечения: анализ правовой регламентации в России и Казахстане / *Н.С. Каиштанова* // Российский следователь. – 2017. – № 11. – С. 47–50.

169. *Квык, А.В.* Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения / *А.В. Квык* // Уголовный процесс. – 2018. – № 7. – С. 34–39.

170. *Квык, А.В.* К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом / *А.В. Квык* // Российский следователь. – 2017. – № 4. – С. 24–26.

171. *Квык, А.В.* Критерий невозможности применения более мягкой меры пресечения при избрании заключения под стражу: теоретический и практический аспекты / *А.В. Квык* // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 180–183.

172. *Квык, А.В.* Процессуальные аспекты установления ограничений на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста и проблемы их исполнения / *А.В. Квык* // Рас-

следование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. – 2016. – № 2. – С. 80–82.

173. *Кистяковский, А.Ф.* О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / *А.Ф. Кистяковский.* – СПб., 1868. – 196 с.

174. *Климов, В.В.* Законность и обоснованность применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России: монография / *В.В. Климов.* – М., 2013. – 160 с.

175. *Кобзарев, Ф.М.* Особенности взаимодействия суда и прокурора в процессе доказывания в ходе досудебного производства по уголовному делу / *Ф.М. Кобзарев, П.Ф. Кобзарев* // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 214–219.

176. *Коврига, З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение / *З.Ф. Коврига.* – Воронеж, 1975. – 174 с.

177. *Ковязин, А.В.* Проблемы правоприменительной практики процедуры медиации в российском уголовном судопроизводстве / *А.В. Ковязин* // Сб. науч.-практ. тр. – 2017. – № 1. – С. 81–86.

178. *Колоколов, Н.А.* Вправе ли суд обвинять? / *Н.А. Колоколов* // Уголовный процесс. – 2016. – № 5. – С. 74–79.

179. *Колоколов, Н.А.* Методика проведения основных судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования: в 2 ч. Ч. 1 / *Н.А. Колоколов.* – М., 2015. – 408 с.

180. *Колоколов, Н.А.* Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов – иллюзия или реальность / *Н.А. Колоколов* // Уголовное судопроизводство. – 2005. – № 1. – С. 15–21.

181. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) с практическими разъяснениями и постатейными материалами // под общ. ред. *А.Б. Борисова.* – М., 2006. – 928 с.

182. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. *И.Л. Петрухина.* – М., 2002. – 894 с.

183. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. *Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулин.* – М., 2002. – 822 с.

184. *Конин, В.В.* Проблемные вопросы предмета доказывания при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу / *В.В. Конин* // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практика применения (к пятилетию УПК РФ): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – М., 2007. – С. 270–275.

185. *Корнуков, В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / *В.М. Корнуков*. – Саратов, 1978. – 136 с.

186. *Корчагин, А.А.* Следственные ситуации и алгоритмы в деятельности по предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел об убийствах / *А.А. Корчагин* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20. – С. 114–119.

187. *Костанов, Ю.А.* Состязательность по УПК: принцип правосудия или камуфляж произвола / *Ю.А. Костанов* // Уголовный процесс. – 2018. – № 5. – С. 84–91.

188. *Кронов, Е.В.* О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе / *Е.В. Кронов* // Журнал рос. права. – 2008. – № 2. – С. 141–149.

189. *Кудрявцева, А.В.* Функция защиты на стадии предварительного расследования: монография / *А.В. Кудрявцева, Ю.И. Великосельский*. – Челябинск, 2006. – 167 с.

190. *Кузьмина, О.В.* Состязательность как гарантия объективности уголовного судопроизводства / *О.В. Кузьмина* // Научный поиск. – 2015. – № 1.4. – С. 29–33.

191. *Кузьмин-Караваев, В.Д.* Пресечение способов уклонения от следствия и суда / *В.Д. Кузьмин-Караваев*. – СПб., 1902. – 59 с.

192. *Ларин, А.М.* О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК / *А.М. Ларин* // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: мат-лы конф. – М., 1997. – С. 75–82.

193. *Лившиц, Ю.* Залог в качестве меры пресечения / *Ю. Лившиц, С. Зуев* // Законность. – 2003. – № 5. – С. 11–13.

194. *Лившиц, Ю.Д.* Меры пресечения в советском уголовном процессе / *Ю.Д. Лившиц*. – М., 1964. – 138 с.

195. *Лукашевич, В.З.* Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ / *В.З. Лукашевич, А.Б. Чичканов* // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 102–109.
196. *Люблинский, П.И.* Свобода личности в уголовном процессе. Меры обеспечения неуклонения обвиняемого от правосудия / *П.И. Люблинский*. – СПб., 1906. – 711 с.
197. *Мартынчик, Е.Г.* Акты адвокатского расследования: виды, форма, структура и значение / *Е.Г. Мартынчик* // Рос. юстиция. – 2009. – № 9. – С. 52–55.
198. *Мезинов, Д.А.* Разумна ли состязательность судебного следствия по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / *Д.А. Мезинов* // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3 (13). – С. 61–69.
199. *Мешков, В.М.* О состязательности уголовного процесса через призму времени / *В.М. Мешков, А.Н. Соколов* // Журнал рос. права. – 2006. – № 2. – С. 35–40.
200. *Михайлов, В.А.* Меры пресечения в российском уголовном процессе / *В.А. Михайлов*. – М., 1996. – 304 с.
201. *Морщакова, Т.Г.* Конституционная и судебная имплементация Европейской Конвенции по правам человека / *Т.Г. Морщакова* // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 2. – С. 182–189.
202. *Москалькова, Т.Н.* Обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как актуальная задача современности / *Т.Н. Москалькова* // Преступление, наказание, исправление: сб. тез. выступлений и докладов участников IV междунар. пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России). – Рязань, 2019. – С. 136–144.
203. *Муравьев, К.В.* Оптимизация законодательства о мерах пресечения / *К.В. Муравьев* // Российский следователь. – 2017. – № 2. – С. 29–33.
204. *Мурадян, Э.М.* Истина как проблема судебного права / *Э.М. Мурадян*. – М., 2004. – 311 с.
205. *Мусеилов, У.А.* Процессуальные функции и полномочия прокурора / *У.А. Мусеилов* // Российский следователь. – 2016. – № 16. – С. 6–10.

206. *Наумов А.М.* Развитие принципа состязательности в УПК РФ / *А.М. Наумов* // Право и политика. – 2005. – № 8. – С. 78–90.
207. *Николюк, В.В.* Трансформация производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в современном российском уголовном процессе: к двадцатилетию принятия УПК РФ / *В.В. Николюк, Е.В. Марковичева* // Правосудие. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 151–156.
208. *Овчинников, Ю.Г.* Домашний арест в системе мер уголовно-процессуального пресечения / *Ю.Г. Овчинников* // Следователь. – 2003. – № 4. – С. 4–9.
209. *Овчинников, Ю.Г.* Понятие, цели и сущность домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России / *Ю.Г. Овчинников* // Следователь. – 2003. – № 5. – С. 31–38.
210. *Овчинников, Ю.Г.* Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста / *Ю.Г. Овчинников* // Российский следователь. – 2014. – № 16. – С. 51–55.
211. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. – М., 1997. – 921 с.
212. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9922> (дата обращения: 24.07.2020).
213. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924. – М., 1960. – 20 с.
214. *Плашевская А.А.* Собираение судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России / *А.А. Плашевская*. – Томск, 2006. – 204 с.
215. *Погодин, С.* Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях? / *С. Погодин, Р. Тугушев* // Законность. – 2005. – № 5. – С. 44–47.
216. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / ред. *В.М. Лебедева*. – М., 2011. – 824 с.
217. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие: в 2 ч. Ч. 2 / *В.А. Давыдов* [и др.]; под ред. *В.М. Лебедева*. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2016. – 395 с.

218. Применение мер пресечения уточнят // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 7.
219. Руденко, С.В. Домашний арест введен – что дальше? / С.В. Руденко // Прокурорская и следственная практика. – 2005. – № 3-4. – С. 246–258.
220. Руновский, А.В. Процессуальная роль следователя в уголовном суде / А.В. Руновский // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 13–16.
221. Селиванов, Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования / Н.А. Селиванов // Социалистическая законность. – 1977. – № 2. – С. 56–58.
222. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1954. – 856 с.
223. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб., 2005. – 697 с.
224. Смирнов, М.В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии / М.В. Смирнов // Российский следователь. – 2003. – № 4. – С. 23–24.
225. Соловьев А. Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ / А. Соловьев, М. Токарев // Уголовное право. – 2003. – № 9. – С. 97–99.
226. Состязательность и равноправие сторон // Уголовный процесс / отв. ред. И.Л. Петрухин. – М., 2001. – 112 с.
227. Состязательность или справедливость // Уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 6.
228. Стерхов, П. Судебный контроль и проблемы применения домашнего ареста и залога / П. Стерхов, И. Стерхова // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 79–82.
229. Строгович, М.С. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / М.С. Строгович. – М., 1992. – 278 с.
230. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1968. – 470 с.

231. *Томин, В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / *В.Т. Томин.* – М., 2009. – 376 с.
232. *Трубникова, Т.В.* Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие / *Т.В. Трубникова.* – Томск, 2011. – 296 с.
233. *Трунов, И.Л.* Перспективы расширения состязательности процесса на стадии предварительного расследования / *И.Л. Трунов, Л.К. Трунова* // Адвокатские вести. – 2001. – № 12. – С. 18–19.
234. *Трунов, И.Л.* Меры пресечения в уголовном процессе / *И.Л. Трунов, Л.К. Трунова.* – СПб., 2003. – 356 с.
235. *Тумашов, С.А.* Состязательность в досудебном производстве: декларация о намерениях или реальность / *С.А. Тумашов* // Закон и право. – 2003. – № 9. – С. 39–41.
236. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. *В.П. Божьева.* – 3-е изд. – М., 2006. – 704 с.
237. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1 / *И.Я. Фойницкий.* – СПб., 1996. – 552 с.
238. *Цветков, Ю.А.* Независимость судей в механизме управления судебной системой / *Ю.А. Цветков* // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – № 1. – С. 73–88.
239. *Цоколова, О.И.* Заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления / *О.И. Цоколова.* – М., 2002. – 280 с.
240. *Цоколова, О.И.* Современные тенденции развития института мер процессуального принуждения / *О.И. Цоколова* // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 42–43.
241. *Чельцов, М.А.* Советский уголовный процесс / *М.А. Чельцов.* – М., 1962. – 503 с.
242. *Червоткин, А.С.* Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору / *А.С. Червоткин* // Уголовный процесс. – 2016. – № 5. – С. 66–68.

243. *Шадрин, В.С.* Домашний арест: обновляемая мера пресечения / *В.С. Шадрин* // Криминалистика. – 2012. – № 1. – С. 45–51.

244. *Шадрина, Е.Г.* Институт судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования требует совершенствования / *Е.Г. Шадрина* // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 149–158.

245. *Шейфер, С.А.* Применение залога как меры пресечения / *С.А. Шейфер, С.И. Вершинина* // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – № 4. – С. 82–91.

246. *Щерба, С.П.* Заключение и содержание под стражей на предварительном следствии / *С.П. Щерба, О.И. Цоколова*. – М., 1996. – 70 с.

247. *Эйсман, А.А.* Логика доказывания / *А.А. Эйсман*. – М., 1971. – 112 с.

VI. Электронные ресурсы

248. Быстрее Neuralink: пациенту в США имплантировали в мозг чип Stentrod // URL: http://www.trends.rbc.ru/trends/innovation/62da57da9a79474e39dd2c2e?utm_medium=share&utm_source=app_ios_reader&utm_campaign (дата обращения: 20.09.2022).

249. Встреча с Уполномоченным по защите прав предпринимателей Борисом Титовым от 27.05.2019 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60583> (дата обращения: 20.09.2019).

250. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании коллегии Генпрокуратуры России от 19.03.2019 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998> (дата обращения: 26.03.2022).

251. Глава ВС РФ призвал судей не пренебрегать возможностью смягчения мер пресечения // URL: http://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/31146 (дата обращения: 26.07.2022).

252. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 07.12.2022 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 25.12.2022).

253. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 09.12.2021 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67331> (дата обращения: 11.06.2022).

254. Заслуженный юрист РФ Резник Генри Маркович // URL: <http://www.doldshi.ru/social-studies/zasluzhennyi-yurist-rf-reznik-genri-markovich-biografiya-i-foto-biografiya-genri> (дата обращения: 22.06.2021).

255. От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой // URL: <http://www.pravo.ru/story/239374> (дата обращения: 22.06.2022).

256. Мажилис одобрил законопроект о фонде компенсации вреда потерпевшим // URL: <http://www.zonakz.net> (дата обращения: 22.06.2021).

257. Перечень поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045> (дата обращения: 26.07.2022).

258. Официальный сайт интернет-провайдера VladLink // URL: <http://www.vladlink.ru/internet/peers.php> (дата обращения: 01.07.2022).

259. Официальный сайт интернет-провайдера «Альянс Телеком» // URL: <http://www.inetvl.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

260. Официальный сайт интернет-провайдера Silinet // URL: <http://www.silinet.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

261. Официальный сайт интернет-провайдера Starnet // URL: <http://www.starnet.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

262. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdpr.ru> (дата обращения: 21.04.2022).

263. Сайт курьерской службы DHL // URL: <http://www.dhl.ru/ru/Parcel.html> (дата обращения: 01.07.2022).

264. Chipped: What Legal Questions Are The New Chip Implants For Humans Likely To Raise? // URL: <http://www.supreme.findlaw.com/legal-commentary/chipped.html> (дата обращения: 01.07.2022).

265. Meet the humans with microchips implanted in them // URL: <http://www.cbsnews.com/news/meet-the-humans-with-microchips-implanted-in-them> (дата обращения: 01.07.2022).

266. Swedish tech firm implants chips in employees' hands // URL: <http://www.thestar.com> (дата обращения: 01.07.2022).

267. URL: http://www.rbc.ru/finances/15/01/2019/5c36274a9a794725734_a70c8 (дата обращения: 12.07.2022).

268. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/06/12/2018/5c0969249a79478bd83b285 (дата обращения: 12.07.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Показатели избрания мер пресечения в судебном порядке в России за 2011–2021 гг.

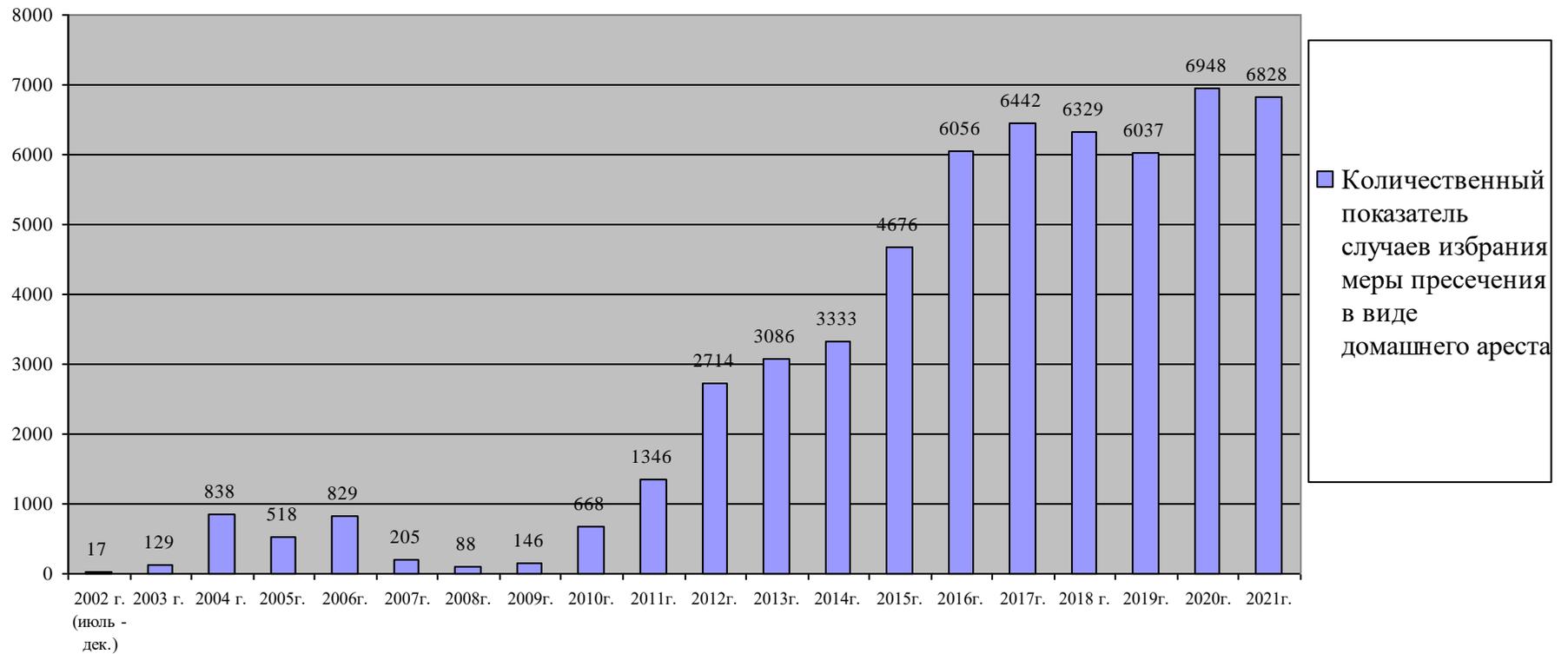
Анализируемый период	Вид меры пресечения			
	Заключение под стражу	Домашний арест	Залог	Запрет определенных действий
по инициативе органов предварительного расследования				
2011	135850	1346	438	
2012	132923	2714	275	
2013	133311	3086	198	
2014	133755	3333	225	
2015	140457	4676	189	
2016	121796	6056	229	
2017	113260	6442	133	
2018	102165	6329	108	301
2019	94633	6037	77	1246
2020	84917	6948	244	1849
2021	87905	6828	25	2565
по инициативе суда при отказе в удовлетворении ходатайств об избрании заключения под стражу				
2011		1345	447	
2012		1508	347	
2013		2366	303	
2014		2632	327	
2015		3133	199	
2016		3611	189	
2017		4176	163	
2018		3918	138	
2019		3504	86	
2020		3564	54	
2021		3549	71	1125

по инициативе суда при отказе в удовлетворении ходатайств о продлении срока содержания под стражей					
2011					
2012					
2013		615	174		
2014		892	198		
2015		925	104		
2016		1525	120		
2017		1635	113		
2018		1757	68		
2019		1956	92		
2020		1859	38		343
2021		1711	26		393

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста по инициативе органов предварительного расследования в России в период с 2002 по 2021 г.

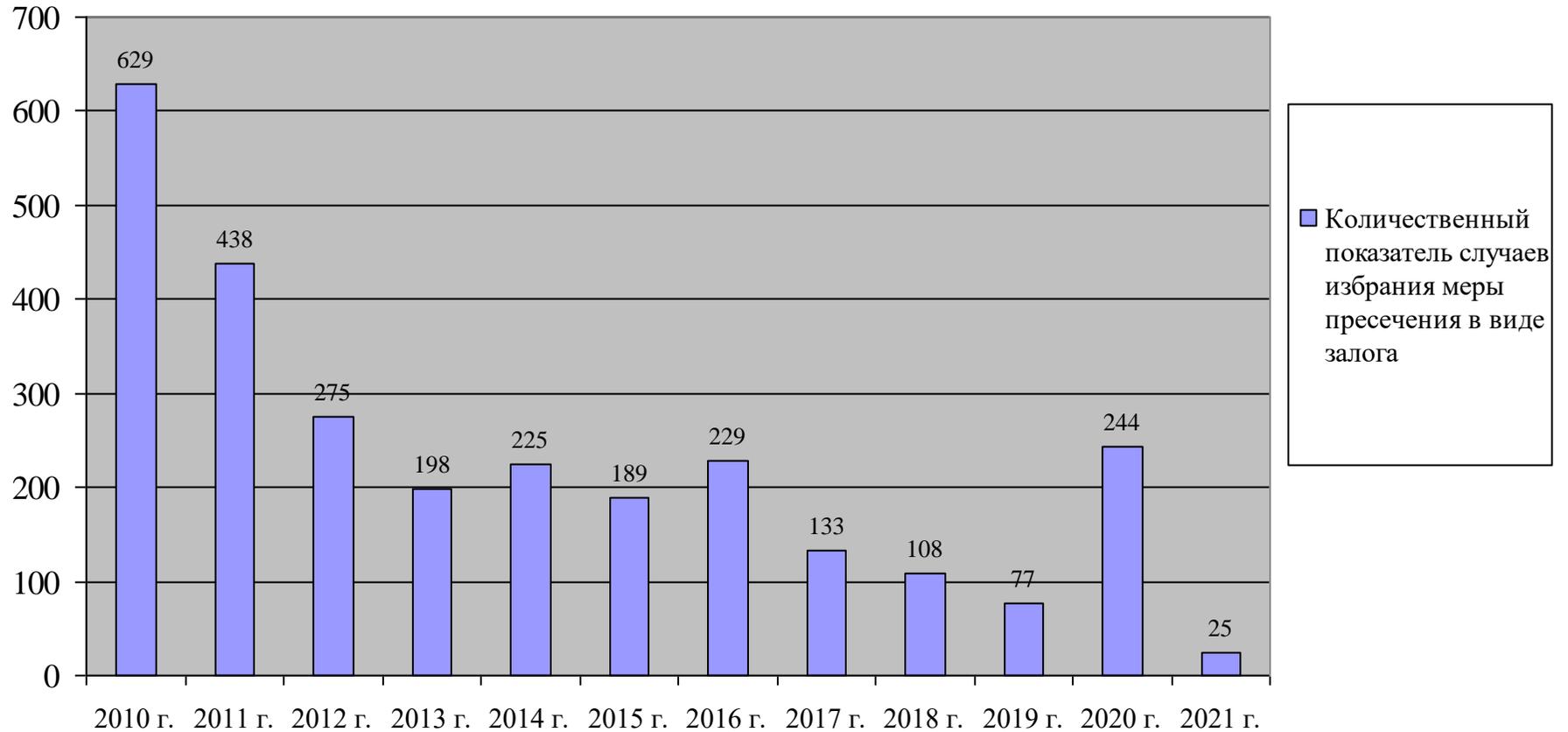
251

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

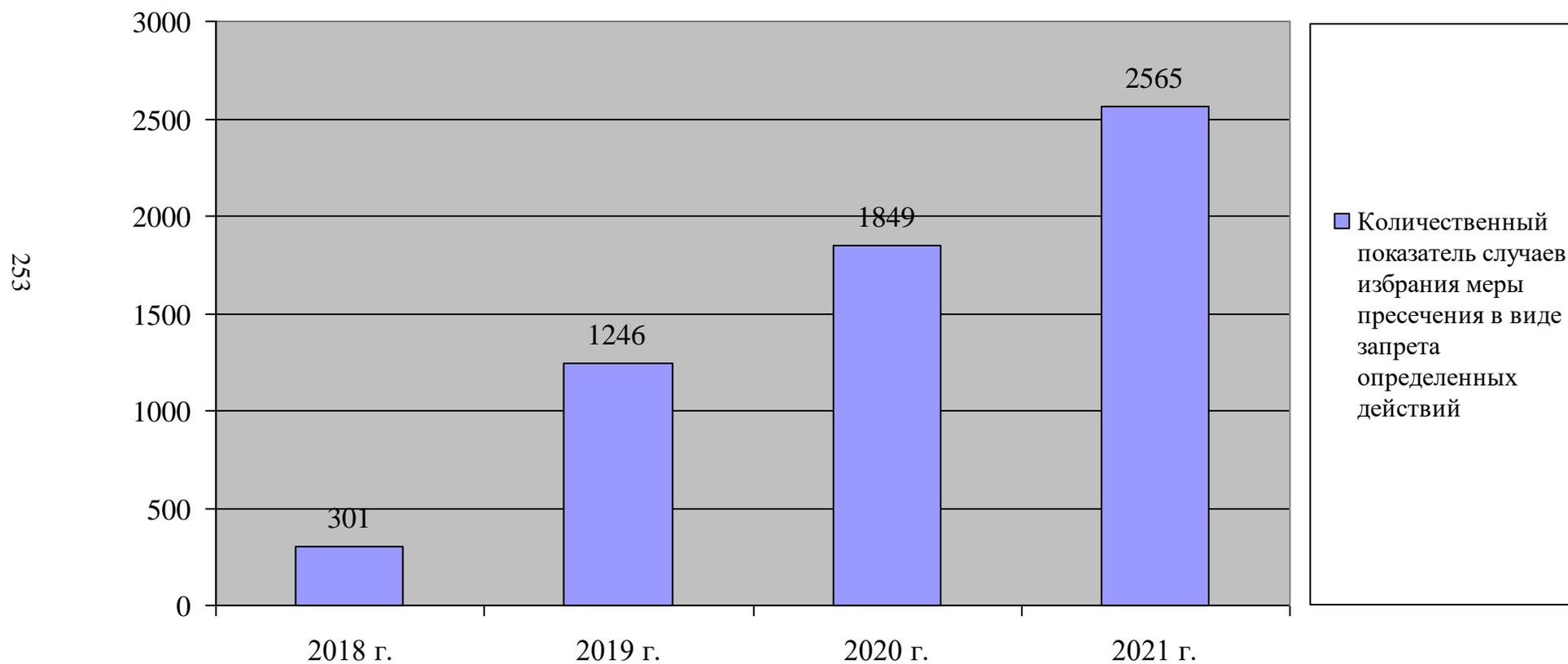
Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании меры пресечения в виде залога по инициативе органов предварительного расследования в России в период с 2010 по 2021 г.

252

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

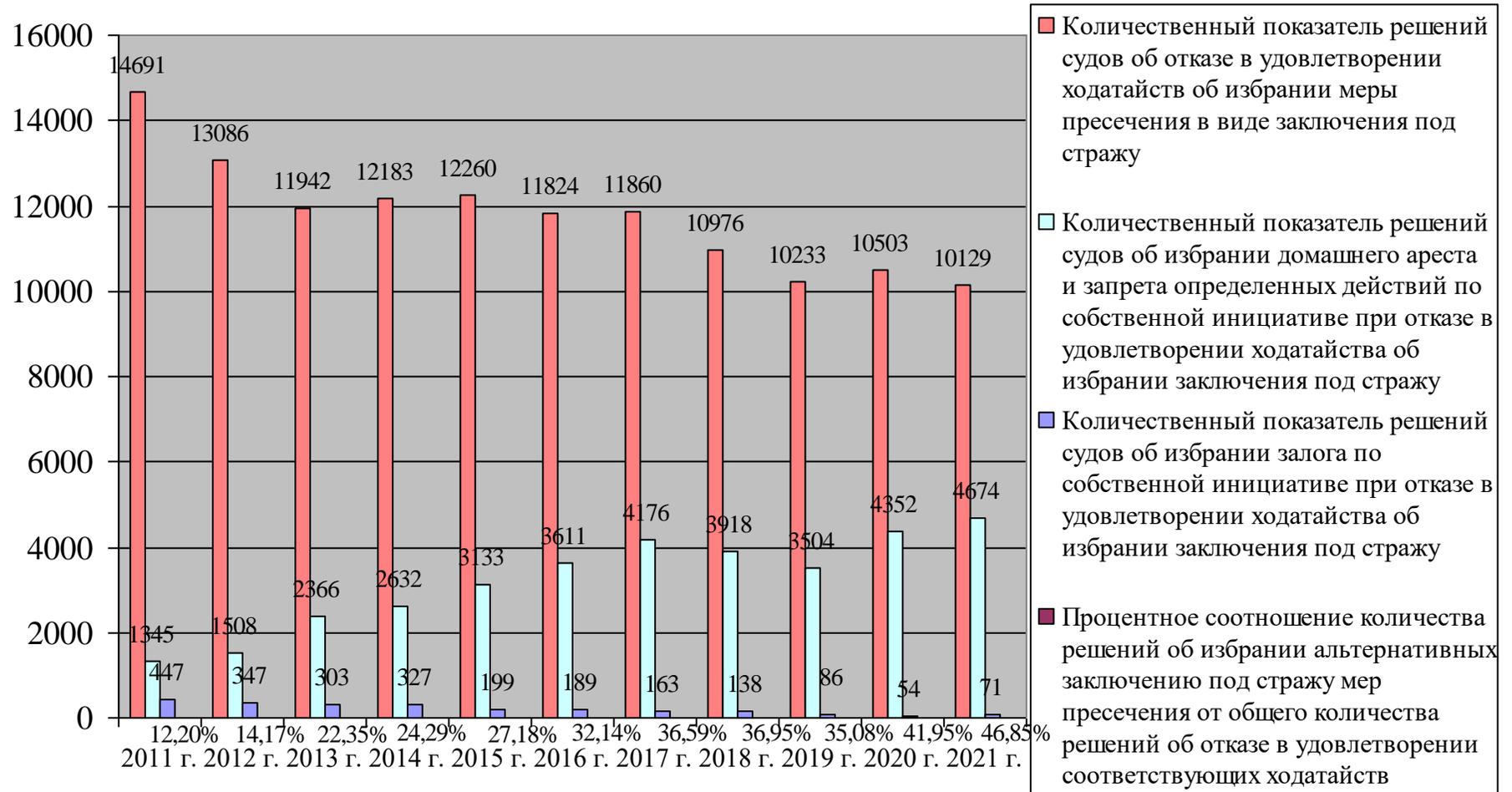
Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий по инициативе органов предварительного расследования в России в период с 2018 по 2021 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании судами мер пресечения по собственной инициативе при отказе в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу в России за период с 2011 по 2021 г.

254

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

АНКЕТА

по изучению мнения сотрудников следственных органов по вопросам избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий

1. Ваша гендерная принадлежность: - мужчина,   - женщина.
2. Занимаемая Вами должность _____
3. Стаж Вашей работы в должности:
 - до 3 лет
 - от 3 до 5 лет
 - от 5 до 10 лет
 - более 10 лет.
4. Субъект РФ, в котором Вы проходите службу:
_____
- 4.1. Рассматриваете ли Вы тяжесть расследуемого преступления как одно из оснований для избрания меры пресечения?
 - да, рассматриваю.
 - нет, но учитываю при избрании конкретного вида меры пресечения.
 - нет, не рассматриваю.
5. Считаете ли Вы меру пресечения в виде домашнего ареста действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
 - да,
 - нет.
6. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто избирается мера пресечения в виде домашнего ареста?
 - по инициативе органов следствия,
 - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.
7. По категориям дел какой направленности Вы считаете необходимым избирать меру пресечения в виде домашнего ареста (возможно несколько вариантов)?
 - преступления экономической направленности,
 - коррупционные преступления,
 - преступления против жизни и здоровья,
 - иные категории преступлений (какие именно):
_____
8. Установление каких ограничений и запретов при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста является действенным для обеспечения должного поведения обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия (возможно несколько вариантов)?
 - выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает;
 - общение с определенными лицами;
 - отправку и получение почтово-телеграфных отправлений;
 - использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".
- 8.1. Допустимо ли изменение следователем условий содержания под домашним арестом на более лояльные (предоставление прогулок, возможности выехать для лечения в другой город и др.)?
- да, только на основании соответствующего ходатайства стороны защиты с обязательным уведомлением об этом соответствующего подразделения ГУФСИН России,
- да, по устной договоренности с обязательным уведомлением об этом соответствующего подразделения ГУФСИН России,
- нет, любые изменения возможны исключительно на основании соответствующего судебного решения.
- иное: _____

9. Следует ли указывать в ходатайстве об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста конкретных лиц, общение с которыми следует запретить?
- да, в ходатайстве следует указать фамилии конкретных лиц,
  - нет, в ходатайстве следует указать категории лиц, с которыми следует запретить общение (свидетели, подчиненные по службе и др.),
  - нет, в ходатайстве следует запретить общение со всеми лицами, отразив в виде исключения следователя, адвоката и при необходимости иных лиц.
- 9.1. Устанавливал ли суд при рассмотрении первоначального ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста срок содержания менее 2 месяцев?
- да,
  - нет.
10. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто изменяется мера пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест?
- по инициативе органов следствия в связи с изменением обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения,
  - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия о продлении срока содержания под стражей.
11. Какие ограничения и запреты, установленные судом, наиболее часто нарушаются подозреваемым (обвиняемым)?
- выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает;
  - общение с определенными лицами;
  - отправку и получение почтово-телеграфных отправок;
  - использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".
12. Любое ли нарушение подозреваемым (обвиняемым) установленных судом ограничений и запретов будет являться основанием для изменения меры пресечения на более строгую?
- да, любое;
  - нет, на усмотрение следователя.
13. Существует ли в Вашем регионе практика отказа судов на ходатайства следователей об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу в связи с нарушениями установленных судом подозреваемому (обвиняемому) ограничений и запретов по мотиву малозначительности допущенных нарушений?
- да, существует;
  - нет, при установлении факта нарушений установленных ограничений и запретов, суды удовлетворяют ходатайства следствия об изменении меры пресечения на более строгую;
  - не владею такой информацией.
14. Исполнение каких ограничений и запретов технические возможности ГУФСИН России позволяют контролировать в должной степени (возможно несколько вариантов)?
- выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает;
  - общение с определенными лицами;
  - отправку и получение почтово-телеграфных отправок;
  - использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет";
  - ни один из вышеуказанных.
- 14.1. Следует ли совершенствовать технические возможности ГУФСИН России за контролем нахождения лиц под домашним арестом?
- ДА:
    - подозреваемым (обвиняемым) следует имплантировать чипы для отслеживания местонахождения;
    - в жилище по месту содержания под домашним арестом следует устанавливать средства для глушения сигналов связи и предотвращения возможности выхода в Интернет;
    - в жилище по месту содержания под домашним арестом следует устанавливать систему голосовой идентификации.
  - НЕТ,
    - технически домашний арест усовершенствовать невозможно (бессмысленно).

- 14.2. Следует ли возложить затраты на указанное выше техническое оснащение на самих подозреваемых (обвиняемых) как обязательное условие применения меры пресечения в виде домашнего ареста?
- да,
 - нет.
15. Каким образом обвиняемый (подозреваемый), содержащийся под домашним арестом может быть доставлен к следователю?
- по указанию следователя явится самостоятельно с уведомлением о данном факте органов ГУФСИН,
 - по указанию следователя явится самостоятельно, о чем не следует уведомлять органы ГУФСИН,
 - может быть доставлен к следователю исключительно органом ГУФСИН.
16. Справедливы ли по Вашему положения законодательства, определяющие зачет срока содержания под домашним арестом в общий срок наказания из расчета один день домашнего ареста за один день лишения свободы?
- да, справедливы,
 - нет, не справедливы, за один день лишения свободы следует учитывать ___ дней содержания под домашним арестом.
 - иной вариант: _____
17. Считаете ли Вы меру пресечения в виде залога действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
- да,
 - нет.
18. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто избирается мера пресечения виде залога?
- по инициативе органов следствия,
 - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия об избрании более строгой меры пресечения.
19. По категориям дел какой направленности Вы считаете необходимым избирать меру пресечения в виде залога (возможно несколько вариантов)?
- преступления экономической направленности,
 - коррупционные преступления,
 - преступления против жизни и здоровья,
 - иные категории преступлений (какие именно): _____
-
- 19.1. Оправдано ли выделение в законодательстве возможности избрания иных видов залога помимо денежного (залог недвижимости, ценных бумаг и т.д.)?
- да,
 - нет.
- 19.2. Ходатайствовали ли Вы об избрании меры пресечения в виде залога, предметом которого не являлись денежные средства?
- да,
 - нет.
- 19.3. Существует ли в Вашем регионе практика избрания судом в отношении подозреваемого (обвиняемого), содержащегося под стражей, меры пресечения в виде залога на основании ходатайства стороны защиты в порядке ч. 2 ст. 106 УПК РФ - без одновременного рассмотрения ходатайства стороны обвинения о продлении срока содержания под стражей?
- да,
 - нет.
20. Следует ли учитывать размер причиненного преступлением ущерба при определении размера залога, подлежащего установлению судом при избрании меры пресечения?
- ДА:
 • размер залога должен соответствовать размеру причиненного преступлением ущерба,
 • размер залога должен превышать размер причиненного преступлением ущерба,
 - НЕТ,

- размер залога должен устанавливаться исходя из иных критериев (тяжесть преступления, доход подозреваемого (обвиняемого) и др.)
21. Считаете ли Вы меру пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
- да,
  - нет.
22. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто избирается мера пресечения в виде запрета определенных действий?
- по инициативе органов следствия,
  - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия об избрании более строгой меры пресечения,
  - в регионе отсутствует практика применения данной меры пресечения.
23. По категориям дел какой направленности Вы считаете необходимым избирать меру пресечения в виде запрета определенных действий (возможно несколько вариантов)?
- преступления экономической направленности,
  - коррупционные преступления,
  - преступления против жизни и здоровья,
  - иные категории преступлений (какие именно):
-
24. Следует ли в УПК РФ предусмотреть открытый перечень запретительных мер в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий, позволяя следователю или суду при необходимости устанавливать иные, прямо не предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ запретительные меры?
- да, следует,
  - нет, перечень запретительных мер в УПК РФ должен быть конкретно определенным.
25. Как Вы полагаете, требуется ли системе мер пресечения одновременное наличие домашнего ареста и запрета определенных действий. Не дублируют ли они друг друга?
- полагаю, что дублируют, следует исключить меру пресечения в виде домашнего ареста из системы мер пресечения,
  - полагаю, что дублируют, следует исключить меру пресечения в виде запрета определенных действий из системы мер пресечения,
  - полагаю, что не дублируют, обе необходимы.
26. Какие из ныне закрепленных в УПК РФ запретительных мер являются лишними, какие необходимы для правоприменителя (ненужные отметьте, дополнительные впишите)?
- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
  - находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
  - общаться с определенными лицами;
  - отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
  - использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;
  - управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств;
  - _____

Спасибо за Ваше мнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

АНКЕТА

по изучению мнения сотрудников территориальных органов ФСИН России по вопросам применения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий

1. Занимаемая Вами должность _____
2. Стаж Вашей работы в должности:
 - до 3 лет
 - от 3 до 5 лет
 - от 5 до 10 лет
 - более 10 лет.
3. Связана или была ли связана Ваша работа с контролем за лицами, содержащимися под домашним арестом?
 - да
 - нет
4. Считаете ли Вы меру пресечения в виде домашнего ареста действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
 - да,
 - нет.
5. Достаточно ли предусмотренных законодательством мер для обеспечения эффективного контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) ограничений (запретов) на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»?
 - да,
 - нет,
 - при наличии предложений по усовершенствованию мер контроля в данном направлении, прошу указать _____
6. Достаточно ли предусмотренных законодательством мер для обеспечения эффективного контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) ограничений (запретов) на общение с определенными лицами, в том числе посредством средств связи?
 - да,
 - нет,
 - при наличии предложений по усовершенствованию мер контроля в данном направлении, прошу указать _____
7. Существуют ли проблемы в использовании сотрудниками территориальных органов ФСИН России электронных браслетов для контроля за нахождением обвиняемых в установленном судом месте проживания?
 - да,
 - нет,
 - при наличии указанных проблем, прошу указать _____
8. Эффективно ли, по Вашему мнению, применение меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних лиц?
 - да,
 - нет,
 - при определенных условиях _____
9. Соблюдаются ли следственными органами требования Приказа «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» о

предоставлении в течение 24 часов территориальным органам ФСИН России документов, предусмотренных п. 5 Приказа, в отношении лиц, к которым применена мера пресечения, об уведомлении о предстоящем судебном заседании по рассмотрению вопроса об избрании указанной меры пресечения и о направлении уголовного дела прокурору

- да, за редким исключением,

- нет, за редким исключением,

- периодически,

- нет.

10. Требуется ли на Ваш взгляд принятие отдельного Федерального Закона «О домашнем аресте», для регулирования вопросов контроля за исполнением подозреваемыми (обвиняемыми) ограничительных (запретительных) мер?

- да,

- нет.

11. Следует ли пересмотреть положения законодательства о возложении обязанностей по контролю за содержащимися под домашним арестом лицами на ФСИН России и возложить данные обязанности на другой орган?

- да,

- нет,

- при наличии конкретных предложений, прошу указать _____

Спасибо за Ваше мнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

АНКЕТА

по изучению мнения судей по вопросам избрания и применения мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий

1. Стаж Вашей работы в должности:
  - до 3 лет
  - от 3 до 5 лет
  - от 5 до 10 лет
  - более 10 лет.
2. Субъект РФ, в котором Вы работаете:
_____
- 2.1. Рассматриваете ли Вы тяжесть расследуемого преступления как одно из оснований для избрания меры пресечения?
  - да, рассматриваю.
  - нет, но учитываю при избрании конкретного вида меры пресечения.
  - нет, не рассматриваю.
3. Считаете ли Вы меру пресечения в виде домашнего ареста действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
  - да,
  - нет.
4. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто избирается мера пресечения в виде домашнего ареста?
  - по инициативе органов следствия,
  - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.
5. По категориям дел какой направленности Вы считаете необходимым избирать меру пресечения в виде домашнего ареста (возможно несколько вариантов)?
  - преступления экономической направленности,
  - коррупционные преступления,
  - преступления против жизни и здоровья,
  - иные категории преступлений (какие именно):
_____
6. Установление каких ограничений и запретов при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста является действенным для обеспечения должного поведения обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия (возможно несколько вариантов)?
  - выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает;
  - общение с определенными лицами;
  - отправку и получение почтово-телеграфных отправок;
  - использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".
- 6.1. Допустимо ли изменение следователем условий содержания под домашним арестом на более лояльные (предоставление прогулок, возможности выехать для лечения в другой город и др.)?
  - да, только на основании соответствующего ходатайства стороны защиты с обязательным уведомлением об этом соответствующего подразделения ГУФСИН России,
  - да, по устной договоренности с обязательным уведомлением об этом соответствующего подразделения ГУФСИН России,
  - нет, любые изменения возможны исключительно на основании соответствующего судебного решения.

- иное: _____
7. Следует ли указывать в ходатайстве об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста конкретных лиц, общение с которыми следует запретить?
- да, в ходатайстве следует указать фамилии конкретных лиц,
  - нет, в ходатайстве следует указать категории лиц, с которыми следует запретить общение (свидетели, подчиненные по службе и др.),
  - нет, в ходатайстве следует запретить общение со всеми лицами, отразив в виде исключения следователя, адвоката и при необходимости иных лиц.
8. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто изменяется мера пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест?
- по инициативе органов следствия в связи с изменением обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения,
  - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия о продлении срока содержания под стражей.
9. Любое ли нарушение подозреваемым (обвиняемым) установленных судом ограничений и запретов будет являться основанием для изменения меры пресечения на более строгую?
- да, любое;
  - нет, на усмотрение следователя.
- 9.1. Следует ли совершенствовать технические возможности ГУФСИН России за контролем нахождения лиц под домашним арестом?
- ДА:
    - подозреваемым (обвиняемым) следует имплантировать чипы для отслеживания местонахождения;
    - в жилище по месту содержания под домашним арестом следует устанавливать средства для глушения сигналов связи и предотвращения возможности выхода в Интернет;
    - в жилище по месту содержания под домашним арестом следует устанавливать систему голосовой идентификации.
    - иное: _____
  - НЕТ,
    - технически домашний арест усовершенствовать невозможно (бессмысленно).
- 9.2. Следует ли возложить затраты на указанное выше техническое оснащение на самих подозреваемых (обвиняемых) как обязательное условие применения меры пресечения в виде домашнего ареста?
- да,
  - нет.
10. Справедливы ли по Вашему положения законодательства, определяющие зачет срока содержания под домашним арестом в общий срок наказания из расчета один день домашнего ареста за один день лишения свободы?
- да, справедливы,
  - нет, не справедливы, за один день лишения свободы следует учитывать ___ дней содержания под домашним арестом.
  - иной вариант: _____
11. Считаете ли Вы меру пресечения в виде залога действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
- да,
  - нет.
12. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто избирается мера пресечения в виде залога?
- по инициативе органов следствия,

- по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия об избрании более строгой меры пресечения.
13. По категориям дел какой направленности Вы считаете необходимым избирать меру пресечения в виде залога (возможно несколько вариантов)?
- преступления экономической направленности,
 - коррупционные преступления,
 - преступления против жизни и здоровья,
 - иные категории преступлений (какие именно):
-
- 13.1 Оправдано ли выделение в законодательстве возможности избрания иных видов залога помимо денежного (залог недвижимости, ценных бумаг и т.д.)?
- да,
 - нет.
- 13.2 Допустимо ли изменение обвиняемому, содержащемуся под стражей, меры пресечения на залог на основании ходатайства стороны защиты в порядке ч. 2 ст. 106 УПК РФ - без одновременного рассмотрения ходатайства стороны обвинения о продлении срока содержания под стражей?
- да,
 - нет.
14. Следует ли учитывать размер причиненного преступлением ущерба при определении размера залога, подлежащего установлению судом при избрании меры пресечения?
- ДА:
- размер залога должен соответствовать размеру причиненного преступлением ущерба,
  - размер залога должен превышать размер причиненного преступлением ущерба,
- НЕТ,
- размер залога должен устанавливаться исходя из иных критериев (тяжесть преступления, доход подозреваемого (обвиняемого) и др.)
15. Считаете ли Вы меру пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) действенной, позволяющей обеспечить должное поведение обвиняемого в ходе предварительного и судебного следствия?
- да,
 - нет.
16. По чьей инициативе в Вашем субъекте наиболее часто избирается мера пресечения в виде запрета определенных действий?
- по инициативе органов следствия,
 - по инициативе суда при рассмотрении ходатайства органов следствия об избрании более строгой меры пресечения,
 - отсутствует практика применения данной меры пресечения.
17. По категориям дел какой направленности Вы считаете необходимым избирать меру пресечения в виде запрета определенных действий (возможно несколько вариантов)?
- преступления экономической направленности,
 - коррупционные преступления,
 - преступления против жизни и здоровья,
- преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств,
 - иные категории преступлений (какие именно):
-
18. Следует ли в УПК РФ предусмотреть открытый перечень запретительных мер в рамках меры пресечения в виде запрета определенных действий, позволяя следователю или суду при необходимости устанавливать иные, прямо не предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ запретительные меры?

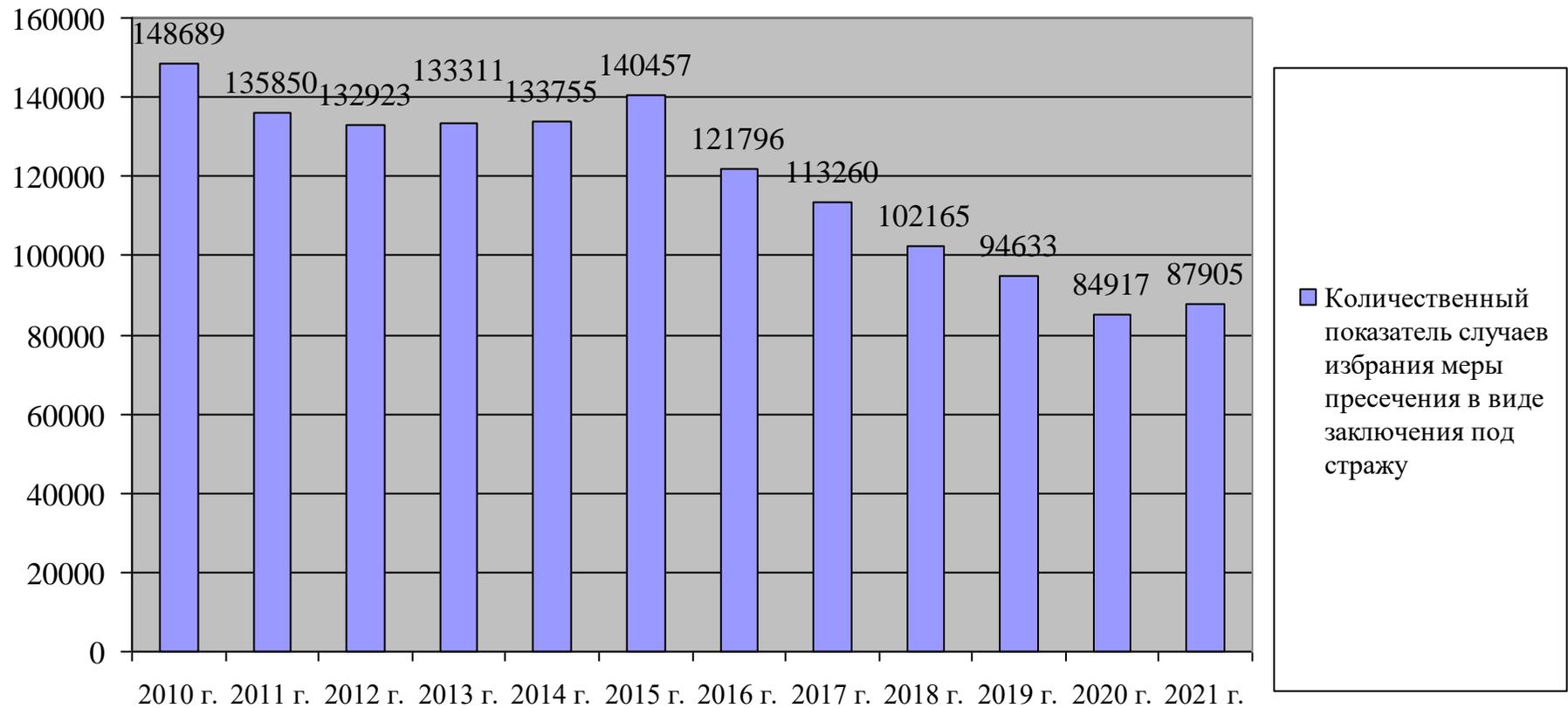
- да, следует,
  - нет, перечень запретительных мер в УПК РФ должен быть конкретно определенным.
19. Как Вы полагаете, требуется ли системе мер пресечения одновременное наличие домашнего ареста и запрета определенных действий. Не дублируют ли они друг друга?
- полагаю, что дублируют, следует исключить меру пресечения в виде домашнего ареста из системы мер пресечения,
  - полагаю, что дублируют, следует исключить меру пресечения в виде запрета определенных действий из системы мер пресечения,
  - полагаю, что не дублируют, обе необходимы.
20. Какие из ныне закрепленных в УПК РФ запретительных мер являются лишними, какие необходимы для правоприменителя (ненужные отметьте, дополнительные впишите)?
- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
  - находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
  - общаться с определенными лицами;
  - отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
  - использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть "Интернет";
  - управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств;
  - _____

Спасибо за Ваше мнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании меры пресечения
в виде заключения под стражу в России в период с 2010 по 2021 г.

265

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Использование в УПК РФ понятия «инициатива» применительно к полномочиям суда

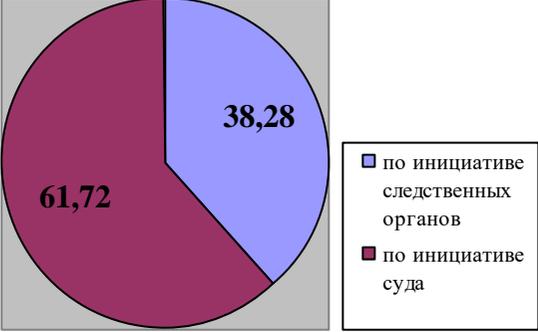
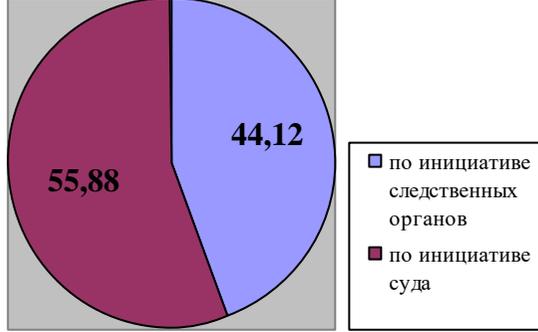
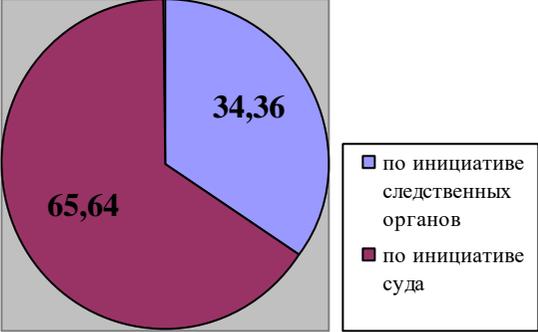
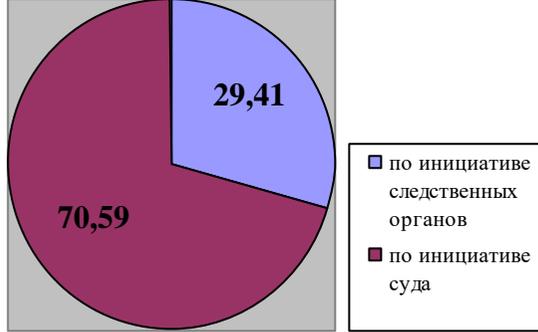
№ п/п	Номер и наименование статьи УПК РФ	Содержание статьи
1.	ч. 1 ст. 25.1 («Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа»)	1. Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства ... вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица...
2.	п. 2 ч. 1 ст. 35 («Изменение территориальной подсудности уголовного дела»)	1. Территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена: ... 2) по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда , в который поступило уголовное дело...
3.	ч. 4 ст. 88 («Правила оценки доказательств»)	4. Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 настоящего Кодекса.
4.	ч. 5 ст. 107 («Домашний арест»)	5. При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога.
5.	ч. 7.1 ст. 108 («Заключение под стражу»)	7.1. При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.
6.	ч. 10 ст. 108 («Заключение под стражу»)	10. Если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу возникает в суде, то решение об этом принимает суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе , о чем выносится определение или постановление.
7.	п. 2 ч. 8 ст. 109 («Сроки содержания под стражей»)	При отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, избрать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

№ п/п	Номер и наименование статьи УПК РФ	Содержание статьи
8.	ч. 4 ст. 226.9 («Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме»)	4. При поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе ... , судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.
9.	части 2, 3 ст. 228 («Вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу»)	2. Вопрос об избрании меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей рассматривается в судебном заседании судьей по ходатайству прокурора или по собственной инициативе.... 3. Вопрос о продлении срока ареста, наложенного на имущество лиц, указанных в части третьей статьи 115 настоящего Кодекса, рассматривается в судебном заседании судьей по ходатайству прокурора или по собственной инициативе в порядке....
10.	ст. 229 («Основания проведения предварительного слушания»)	1. Суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных частью второй настоящей статьи, проводит предварительное слушание в порядке, установленном....
11.	ч. 1 ст. 237 («Возвращение уголовного дела прокурору»)	1. Судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если...
12.	ч. 4 ст. 275 («Допрос подсудимого»)	4. Допрос подсудимого в отсутствие другого подсудимого допускается по ходатайству сторон или по инициативе суда , о чем выносится определение или постановление.
13.	ч. 6 ст. 280 («Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля»)	6. В целях охраны прав несовершеннолетних по ходатайству сторон, а также по инициативе суда допрос потерпевших и свидетелей, не достигших возраста восемнадцати лет, может быть проведен в отсутствие подсудимого, о чем суд выносит определение или постановление.
14.	части 2, 6 ст. 281 («Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля»)	2. При неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний в случаях: 6. ... По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля повторно.
15.	ч. 1 ст. 282 («Допрос эксперта»)	1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения.

№ п/п	Номер и наименование статьи УПК РФ	Содержание статьи
16.	части 1, 4 ст. 283 («Производство судебной экспертизы»)	1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд может назначить судебную экспертизу. 4. Суд по ходатайству сторон либо по собственной инициативе назначает повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов.
17.	ч. 6 ст. 316 («Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора»)	6. При возражении подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.
18.	ч. 4 ст. 333 («Права присяжных заседателей»)	4. Председательствующий предупреждает присяжных заседателей о том, что в случае нарушения требований, предусмотренных частью второй настоящей статьи, присяжный заседатель может быть отстранен от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела по инициативе судьи или по ходатайству сторон.
19.	ч. 5 ст. 335 («Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей»)	5. Судья по собственной инициативе , а также по ходатайству сторон исключает из уголовного дела доказательства, недопустимость которых выявилась в ходе судебного разбирательства.
20.	ч. 4 ст. 389.11 («Назначение и подготовка заседания суда апелляционной инстанции»)	4. Вопрос об избрании подсудимому или осужденному меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей рассматривается в судебном заседании судьей по ходатайству сторон или по собственной инициативе с участием ...
21.	ч. 1 ст. 429 («Удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания»)	1. По ходатайству стороны, а также по собственной инициативе суд вправе принять решение об удалении несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие.
22.	ч. 5 ч. 445 («Прекращение, изменение и продление применения принудительной меры медицинского характера»)	5. ... Если медицинское заключение вызывает сомнение, то суд по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе может назначить судебную экспертизу, истребовать дополнительные документы, а также допросить лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении, об изменении или о продлении применения принудительной меры медицинского характера, если это возможно по его психическому состоянию.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

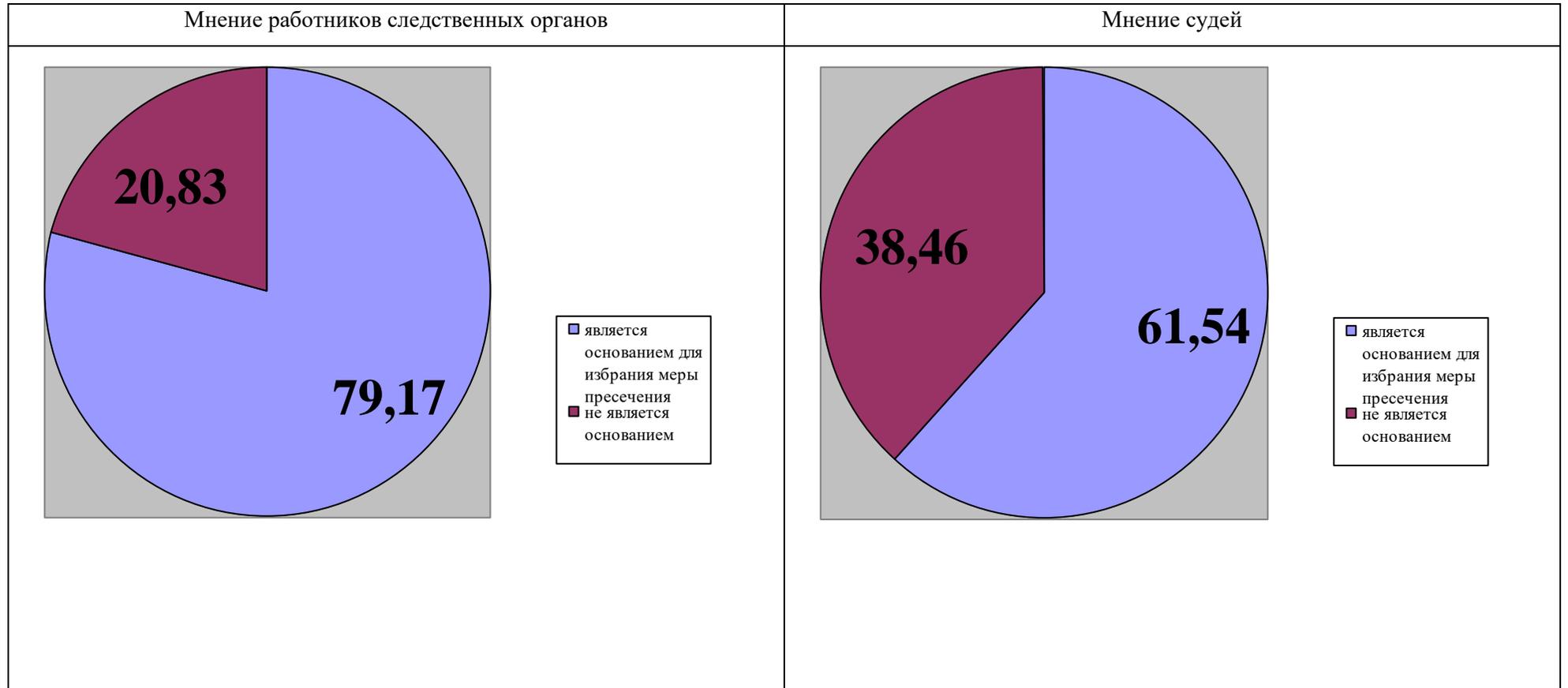
Диаграммы результатов анкетирования работников следственных органов и судей по вопросу инициатора избрания альтернативных заключению под стражу мер пресечения

Мнение работников следственных органов по вопросу инициативной роли суда при избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения	Мнение судей по вопросу инициативной роли суда при избрании альтернативных заключению под стражу мер пресечения												
<table border="1"><thead><tr><th>Инициатор</th><th>Процент</th></tr></thead><tbody><tr><td>по инициативе следственных органов</td><td>38,28</td></tr><tr><td>по инициативе суда</td><td>61,72</td></tr></tbody></table>	Инициатор	Процент	по инициативе следственных органов	38,28	по инициативе суда	61,72	<table border="1"><thead><tr><th>Инициатор</th><th>Процент</th></tr></thead><tbody><tr><td>по инициативе следственных органов</td><td>44,12</td></tr><tr><td>по инициативе суда</td><td>55,88</td></tr></tbody></table>	Инициатор	Процент	по инициативе следственных органов	44,12	по инициативе суда	55,88
Инициатор	Процент												
по инициативе следственных органов	38,28												
по инициативе суда	61,72												
Инициатор	Процент												
по инициативе следственных органов	44,12												
по инициативе суда	55,88												
Мнение работников следственных органов по вопросу инициативной роли суда при изменении содержания под стражей на более мягкую меру пресечения	Мнение судей по вопросу инициативной роли суда при изменении содержания под стражей на более мягкую меру пресечения												
<table border="1"><thead><tr><th>Инициатор</th><th>Процент</th></tr></thead><tbody><tr><td>по инициативе следственных органов</td><td>34,36</td></tr><tr><td>по инициативе суда</td><td>65,64</td></tr></tbody></table>	Инициатор	Процент	по инициативе следственных органов	34,36	по инициативе суда	65,64	<table border="1"><thead><tr><th>Инициатор</th><th>Процент</th></tr></thead><tbody><tr><td>по инициативе следственных органов</td><td>29,41</td></tr><tr><td>по инициативе суда</td><td>70,59</td></tr></tbody></table>	Инициатор	Процент	по инициативе следственных органов	29,41	по инициативе суда	70,59
Инициатор	Процент												
по инициативе следственных органов	34,36												
по инициативе суда	65,64												
Инициатор	Процент												
по инициативе следственных органов	29,41												
по инициативе суда	70,59												

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Диаграммы результатов анкетирования работников следственных органов и судей по вопросу оценки тяжести совершенного преступления как основания для избрания меры пресечения

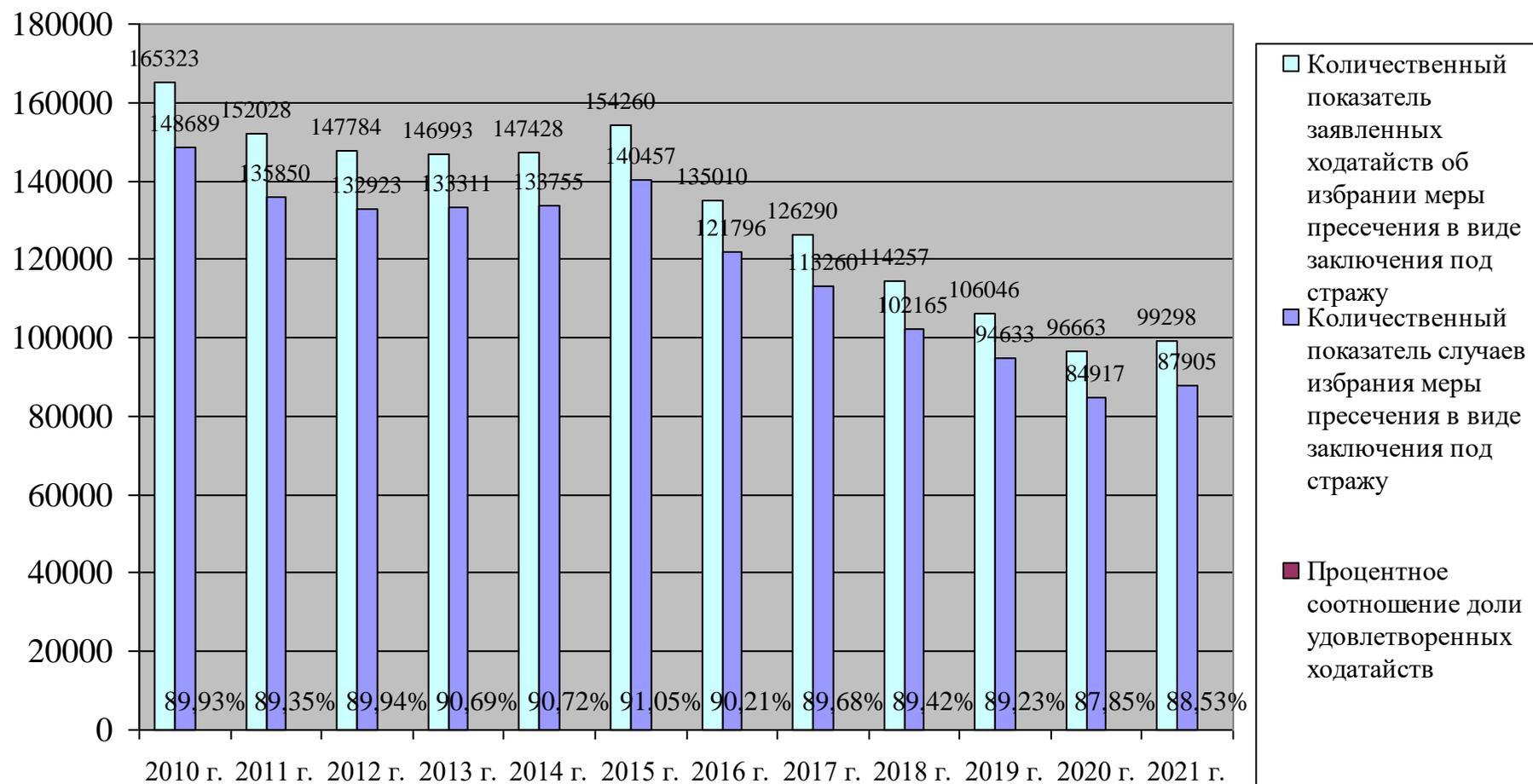
270

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в России в период с 2010 по 2021 г. по сравнению с количеством заявленных ходатайств за аналогичный период

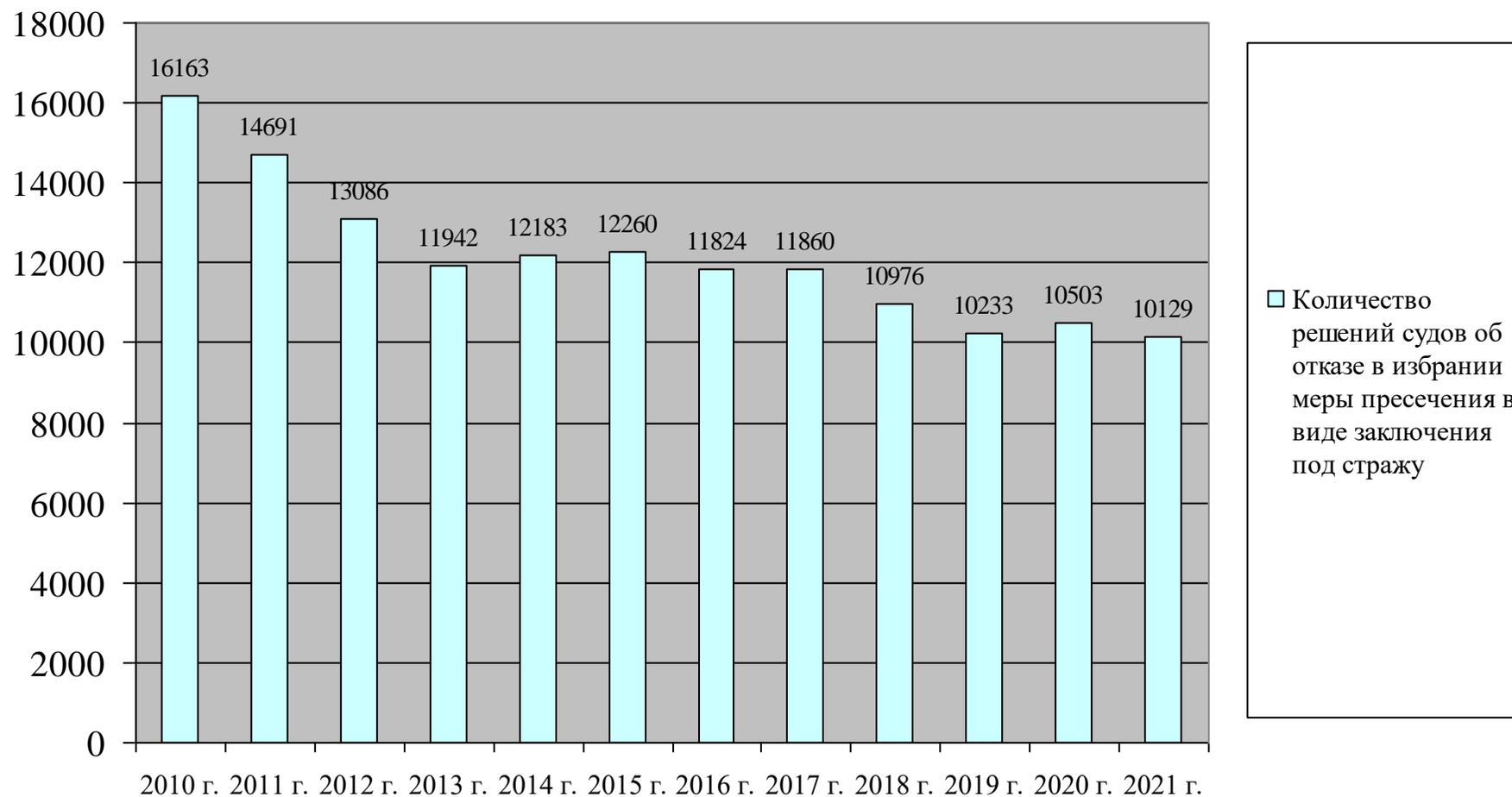
271

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

Графическое изображение динамики количественных показателей отказов судов в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в России в период с 2010 по 2021 г.

272

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

Образец нотариального согласия лица на предоставление своего жилища как места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста

СОГЛАСИЕ

Российская Федерация
Город Владивосток, Приморский край.
Шестнадцатого марта две тысячи семнадцатого года.

Я, **Татьяна Юрьевна**, гражданка Российской Федерации, пол женский, года рождения, место рождения: гор. Владивосток, паспорт выдан ОУФМС России по Приморскому краю во Фрунзенском р-не гор. Владивостока 25 октября 2011 года, код подразделения 250-008, зарегистрированная по месту жительства по адресу: г. Владивосток, ул. Хабаровская, дом , кв.

являясь собственником 1/2 (одной второй) доли квартиры, расположенной по адресу: г. Владивосток, ул. Хабаровская, дом № , кв , настоящим даю согласие на проживание в данной квартире моего мужа **Михаила Александровича**, гражданина Российской Федерации, пол мужской, года рождения, место рождения: гор. Владивосток, паспорт выдан Отделом УФМС России по Приморскому краю в Первореченском районе гор. Владивостока 13 февраля 2015 года, код подразделения 250-005 бессрочно, в том числе и на период нахождения под домашним арестом.

Настоящее согласие может быть предъявлено в любые компетентные органы Российской Федерации.

Подпись: _____

Российская Федерация
Город Владивосток, Приморский край.

Шестнадцатого марта две тысячи семнадцатого года.

Настоящее согласие удостоверено мной, нотариусом Калмыковой Надеждой Авенирвной Владивостокского нотариального округа Приморского края.

Содержание согласия соответствует волеизъявлению ее участника.

Согласие подписано в моем присутствии.

Личность участника согласия установлена, ее дееспособность проверена.

Зарегистрировано в реестре: № 2-745

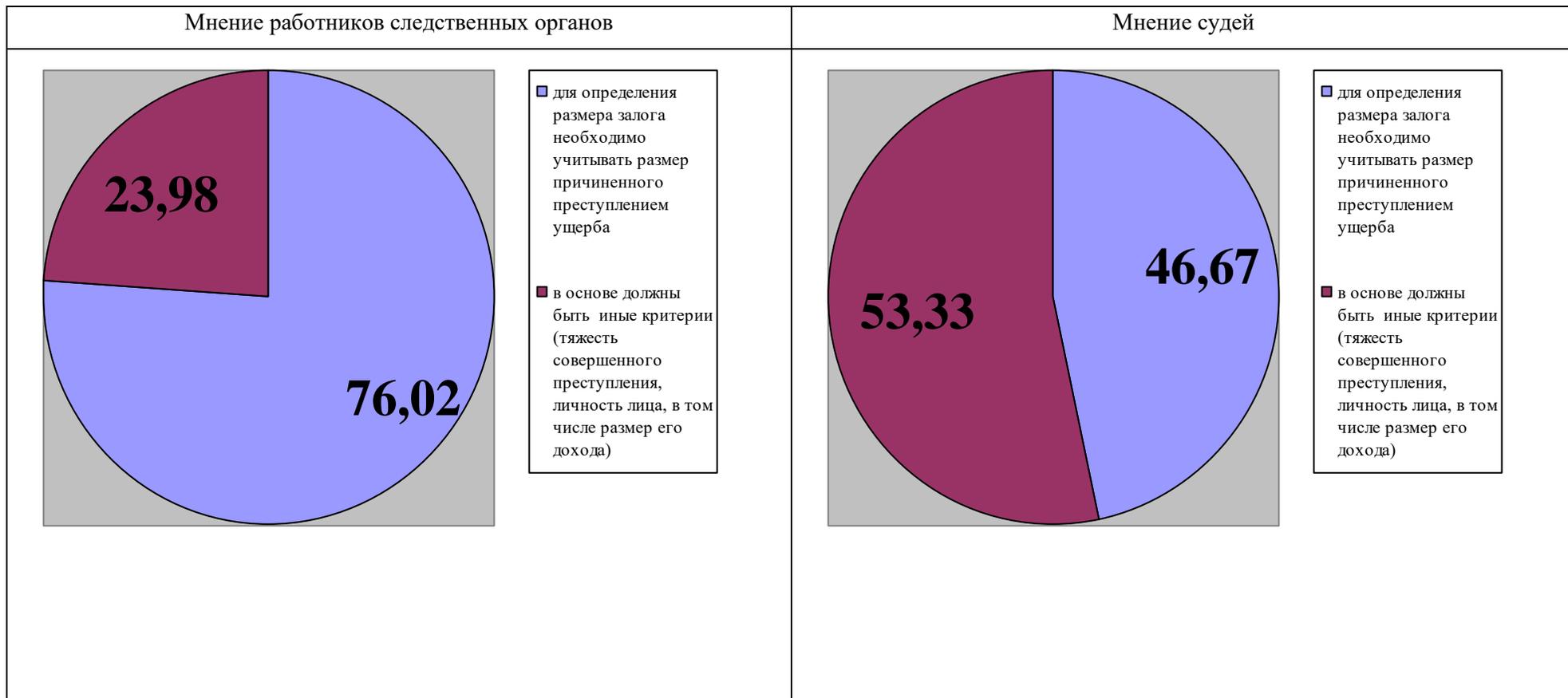
Взыскано государственной пошлины(по тарифу): 500 руб. 00 коп.

Уплачено за оказание услуг правового и технического характера: 1 200 руб. 00 коп.

Н. А. Калмыкова

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

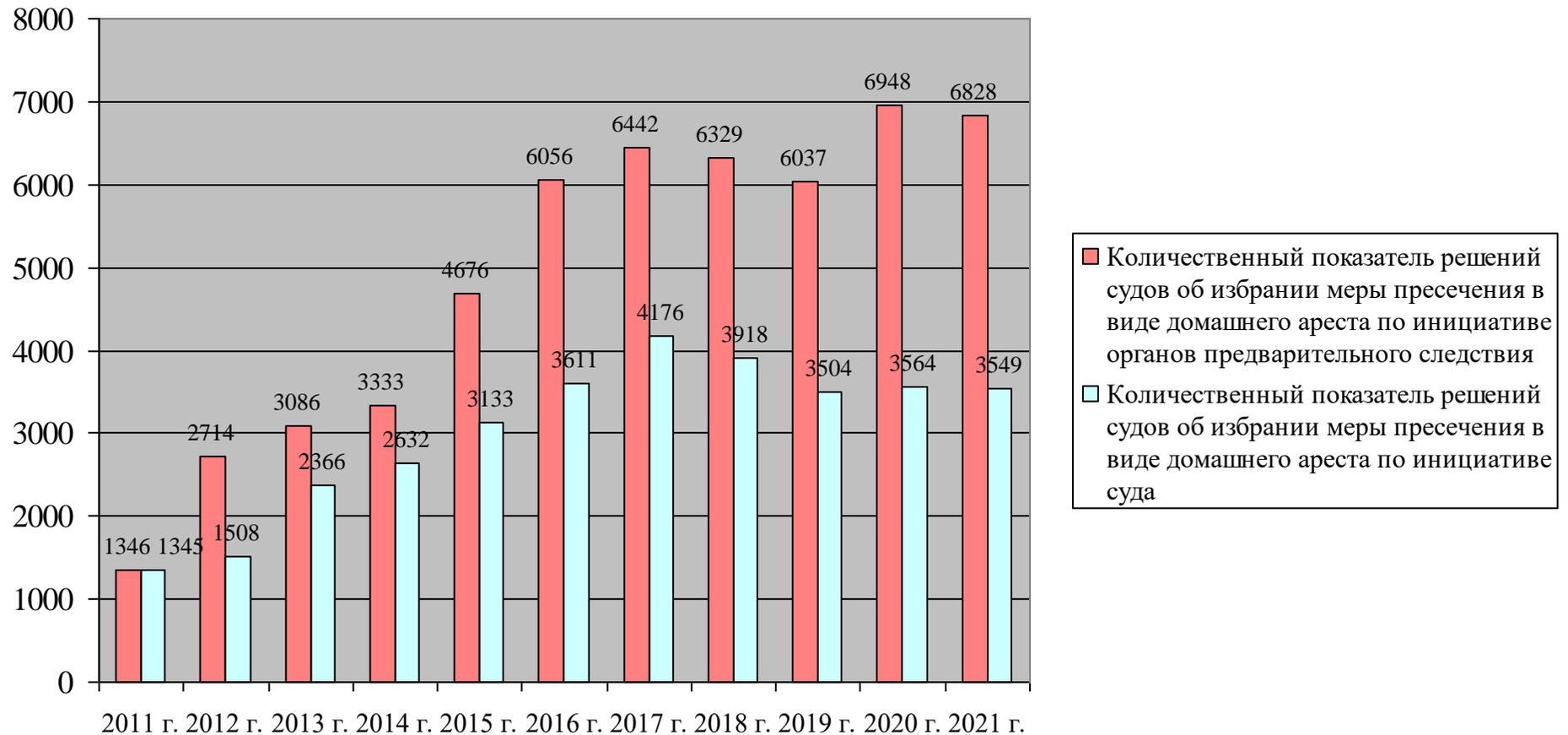
Диаграммы результатов анкетирования работников следственных органов и судей по вопросу критериев оценки размера денежного залога

ПРИЛОЖЕНИЕ 17

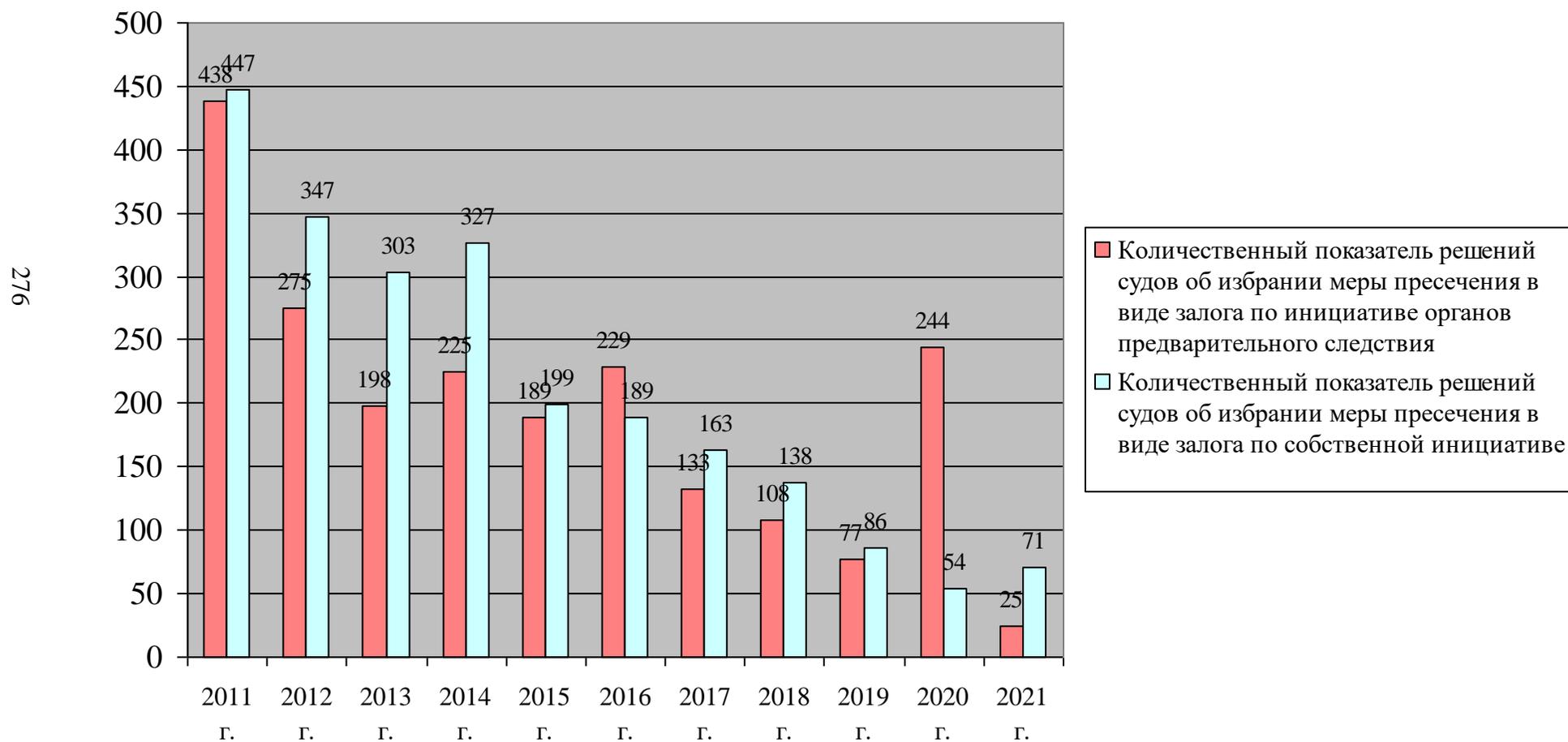
Графическое изображение соотношения количественных показателей об избрании домашнего ареста по инициативе органов предварительного расследования и по инициативе суда при отказе в удовлетворении ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу в России за период с 2011 по 2021 г.

275

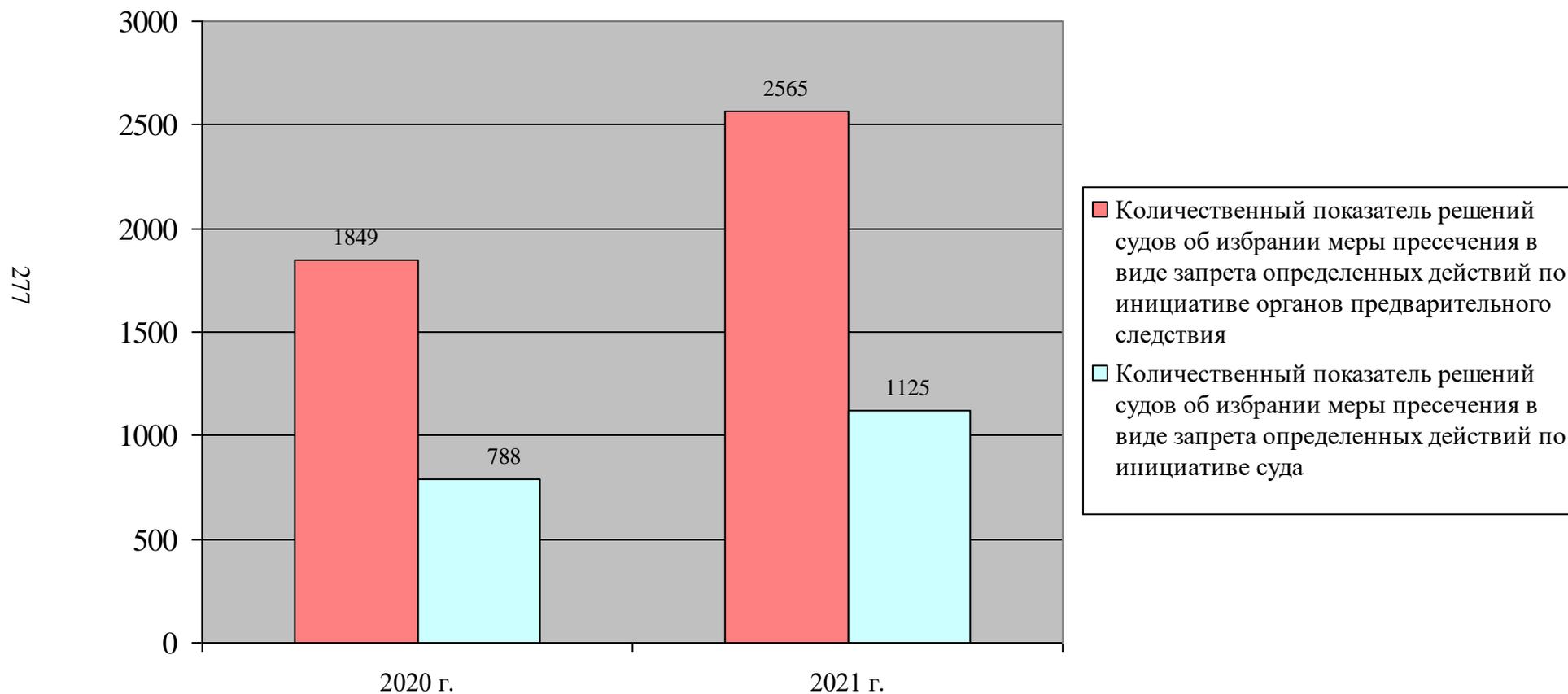
ПРИЛОЖЕНИЕ 18

Графическое изображение соотношения количественных показателей об избрании залога по инициативе органов предварительного расследования и по инициативе суда при отказе в удовлетворении ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу в России за период с 2011 по 2021 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 19

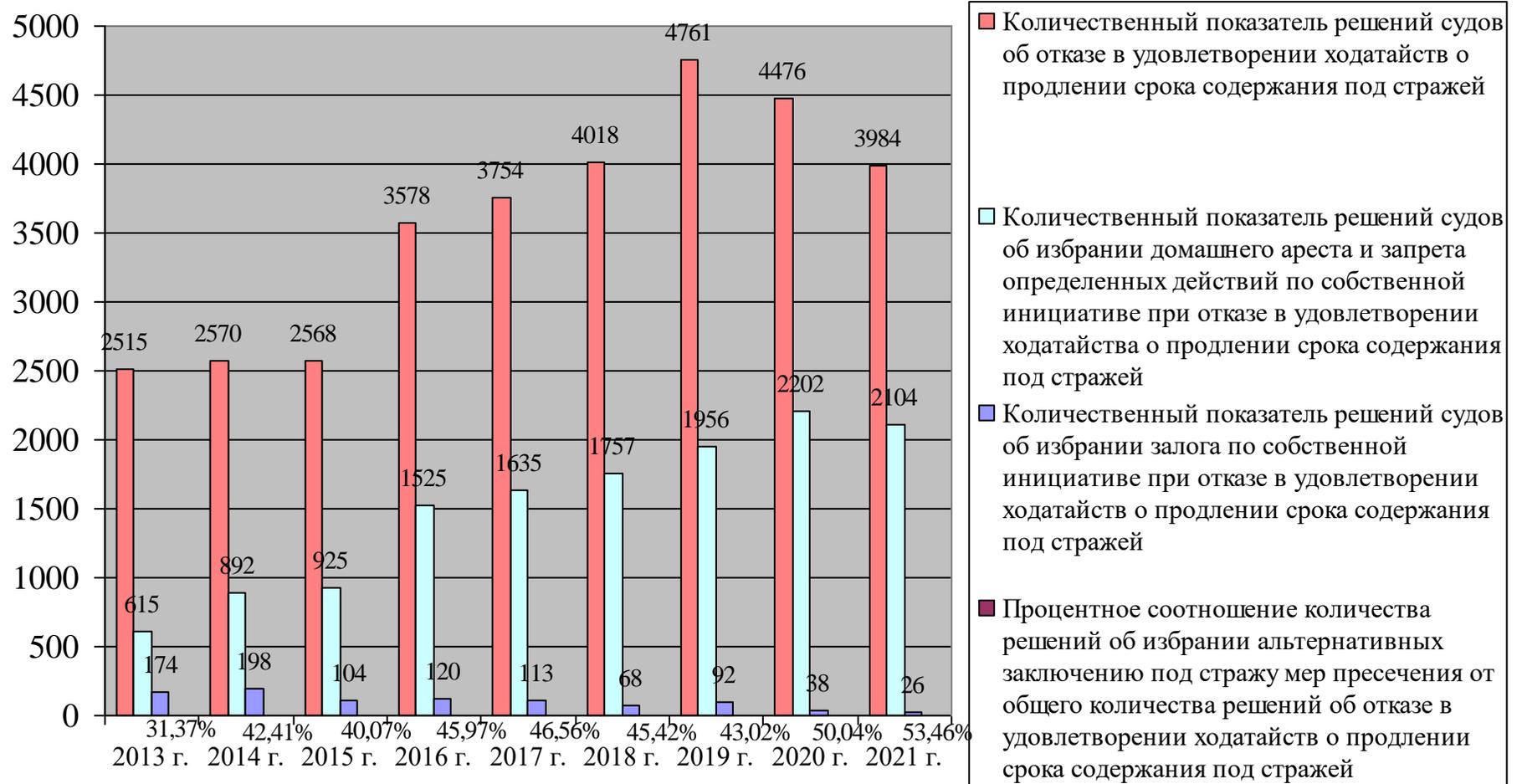
Графическое изображение соотношения количественных показателей об избрании запрета определенных действий по инициативе органов предварительного расследования и по инициативе суда при отказе в удовлетворении ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу в России за период с 2020 по 2021 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 20

Графическое изображение динамики количественных показателей об избрании судами по собственной инициативе альтернативных заключению под стражу мер пресечения при отказе в удовлетворении ходатайств о продлении сроков содержания под стражей в России за период с 2013 по 2021 г.

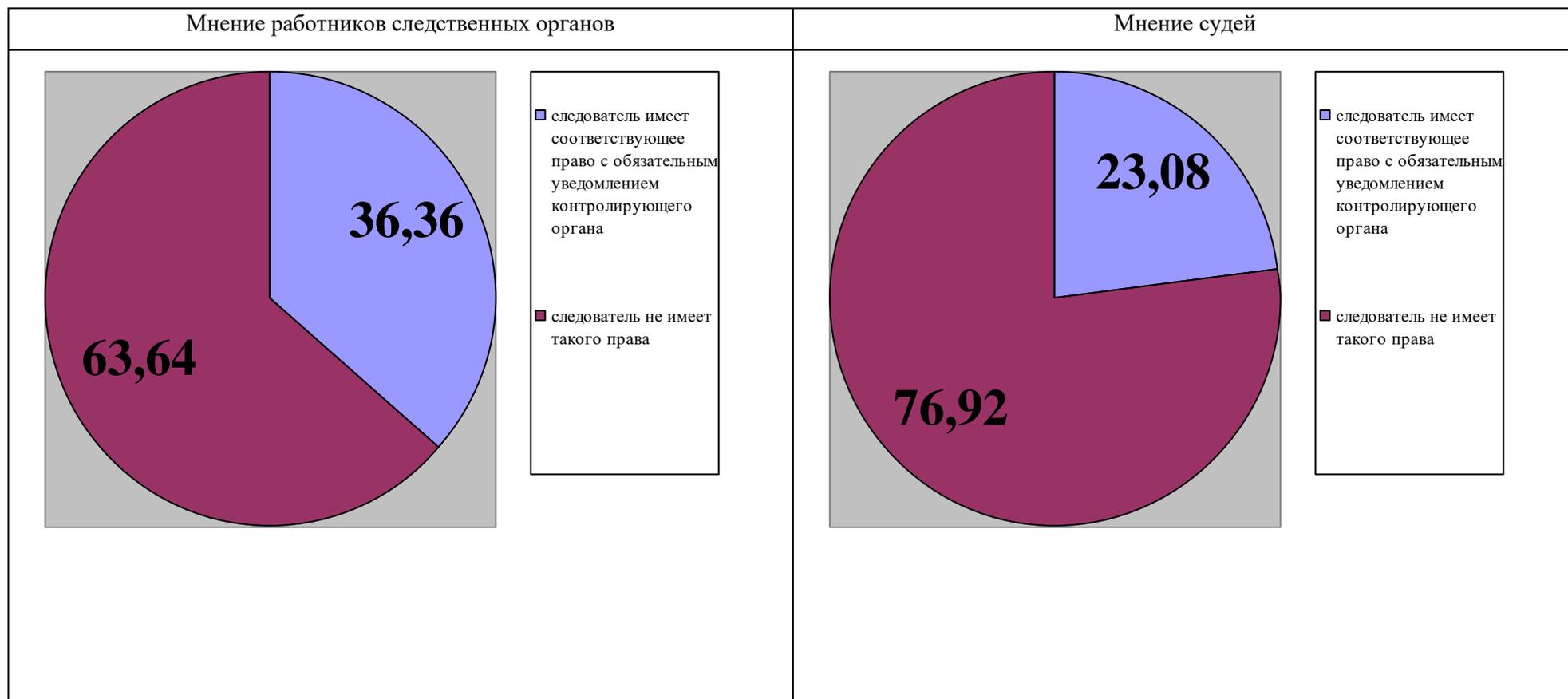
278

ПРИЛОЖЕНИЕ 21

Диаграммы результатов анкетирования работников следственных органов и судей по вопросу возможности изменения следователем, в производстве которого находится уголовное дело, установленных судом в отношении подозреваемого (обвиняемого) запретов в сторону смягчения

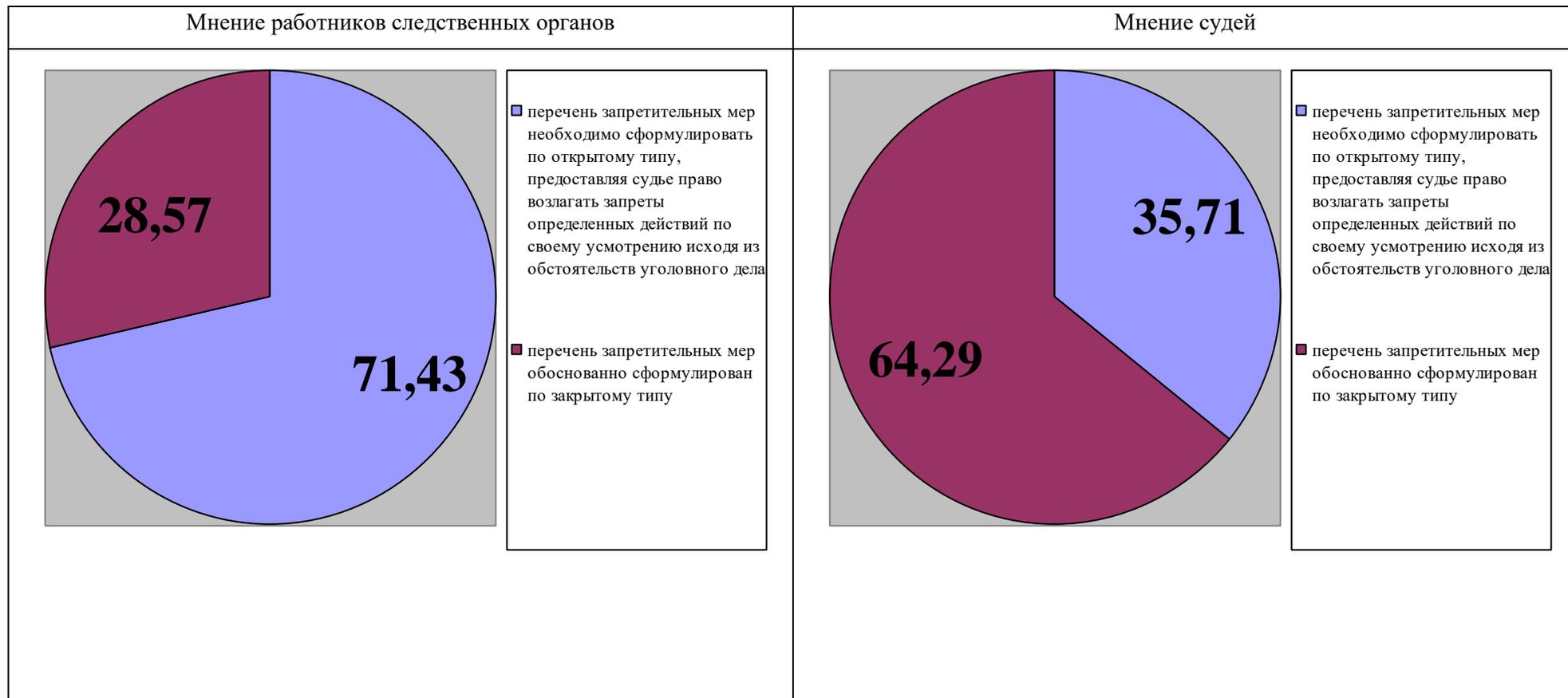
279

ПРИЛОЖЕНИЕ 22

Диаграммы результатов анкетирования работников следственных органов и судей по вопросу обоснованности формулирования перечня запретительных мер в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ по закрытому типу

280

ПРИЛОЖЕНИЕ 23

Диаграммы результатов анкетирования работников территориальных органов ФСИН России по вопросам технической возможности осуществления действенного контроля за возложенными запретами

